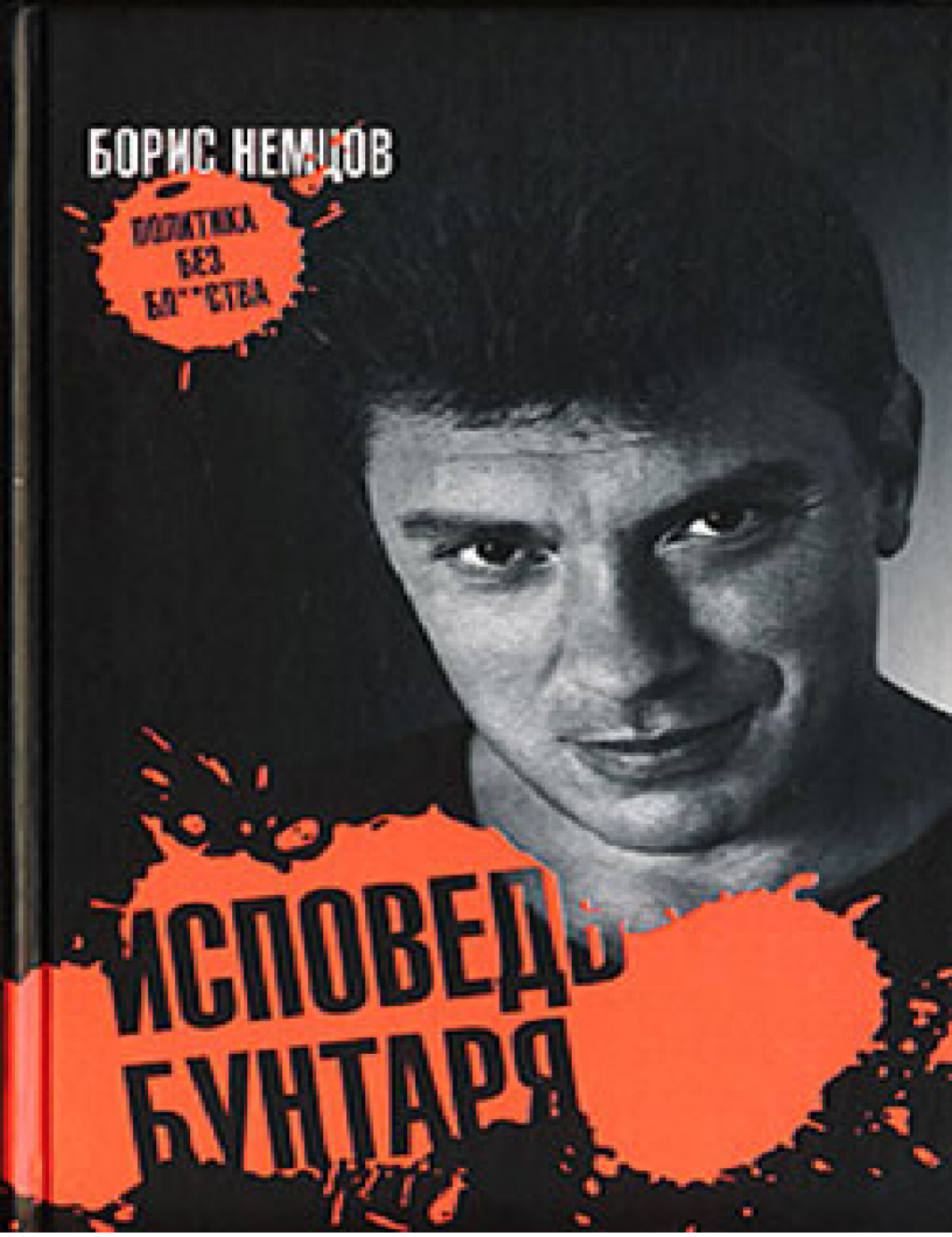
БОРИС НЕМЦОВ
ПОЛИТИКА БЕЗ БЛ***СТВА
ИСПОВЕДЬ БУНТАРЯ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Исповедь бунтаря» – это третья книга Бориса Немцова. Первую – «Провинциал» – он написал в 1997 году, на подъеме своей политической карьеры и в зените славы. Немцов тогда только перебрался в Москву из Нижнего Новгорода и хотел рассказать людям о своих жизненных принципах. В 1997 году у него было много иллюзий, он был политическим романтиком. За последние 10 лет Немцов пережил много ударов судьбы, на несколько лет отошел от активной политической деятельности, почти расстался со всеми иллюзиями. «Исповедь бунтаря» – итог прошедших потрясений, самая откровенная политическая публицистика в России последнего времени. Борис Немцов решил высказаться в сложный момент российской истории. Он делает это жестко, честно и ярко.

- Борис Немцов
  - Повод для исповеди
  -
  - II
  - III
  - IV
  - V
  - VI
  - VII
  - VIII
  - IX
  - X
  - XI
  - XII
  - XIII
  - Послесловие товарища

Борис Немцов
Исповедь бунтаря

Повод для исповеди

Я начинаю политическую борьбу, потому что не согласен с курсом, который проводит президент России. Не согласен с суверенной демократией, с её цензурой, холуйством, жестокостью и цинизмом. Не согласен и с латиноамериканским капитализмом, где главные действующие лица – это алчные монополии и наглые чиновники. Все это делает Россию крепостной и жестокой. А нам нужна Россия свободная и гуманная.

Не так давно моя старшая дочь Жанна решила заняться политикой и выставила свою кандидатуру на выборах в Московскую городскую думу. Девушка она уже взрослая, решения в свои 23 года принимает самостоятельно, поэтому советоваться ко мне пришла уже после подачи документов в избирательную комиссию. Поначалу я пытался ее отговорить от участия в этой авантюре. Долго объяснял, что молодому человеку с либеральными и демократическими взглядами просто-напросто не дадут возможности свободно вести политическую кампанию, заблокируют. Я убеждал ее, что у молодых людей, свободных и независимых, практически не осталось шансов на успех в общественной деятельности в современной России. Молодым сейчас политикой можно заниматься, только записавшись в «Наши», «Идущие вместе», «Местные» или к Ивану Демидову, но от таких компаний просто тошнит. Я просил свою дочь отказаться от выборов, потому что любой проигрыш в молодом возрасте – это серьезная психологическая травма. И, наконец, я просто беспокоился за ее безопасность.

Аргументы не подействовали. Жанна сделала так, как решила, и заняла на выборах в Мосгордуму по Зеленоградскому округу третье место. Неплохой результат для неопытной и неискушенной девушки, но все-таки депутатом она не стала. Мне повезло больше; я, будучи молодым, застал перестройку, время революции, а в моменты революционных изменений именно у молодых людей появляется шанс проявить себя. Более того, общество без революций молодых людей как политиков вообще не воспринимает, и не случайно европейским и американским политикам – за пятьдесят, а то и за семьдесят. Но означает ли это, что у молодых свободомыслящих людей сегодня совсем нет шансов в России? Жанна подтолкнула меня к серьезным раздумьям на эту тему. Я понял, что горжусь ею, горжусь тем, что мои гены оказались сильнее исторического процесса и сильнее ее природной разумности. Несмотря на абсолютную бесперспективность мероприятия, она все-таки решила рискнуть,

попробовать себя в сложной и неблагодарной сфере. И не она одна.

Я знаю многих ее друзей, я встречаю множество молодых политиков в разных регионах страны. Отличные ребята.

Меня до сих пор называют «молодым реформатором». Это вызывает улыбку, поскольку в 47 лет я, конечно, чувствую себя молодым и бодрым, но ведь в политике далеко не новичок – двадцать лет ею занимаюсь. В конце 1980-х – в начале 1990-х годов за нами – молодыми демократами – никто не стоял, нам не на кого было опереться. Мы двигались интуитивно, рядом по объективным причинам не оказалось старших товарищей, которые подсказали бы что-то или помогли избежать явных и грубых ошибок. Мы многого добились, но и ошибок совершили тоже немало. Может быть, главная наша ошибка – неспособность смирить амбиции и договориться – и привела к тому, что последние пять лет для демократов в России были особенно тяжелыми. Власть нефти – петрократия – оказалась сильнее демократических и либеральных ценностей. В России нефть приносит государству больше половины доходов. И главный вопрос, который сейчас интересует людей: как разделить стабилизационный фонд и как потратить 400 миллиардов долларов – резерв Центрального банка? О базовых ценностях свободного, цивилизованного общества россияне задумаются позже.

Я – общественный деятель в глазах большого числа сторонников, соотечественников и друзей. В моем возрасте менять профессию трудно, да и сделать это я уже не смогу. Но в то же время не хочу возвращаться в политику и во власть любой ценой. Если бы ставил перед собой задачу таким образом, то вступил бы в ряды «Справедливой России» или «Единой России». Для меня это неприемлемо. Я считаю, что демократам необходимо вернуться в парламент, сохраняя базовые ценности и принципы демократии. Возможно, именно новое поколение – такие, как Жанна и ее товарищи – рано или поздно должны это сделать лучше, чем мы.

Сейчас крайне важна просветительская деятельность, чем больше думающих людей осознают важность ценностей демократии, тем легче будет вернуть страну на правильный путь развития. Россия – страна консервативная, инерционная. И с отягчающими факторами в виде высоких цен на нефть и огромной сырьевой базы. Лично я в быстрые перемены не верю, считаю, что демократам необходимо настроиться на затяжную, серьезную борьбу. В то же время наше нынешнее положение не катастрофично и не безнадежно. Хотя бы потому, что огромное

число молодых, активных и очень толковых людей разделяют идеалы демократии и верят, что только свободная Россия станет сильной. В итоге я все-таки решил выступить в роли «старшего товарища» и написал эту книгу, чтобы на примере собственной жизни показать, каких ошибок следует избегать и как противостоять соблазнам и ударам нашей политической действительности.

II
Как найти свое место в президиуме

Я родился в разгар строительства коммунизма и даже в самых смелых юношеских фантазиях не мог представить, какие крутые виражи готовит мне жизнь. В школе не был комсомольским вожаком, не собирался вступать в ряды коммунистической партии, хотя и понимал, что вне КПСС сделать карьеру практически невозможно. Но об общественном или, упаси Бог, политическом будущем я тогда вообще не думал, собирался стать ученым физиком.

Более того, еще в школе возникли проблемы с моей политической благонадежностью. Я учился на отлично и шел на золотую медаль. Однако медаль мне давать не хотели, потому что учителя просекли, что я политически неблагонадежен. Это сегодня звучит смешно, а я оканчивал школу на пике социалистического застоя, в 1976 году. И в характеристике, которую я должен был предоставить при поступлении в университет, директор написала: «политически не устойчив». В те годы с подобной характеристикой поступить в университет было невозможно, потому началось долгое выяснение отношений между университетом и моей школой. Наконец, директор смягчила приговор на «позволяет себе политически непродуманные высказывания». Это уже давало мне шанс стать физиком.

Я начал свою политическую деятельность во второй половине 1980-х, причем начал не с политики, а с экологии. В Нижнем Новгороде коммунисты затеяли строительство атомной котельной – «атомной станции теплоснабжения» (АСТ). Они предлагали нагревать воду в атомных реакторах, и потом через систему теплообменников эту воду под высоким давлением закачивать в нижегородские дома. Поскольку страна на тот момент была безмолвна, никто никого ни о чем даже не собирался спрашивать – стали строить. Однако Нижний – по сути своей город не рабский, у нас появилась общественная организация «За ядерную безопасность», главной задачей которой было не допустить строительства этой самой котельной. Даже моя мама стала собирать на площади имени Горького подписи против этого проекта. Собственно, благодаря матери я и пришел в политику. Она все время мне твердила одно и то же: «Вот ты занимаешься никому не нужной наукой, а у нас тут собираются ядерную котельную строить. У тебя совесть есть?»

Наконец, меня как физика попросили войти в организацию. Люди понимали, что нельзя соединить наше гнилое коммунальное хозяйство с высокими технологиями. А я, несмотря на лояльное отношение к ядерной энергетике, понимал, что атомная котельная – это самое безумное, что могли придумать советские бюрократы. В итоге написал по этому поводу статью в газету «Нижегородский рабочий», в которой объяснил, почему я против атомной станции теплоснабжения. Статья вызвала невероятный резонанс. В редакцию пришли тысячи писем. Общество настолько серьезно отнеслось к проблеме, было столько откликов, что в нашем институте даже специально поставили стол для «писем Немцову». Это был 1987 год. Мне 27. К этому времени я уже защитил кандидатскую и начал писать докторскую и даже не помышлял о какой-то общественной карьере. Но меня стали включать во всякие экологические проекты, приглашать на собрания, акции. В конце концов, я просто не мог оставить маму на площади в одиночестве. Так и втянулся. А в 1990-м подоспели выборы в российский парламент.

Для тех лет у меня была достаточно радикальная программа: свобода слова, частная собственность, открытая страна, возвращение городу Горький исторического имени и, естественно, закрытие атомной теплостанции. Эти вопросы оказались важны для нижегородцев, программа была людям понятна и ими востребована. В итоге на выборах я победил. Кстати, с гордостью констатирую, что моя первая политическая и предвыборная программа полностью выполнена.

Тогда же я познакомился с Борисом Ельциным. Депутаты съехались в Москву на первое заседание Верховного Совета РСФСР, и Ельцин пригласил на встречу тех, кто победил под демократическими лозунгами. Собрались. Ельцин зашел, увидел меня, молодого парня (а мне тогда было 30 лет), и сходу говорит: «Вы из Нижнего Новгорода? У вас есть какие-нибудь идеи, как нам обустроить Россию?» Меня это удивило. Он несколько часов сидел и слушал нас, совсем молодых людей, неоперившихся, практически ничего не комментируя и только что-то записывая. И это не был аттракцион по внимательному прослушиванию разговоров начинающих политиков, это был заинтересованный, важный разговор.

Борис Ельцин образца второй половины 1980-х годов на 100 процентов отвечал запросам общества. Что бы в тот момент Ельцин ни делал – падал с моста в реку, снимал с должности директора Елисеевского магазина, ездил в трамвае или ходил по обычным районным поликлиникам, – молва делала из этого фетиш, геройский поступок. То же самое много лет спустя

случилось с Ющенко. Во время «оранжевой» революции в Украине народ ликовал при любом его появлении, он мог ничего не делать, ничего не говорить или произносить банальность – объединяющим, мобилизующим являлся сам факт его существования. Так случается, когда лидер точно попадает в ожидания людей, когда в обществе возникает спрос на лидера.

Изменение спроса на лидера – это смена фазы развития страны. Ведь что характеризует нынешнюю Россию? Ностальгия по империи и гордость собой, поскольку налицо какой-никакой рост благосостояния. Народ после пятнадцати лет экономического и политического кризиса – с 1984-го по 1999 год – действительно стал лучше жить, и никого не интересует, что произошло это по не зависящим от нынешней власти причинам – просто выросла стоимость нефти. Но людям не хочется думать об этом, им не хочется думать о том, что будет через пять-десять-пятнадцать лет, их не интересует политика. Это фаза летаргического сна, и в этой фазе народу не нужна свобода слова, не нужна демократия, не нужны лишние права. В эту фазу органично вписывается Путин, потому что он сильно переживает по поводу распада СССР, пытается, хотя и не очень удачно, вершить дела на международном уровне, демонстрирует по всем телеканалам, как он возрождает былую мощь. И, конечно, все успехи на нефтяном рынке он приписывает себе, хотя не имеет к этому никакого отношения.

В стране дефицит свободы, но его ощущает меньшинство. Со свободой ведь – это как с кислородом при подводном плавании: ты ныряешь под воду – и надеешься на то, что акваланг наполнен кислородом, а шланг не перекручен. Однажды я нырнул и почувствовал, что воздуха не хватает. Быстро всплыл и ощутил ужасную головную боль. Было очень тяжело. В тот момент я впервые понял, что значит глоток кислорода. Так и со свободой: пока она есть – ее не ощущаешь, как и воздух, которым дышишь, но рано или поздно отсутствие воздуха становится катастрофой. Не надо ни еды, ни воды – только бы глоток свежего воздуха. Поэтому неизвестно, какой краской будет вписано имя Путина в российскую историю. Хотя сегодня в России из-за наркотического нефтяного дурмана есть ощущение, что все нормально и жизнь прекрасна. В такие моменты либералы и демократы не нужны.

Казалось бы, очень легко объяснить людям связь между свободой и хорошей жизнью. В качестве доказательства надо всего лишь посмотреть на то, что происходит в мире, и убедиться: где свобода – там люди живут хорошо, а в странах, где ее нет, – мрак. Но парадокс в том, что эту простую истину большинству объяснить невозможно. Я даже иногда думаю, что народу должны

так перекрыть кислород, чтобы он стал задыхаться, и только тогда он поймет. Но несмотря ни на что, на мой взгляд, спрос на демократическую, либеральную идею будет расти. Правда, сколько времени это займет – не знаю. Хотелось бы, конечно, чтобы это произошло быстрее. Пока же запрос на «оранжевую» революцию есть только у элиты. Я не знаю ни одного московского интеллигентного семейства, где бы не обсуждали тему, возможна ли «оранжевая» революция в России. Революция невозможна – это факт, но то, что идея обсуждается, – тоже факт. Я бы даже сказал, что нарастает вторая волна диссидентского движения: людям надоедает бесконечная серость, вранье, надоедают казармы, официоз, который нам навязывают. А значит, волна будет распространяться все шире, а запрос на свободу – расти.

Впрочем, сегодняшняя социология не дает поводов для оптимизма. Американская организация Freedom House проводила уникальный опрос в разных странах, в основном «третьего мира», плюс Россия. Первый вопрос: считаете ли вы, что материальное положение важнее личной свободы? Второй: считаете ли вы, что для наведения порядка необходимо передать власть одному человеку? Третий: считаете ли вы, что необходимы ограничения для печати, если того требуют интересы государства? Россия по ответам оказалась худшей, даже хуже африканских и латиноамериканских стран. На все вопросы наши люди отвечают как представители нации, склонной к диктатуре и авторитаризму. Даже Зимбабве выглядит приличнее, даже латиноамериканские страны думают свободнее. У нас до сих пор нет понимания свободы как ценности. Думаю, это потому, что мы слишком мало крови пролили за свободу. Если бы мы за свою свободу заплатили дорогой ценой, тогда бы ценили. А коль скоро мы за нее ничего не заплатили, то так мы к ней и относимся.

Кстати, во всех постсоветских, посткоммунистических странах после либерализма и демократизации наступал период реванша. В Восточной Европе он прошел довольно мягко – там к власти приходили европеизированные левые. Но процесс наблюдался везде: в Венгрии, Болгарии, Чехии, Румынии, Польше… У нас, поскольку страна евроазиатская, реакция существует в более жесткой форме. Она существует в Белоруссии, существовала в Украине до «оранжевой» революции. И это объективный процесс, обратный ход маятника. От него никуда не деться, не спрятаться – надо пережить. Хотя, конечно, сидеть и смотреть, когда все это кончится, мы не можем, мы должны действовать.

Бывают в истории моменты, когда люди жаждут свободы. Считаю, что в новейшей истории России такой момент был. Это

конец 1980-х – начало 1990-х. Народ жаждал свободы! Когда на Манежной площади собрались миллион человек, которые требовали сокрушить коммунизм и дать людям свободу, – это был искренний порыв. Но… Люди сокрушили коммунизм и очень быстро разочаровались. У нашего народа вера в чудо запредельная, именно поэтому для нас Пасха важнее, чем Рождество. Во всем протестантском мире Рождество – главный праздник, а у нас главный – Пасха, потому что это Воскресение Христово, чудо то есть. Коммунизм сокрушили, а чуда не случилось, живем хреново. За что боролись? Мы что, просто тактам стояли под дождем, Ельцина защищали?

III
Искушение властью

Первый президент России искренне верил, что его важнейшая задача – найти себе преемника, прямого политического наследника. Для Ельцина это превратилось в идею фикс. Он начал готовиться к передаче власти задолго до официальной даты ухода с поста президента. Как поэт Жуковский и старик Державин, Ельцин стремился воспитать своего Пушкина, но в политике. И это очень по-русски.

У Ельцина в голове крутилось много фамилий. Он и меня объявлял преемником. Сделал это с чисто ельцинской прямотой.

В 1994-м Ельцин путешествовал с семьей по Волге на теплоходе «Россия». Шли сверху – Кострома, Ярославль, Нижний Новгород. И вот он приходит в Нижний Новгород на теплоходе «Россия», я его встречаю, в девять часов он сходит с трапа – Наина Иосифовна, он, Таня, обнимает меня и говорит: «Слушайте, мне так Жириновский осточертел (Ельцин, кстати, никогда матом не ругался, никогда. – Авт.) Он в каждом городе ко мне выходит и мешает мне работать. Сделайте, чтоб его не было». Спрашиваю: «А где он?» – «Да там плывет за мной по Волге». Я позвонил в службу гидросооружений: «Где теплоход „Александр Пушкин“?» – «Да шлюзы проходит, Горьковское водохранилище». Я говорю: «Задержите этот теплоход в шлюзах». – «Мы не можем задержать». – «Вы воду спустите в шлюзах». – «Вы что, господин губернатор, это аварийная ситуация»! – «Спускайте, иначе я вам башку оторву»! – «Нам нужно Ваше письменное указание». – «Сейчас я вам дам указание». Написал указание задержать теплоход. Короче говоря, мы вместе с Ельциным сходили на ярмарку нижегородскую, открыли теннисный корт. На открытии теннисного корта он сказал: «Наконец-то я вырастил себе преемника. Он у вас так Нижний Новгород отстроил, у вас такой порядок, вы так его все любите, (а у меня рейтинг был процентов 70, причем со свободной печатью. – Авт.) Я могу спокойно дорабатывать, у меня преемник, он такой молодой, такой спортивный». В общем, произнес такую речь, после которой меня возненавидела вся Москва бюрократическая, ну и тусовочная тоже, – для них я был чужой.

Позже, во время нашей поездки в Америку, Ельцин уже серьезно представил меня президенту Клинтону как будущего президента России. И еще раз это повторил, но уже канцлеру ФРГ Колю во время визита в Берлин, когда наши войска покидали

Германию.

Пока я был губернатором Нижегородской области, Ельцин всерьез и неоднократно обсуждал со мной будущее страны. Однако эта идиллия существовала не очень долго, всего пару лет. После того как я стал сильно критиковать президента за войну в Чечне, у него возникли первые сомнения на мой счет.

В 1996 году мы собрали в Нижегородской области миллион подписей против войны и привезли их к Спасской башне на микроавтобусе «Газель». Одну из папок я принес Борису Николаевичу прямо в кабинет. Он был в шоке, узнав, что только в одной области собран миллион подписей, но одновременно Ельцину моя активность не понравилась. Я, действительно, слишком открыто критиковал президента, а в России это не принято, часто за подобное поведение жестоко наказывают, тем более не повышают. Но первый президент России во многих смыслах был первым. У него было несколько основополагающих принципов:

1. Свобода лучше цензуры.

2. Рынок лучше плановой экономики.

3. Самодеятельные люди полезнее чиновников. Сегодня невозможно даже в страшном сне представить, что губернатор (например, Хлопонин, Ткачев или Зеленин) может собрать подписи против, скажем, поддержки Путиным кровавого режима Каримова в Узбекистане или криминального соглашения с Туркмен-баши «газ в обмен на людей», или против той же войны в Чечне. Я не могу себе представить, что какой-то губернатор осмелится не то что подписи собрать, но просто выступить с критическим замечанием в отношении президента. И уж тем более невероятно, чтобы после такого демарша смельчак не пострадал. Если бы сегодня какой-то губернатор привез протестные подписные листы прямо к воротам Кремля, это расценили бы как террористический акт со всеми вытекающими последствиями.

Когда в последний раз мы все читали открытое письмо российского губернатора, например, о коррупции в высших эшелонах власти? Трудно вспомнить. Невозможно представить и такую ситуацию: открываешь газету, а там опубликовано обращение к Путину, например, губернатора Свердловской области Росселя (при Ельцине очень смелый был губернатор) с требованием разобраться, сколько государство (или конкретные чиновники) получили от сделки с Абрамовичем по покупке компании «Сибнефть»… Сегодня такое невозможно. Но еще недавно мы жили в другой стране.

Несмотря на мою активность и критичность, Ельцин

относился ко мне очень хорошо. У него две дочки, но, видимо, он всегда мечтал о сыне. И, наверное, я подсознательно вписывался в эти мечты.

Во-первых, я был с ним рядом в трудные минуты. В 1990-м, когда его не избирали председателем Верховного Совета, а я был активным его сторонником; в 1991-м я был с ним рядом, когда он был на танке. Даже в 1993-м, когда я был губернатором, я его поддерживал против фашистов, Макашова. Он много раз приезжал в Нижний, ко мне относился очень по-отечески. Мы с ним говорили обо всем на свете. Например, он меня спрашивал: «Вы молодой человек – а где Вы с девушками встречаетесь?» Я ему сказал, что есть у меня место, а он мне говорит: «Надо иметь много мест, потому что одно место будет засвечено». А дальше он сказал гениальную вещь: «Знаете, почему родилось движение молодежных жилищных кооперативов?» – «Почему?» – «Мне надо было каждые шесть месяцев сдавать новый дом». Гениально, да? Он мне никогда ничего не говорил про свою личную жизнь, и у них была замечательная семья, но вот эту одну фразу он обронил. У него реально были очень хорошие отношения в семье.

Я, конечно, никогда не представлял себя в роли сына Бориса Николаевича, но он часто мне рассказывал о своей жизни, о том, как он руководил Свердловской областью, проводил параллели с Нижегородской и так далее. В общем, у нас были очень близкие, хорошие и теплые отношения. Что же случилось?

1997 год. Я – первый вице-премьер правительства Российской Федерации. Молодой, амбициозный и бескомпромиссный. Реформы превыше всего. Те, кто мешает проведению реформ, должны отойти в сторону. В первую очередь – олигархи, для которых смутное время – идеальная пора для обогащения. Я заявил, что не хочу жить в стране победившего бандитского капитализма, и термин «бандитский капитализм» с тех пор вошел в политический лексикон.

Я написал президенту письмо, в котором сформулировал семь пунктов плана борьбы с олигархами. Предложения были разные. Например, я предлагал отобрать пропуска в Кремль у крупных бизнесменов. Пункт назывался: «Национализация Кремля». Я написал, что Кремль приватизирован олигархами и сейчас необходимо национализировать власть. Ельцину это очень понравилось, поскольку напоминало ему партийные методы руководства: отобрать пропуска, спецномера, мигалки…

Помимо этого в письме предлагалось прекратить залоговые аукционы и объявить приватизацию только на открытых аукционах. Это была революция. Как раз началась борьба за «Связьинвест», и мы с Чубайсом и Кохом решили провести

открытый, прозрачный аукцион. На «Связьинвест», как известно, претендовал Владимир Гусинский. Практически одновременно случилась скандальная история с «Газпромом», когда совет директоров крупнейшей монополии захотел возглавить Борис Березовский. Я выступал категорически против. А Березовский, как известно, владел Общественным российским телевидением. Так и случилось, что мы с Чубайсом нажили злейших врагов в лице самых влиятельных медиа-магнатов.

Борис Ельцин сначала поддержал наш план борьбы с олигархами. Кстати, сам термин «олигарх» тогда еще не был в обиходе, он появился в после конференции «Будущее России: олигархи или свобода». На конференцию мы пригласили всех известных магнатов, но пришел только Владимир Гусинский. Телекамер было около 100, журналистов аккредитовалось почти 200 человек. С этого момента слово «олигарх» у всех на устах. Но это так – лирическое отступление.

Мы с Чубайсом объявили, что очистим Россию от олигархов. Березовский с Гусинским в ответ объявили нам информационную войну. Война против нас заключалась в том, что телекиллер Сергей Доренко еженедельно в программе «Время» обливал нас грязью, рассказывая кошмарные небылицы. Например, ловил за 200 долларов проституток на Тверской, и они рассказывали в эфире общенационального канала, как развлекались в пансионате «Лужки» с Немцовым. Анонимные рассказы анонимных проституток с закрытыми лицами повторялись по ОРТ из недели в неделю.

Гусинский, правда, тему проституток посчитал неприличной. Для высмеивания и дискредитации меня он использовал кадры встречи в аэропорту Внуково Гейдара Алиева. Президент Азербайджана прилетел летом, в страшную жару, и я на официальном мероприятии оказался в легких белых штанах, что, конечно, является нарушением протокола. Позор, кошмар! Раз сто показали этот момент в программах телеканала НТВ. Впрочем, в этой книге, чуть позже, в сто первый раз я и сам расскажу эту историю.

Поскольку фактов коррупции или злоупотребления служебным положением наши враги обнаружить не могли, то ОРТ и НТВ били по определенным имиджевым точкам. Тактика – прямая и косвенная дискредитация, задача – свалить правительство. Березовский с Гусинским делали все, чтобы создать вокруг нас зону общественного отчуждения, чтобы в итоге мы либо ушли в отставку самостоятельно, либо, не выдержав, нас отстранил от должностей президент.

Признаюсь: родственники Б.Ельцина меня уговаривали не

идти на конфликт с олигархами, войти в семью. Но я отказался. В результате они ходили к Ельцину и постоянно жаловались: мол, Немцов скандальный, с ним невозможно договориться и прочее. Делалось это, в первую очередь, с подачи Березовского. А тут еще Гусинский подключился. Проиграл аукцион по «Связьинвесту» – и его раздражение достигло наивысшей точки, и демократическое телевидение НТВ присоединилось к яростной травле, профессионально маскируя истинные причины разоблачительного пафоса своего телеканала. Постепенно тактика олигархов начала приносить плоды. В августе 1997 года, через пару недель после знаменитого аукциона, меня вызвал к себе Ельцин. У президента было плохое настроение, и он раздраженно спросил: «Неужели вы не можете как-то все это делать без шума? Я устал вас защищать». Я пытался объяснить: «Борис Николаевич, это война, в которой либо они победят, либо мы. В этой войне ваша позиция как президента имеет определяющее значение. Олигархи владеют государством. Один из них, кроме информационного ресурса, гигантского финансового ресурса и так далее, еще хотел захватить „Газпром“. Если мы готовы дать этим людям возможность управлять страной, давайте тогда совсем уничтожим федеральное правительство и не будем тратить деньги на имитацию его деятельности. Назначайте на министерские посты олигархов, и пусть они делают то, что считают нужным…» Я говорил убежденно, страстно. Ельцин все это время молчал и угрюмо на меня смотрел. В конце произнес примерно следующее: «Они – никто, я их знать не знаю. Вы – правительство».

Так мы продержались до августа 1998 года. Черту под правительством молодых реформаторов подвел финансовый кризис. Продуманные, псевдоаналитические программы Доренко и Киселева вместе с ежедневными критическими новостями подорвали доверие к правительству. Моя популярность, которая в момент переезда из Нижнего Новгорода в Москву не уступала нынешней популярности президента Путина, начала стремительно падать. При этом экономическое положение в 1997 году значительно улучшилось по сравнению с 1991 годом. Впервые после 1991 года наметился рост экономики. Удалось остановить инфляцию. Правительство погасило задолженность по зарплате перед шахтерами, учителями, врачами. Фондовый индекс только в 2005 году достиг уровня того, нашего 1997 года. Реальные пенсии в 1997 году в долларовом выражении были точно такими, как в 2006-м, а нефть, между прочим, стоила только 12 (!!!) долларов.

Однако телевизионная пропаганда, циничная и беспощадная

информационная война разрушили авторитет правительства. Я помню, как после очередного опуса Доренко с проститутками позвонила моя мама и недоуменно спросила: «Это правда?!» Я ей посоветовал не реагировать на всякую чушь. «Почему же ты не подал в суд?» – удивилась мама.

Но, увы, подавать в суд в той ситуации было бессмысленно, поскольку независимо от решения суда, который сам по себе продлился бы какое-то время, «мочилово» продолжилось бы с утроенной силой. Кстати, позже Лужков тоже проиграл в информационной войне, несмотря на свое влияние на московские суды.

Спустя несколько лет я совершенно случайно столкнулся с Доренко в аэропорту Нью-Йорка. «Я же киллер. Тебя заказали, – добродушно пояснил Доренко. – А это был такой простой и эффективный способ: дал 200 долларов, и дамочка наговорила, что надо, абсолютно не рискуя ни здоровьем, ни жизнью. Ты же ей ничего не мог сделать».

Надеюсь, Березовский когда-нибудь столь же прямолинейно расскажет правду о борьбе за власть и деньги в России с использованием информационного спецназа.

…Ельцин увидел крушение доверия ко мне, которое случилось на фоне хорошей социально-экономической обстановки, и от идеи «Немцов – преемник» отказался. Я выпал из списка преемников президента, но отношения между нами остались хорошими. А вот с его семьей – с дочерью Татьяной и зятем Валентином – наоборот, общение шло с огромным трудом. В определенный момент семью президента в плотное кольцо взял Роман Абрамович с коллегами-олигархами. Они бесцеремонно навязывали всем свои правила игры, а мне играть в такой команде не хотелось. Из-за этого возникали большие и мелкие конфликты. Приведу только один пример. За пролет иностранных самолетов над территорией России авиакомпании обязаны платить, поскольку надо содержать метеослужбы, оплачивать работу службы навигации, диспетчеров и так далее. Авиакомпании, естественно, нам платили по установленному тарифу. По старинке платежи шли, как и во времена СССР, «Аэрофлоту», хотя «Аэрофлот» из государственной компании давно превратился в частную, подконтрольную Березовскому. Да, в Советском Союзе «Аэрофлот» был государством в государстве, тогда никому и в голову не приходило, что надо платить непосредственно в госказну, но времена и форма собственности изменились. В общем, правительство приняло решение, согласно которому деньги за пролет иностранных самолетов над территорией России авиакомпании обязали перечислять в

государственный бюджет. Тарифы при этом мы не изменили. Каково же было мое изумление, когда после выхода постановления мне с претензиями позвонила Татьяна Борисовна и обвинила в том, что я хочу разрушить «Аэрофлот». Таких примеров, поверьте, было немало.

Мне предлагали договориться с Березовским и Гусинским по поводу приватизации «Связьинвеста». Предложение напоминало неприкрытую угрозу: если я не уступлю, то и работать в правительстве не буду. В конечном итоге угроза была реализована.

Не открою Америку, если скажу, что Борис Березовский часами сидел в кабинетах то у Вали, то у Тани и, как в свое время Распутин, оказывал почти мистическое влияние на президента и его окружение. Особенно меня умиляла кадровая политика. Приходит как-то Роман Аркадьевич Абрамович с просьбой назначить товарища Беспалова на должность генерального директора компании «Роснефть». Я спрашиваю: «Кто это – Беспалов?» Оказалось, не важно, какие у человека биография и способности, главное – он их человек. Олигархи не сумели приватизировать компанию, зато приватизировали менеджмент и денежные потоки. Назначить Беспалова – означало просто отдать огромную нефтяную компанию в руки Абрамовича и Березовского. Именно тогда я понял, что в государственных компаниях, в государственных монополиях процветает воровство в чистом виде. Во-первых, госкомпании – это не эффективно. Например, в 2006 году Счетная палата проверяла «Газпром». Выяснилось поразительное обстоятельство: при почти пиковых ценах на газ на мировых рынках в России добыча газа падает. Во-вторых, временные управляющие думают о себе, а не о деле. Поставили государственного чиновника управлять гигантскими корпорациями и сознательно размыли ответственность за содеянное. Что ему делать? Воровать. Ноу-хау Березовского и состояло в том, что везде надо ставить своих людей. Если он сажает человека на то или иное место, то и воровать этот «сиделец с портфелем» будет не только в свой карман, но и в карман олигарха. Вот в чем, собственно, «гениальность» Бориса Абрамовича.

Когда Владимир Путин стал президентом, и мы еще сохраняли нормальные отношения, он сказал: «Знаешь, в чем была ваша ошибка? Вы ведь тогда боролись с реальными властителями. Не имея достаточно власти, вы боролись с теми, от кого власть зависела. Надо было сначала получить власть, а потом бороться с олигархами». Путин прав на 100 процентов.

Но я пришел в правительство молодым, неопытным и

наивным, мне на тот момент исполнилось всего-то 37 лет. Я вырос в Нижнем Новгороде, и мои представления о мире были представлениями провинциала. У меня не укладывалось в голове, что, будучи вице-премьером, я не могу указать какому-то человеку (пусть даже олигарху) на необходимость соблюдать законы, отстаивать интересы государства. Я и представить себе не мог, что олигархи посмеют ослушаться.

Первая такая стычка случилась еще в Нижнем Новгороде. Директором автозавода у нас работал Борис Видяев. Вел себя как олигарх, демонстративно и нагло, налоги в областной бюджет вовсе не платил. За это я как губернатор без долгих увещеваний уволил директора с работы. Что тут началось! Рабочие перекрывали дороги, угрожали забастовкой… Что только ни делали, чтобы заставить меня отменить решение. Но ту, первую битву я выиграл: Видяев остался пенсионером.

Однако Нижний – не Москва. Я даже не представлял, что такое Москва, искренне не понимал, почему с олигархами не могут разобраться. Кто они вообще такие? Бизнесмены? Пусть занимаются бизнесом. Правительство занимается страной, олигархи – бизнесом. Если платят налоги – государство к ним нормально относится, а если нет – то и обижаться нечего. Так мне казалось. Я был глубоко наивным человеком.

Мог ли я стать преемником без переезда в Москву, минуя московские палаты и борьбу с олигархами? Наверное, да. Может, и не надо было уезжать из Нижнего Новгорода, не стоило идти в правительство первым вице-премьером. Красивая должность оказалась тупиковой веткой. У нас только Дмитрий Медведев и Сергей Иванов являются потенциальными преемниками на этом посту. И то только потому, что в стране нет свободы и не осталось конкуренции. Россия превратилась в политическую пустыню, в которой есть только два заявленных претендента на роль Путина: Медведев и Иванов. Возможно, появится в последний момент кто-то третий, но из той же обоймы.

А в середине и в конце 1990-х годов политическая конкуренция в стране была. Борьба часто шла не по правилам, но боролись различные политические группы и общественные силы. Исходя из этого, мне надо было максимально долго работать губернатором и соглашаться на переезд в Москву исключительно на должность премьер-министра. Тогда бы эти умники, и Березовский в первую очередь, опасаясь реального влияния премьера на силовой блок, вели бы себя по-другому. Не всегда вертикальный взлет означает самый короткий путь к вершине.

Сожалею ли я о том, что не вел себя иначе? Жизнь невозможно повернуть назад (Алла Пугачева права), так что

сожалеть бессмысленно. Я прошел через безжалостную молотилку и не сломался, приобрел огромный опыт. Вот и спасибо судьбе – такой опыт в любом случае еще пригодится.

Я не хочу и не стремлюсь попасть во власть любой ценой, для меня власть не является пределом мечтаний. И в 1998-м я самостоятельно ушел в отставку, меня от дел никто не отстранял. Правительство Кириенко отправили в отставку, а мне Ельцин позвонил и сказал: «А вы работайте».

Но что бы я делал в правительстве с Черномырдиным или с Примаковым? И я ушел.

Одни рвутся во власть, чтобы сделать успешную карьеру, другие – чтобы набить карманы, третьи – из-за амбиций и самолюбия. Небольшое число людей идет во власть, чтобы что-то сделать, изменить мир и страну. Я наивно пытался изменить мир. В 1997-м году был четкий план действий: провести демонтаж бандитского капитализма и построить конкурентную рыночную экономику. Это были вполне внятные задачи.

Я с «политического детства» критиковал власть, долгие годы был в оппозиции. Первым в Нижнем Новгороде устроил антикоммунистическую демонстрацию, считался диссидентом, за которым постоянно следил КГБ. Я никогда не состоял в КПСС, был период, когда меня не выпускали за границу. Так что оппозиция власти не является для меня неким героическим делом или неестественным поведением. Неестественное поведение, по-моему, как раз наоборот – хвалить власть.

Со мной в Москву, кстати, приехало – я этого даже не ожидал – в общей сложности 150 человек, и меня часто упрекают, что далеко не все они оказались столь же свободолюбивы. Поясню сразу: всех этих людей привел во власть не я. Я привел С.Кириенко, П.Чигагова, А. Задернюка, Б.Бревнова, а они – многих других. Должен признаться, в людях я разбираюсь не очень хорошо. Можно даже сказать, что плохо разбираюсь. Проблема – излишняя доверчивость. Многие из тех, кому я серьезно помог, благодарности не испытывают. Но я считаю, что тема «я из тебя человека сделал», которая очень распространена, просто-напросто бессмысленна. На людей обижаться не стоит. Почему? Да, может быть, первый толчок человеку я дал. Но раз я его выбрал, значит, этот человек мне самому был нужен, что-то в нем уже было, чем-то он выделился. К тому же, не был бы он – был бы другой. Так почему он по гроб жизни должен быть мне благодарен?

Хотя я благодарен Ельцину. Сегодня многие Ельцина не любят, считают пьяницей, обвиняют в том, что он развалил Россию. А я его уважаю и ему благодарен. Он поверил в меня.

Хотя я был совсем молодой парень, он поверил в то, что я могу руководить губернией.

Если бы не он, то моя жизнь, скорее всего, сложилась бы совершенно по-другому. Поэтому хотя я иногда и критически высказываюсь в адрес первого президента России, тем не менее я ему очень благодарен за то, что он дал мне возможность себя реализовать. Он дал эту возможность еще миллионам людей, большинство из которых этого не оценили и теперь его ненавидят. Вот такой парадокс. А все потому, что людям благодарность не свойственна, им свойственно преувеличивать свои заслуги.

Альфред Кох часто подкалывает меня: мол, кадровая политика – не самая сильная сторона Немцова. Признаю. Но что касается конкретных людей, которых я привел во власть, то и Бревнов, и тот же Кириенко – талантливые люди, они изначально выделялись. Они, несомненно, разные, у них разные судьбы, но, будучи совсем молодыми, все-таки сумели сделать головокружительную карьеру, обойти маститых зубров. И хотя я им в какой-то степени, на каком-то этапе помогал, но все-таки основные шаги они делали сами. И сейчас продолжают самостоятельное плавание.

В чем проблема с ними? Есть так называемая кессонная болезнь. Допустим, вы набираете высоту, а там разряженный воздух. Если у вас неадаптированный организм, то ваши мозги начнут «пузыриться». В карьерном росте тоже есть такая болезнь и такие симптомы. Недаром в политике желательно, чтобы человек прошел какие-то уровни – город, область, страна. Это и дает возможность избежать кессонной болезни.

Что касается меня, то я, можно сказать, в детском возрасте стал губернатором – мне был всего 31 год. Но «звездной» болезни точно не было. Я точно знал, что просто выпал один шанс из тысячи, что все получилось почти случайно, что это не только большая честь, но и большая ответственность. Мне казалось, что и другие люди могут адекватно относиться к подобным поворотам в своей судьбе. Оказалось – нет, и в Москве я столкнулся с многочисленными тому подтверждениями. Можно быть классным начальником цеха, скажем, но отвратительным директором предприятия; можно быть прекрасным руководителем предприятия, но отвратительным премьером (как Николай Иванович Рыжков), и так далее. Есть принцип Питера: каждый стремится к уровню своей некомпетентности. Определить, кто соответствует этому принципу, очень легко. Если человек сильно меняется: перестает здороваться, часто болеет, становится высокомерным, грубым – это значит, что он добрался

до уровня своей некомпетентности.

Итак, очевидно, что кадровая политика – не мое. Второе: для того, чтобы избежать кессонной болезни, люди должны пройти через разные уровни. В этом смысле гениальны японцы. У них такое иерархическое общество, что, с одной стороны, это кажется чрезмерно консервативным, потому что там человек только к старости достигает каких-то высот. Но с другой стороны, они делают меньше ошибок, поскольку на каждом уровне происходит определенный отсев. То есть, это общество, в котором не возможны взрывы. Это не Тайвань, где в 28 лет люди становятся руководителями крупнейших корпораций.

Конечно, когда Бревнов с женой и собачкой на частном самолете на долго улетели в Америку, чтобы проведать тестя и тешу в штате Кентукки, я был в шоке. Его жена, американка, очень толковая женщина. Она работала в Международной финансовой корпорации и очень много сделала для Нижегородской области. А его аргумент был такой: «А почему Вяхиреву можно?»

Вяхирев – заслуженный советский руководитель. В глазах Черномырдина и его товарищей, советского и постсоветского истеблишмента, – это человек, которому позволено все. А поскольку страна живет по понятиям, то он может делать все, что хочет.

Я сказал Бревнову, что он не хуже Вяхирева, он другой. Мол, что позволено Юпитеру, то не позволено Бревнову. Такие правила. Он не знал этих правил. У него была кессонная болезнь – полное непонимание обстановки, своей собственной роли и реального положения. А все потому, что человек, который возглавлял РАО «ЕЭС России», не достиг и 30 лет.

Сменивший Бревнова на посту руководителя РАО Чубайс – совсем другой человек. Он – человек системы. Прошел все ступени: был замом Собчака, занимался муниципальным имуществом, потом работал в правительстве, стал вице-премьером, главой Администрации президента, министром финансов… Ему кессонная болезнь не грозит.

С.Кириенко – отдельная история. У него тоже были проблемы со стремительным карьерным ростом, но он быстрее адаптировался, лучше. Хотя Кириенко – это человек с неустойчивыми взглядами. Он был комсомольским лидером, потом – партийным функционером, потом занимался бизнесом (у него была контора, созданная комсомольцами), потом он руководил банком, стал замминистра топлива и энергетики, потом министром и далее – премьер-министром. Его сильное отличие от многих либералов в том, что он всегда при власти:

власть менялась – была либо комсомольской, либо коммунистической, – а он всегда был при ней. Когда власть была у либерального правительства – он опять был при ней. Сейчас власть путинская – он и при этой власти. Получается, что Кириенко – более приспособленный и более адаптивный к реалиям, чем многие из нас. В этом смысле он близок к Чубайсу. Я не так сильно люблю власть, чтобы адаптироваться к чекистам, коммунистам или националистам. Я к ним никогда не адаптируюсь. Никогда! Но я никого не осуждаю. Прекрасно понимаю, что конформистов – огромное количество, и они, в общем, основа любого государства – все хотят как-то приспособиться. Нонконформистов меньшинство. Иногда они становятся большинством, как это случилось в начале 1990-х. Уверен, нонконформисты очень нужны любой стране, так как они являются своеобразной контрэлитой, не позволяют элите бронзоветь и отрываться от действительности. Именно несогласные, нонконформисты дают надежду каждому обществу на обновление и прогресс. Так что не надо отчаиваться.

IV
Страсти и пороки на фоне политики

У политиков, как, впрочем, и у обычных людей, много пороков. Любая ошибка для политического деятеля может стать роковой и последней в карьере. Часто политики – несчастные люди, потому что им приходится сдерживать собственный темперамент, не давая волю чувствам и страстям. Хотя в России точно просчитать, что принесет вам успех, а что погубит, довольно сложно. Например, политика и алкоголь в нашей стране переплетены замысловатым образом. С одной стороны, алкоголиков не любят, но с другой – без бутылки некоторые вопросы трудно решить.

В 1991 году Ельцин назначил меня губернатором. Я был молод, не обременен опытом бюрократической и политической работы, но легко обучаем. Первым заместителем у меня трудился опытный советский руководитель Иван Скляров, царство ему небесное. Он-то и решил научить меня уму-разуму.

– Знаешь, Батька, ты человек молодой, тебя никто за губернатора не держит. Сам понимаешь – серьезные люди: директора заводов, председатели колхозов и так далее. Надо бы тебе как-то с ними познакомиться, подружиться…

– И что мне для этого надо сделать?

– Да водки с каждым попить.

– А сколько заводов-то у нас?

– Заводов около пятисот, а колхозов 750.

– Великоват список. Надо бы его как-то сократить и оставить, скажем, только передовиков.

В итоге список сократили до четырехсот собутыльников, и пошло-поехало знакомство с закреплением авторитета. Через год я стал опухать. С большим трудом вставал по утрам, ухудшилась память, начались проблемы с речью, тяжело давалось принятие серьезных решений. Я осознал, что попадаю в цепкие лапы алкоголизма. Я пригласил Ивана Склярова и спросил:

– Иван Петрович, вы зачем это сделали?

– А что?

– Вы сказали, что для повышения своего авторитета я должен выпить с директором каждого завода.

– Я же не знал, что ты это все конкретно воспримешь и так пунктуально будешь выполнять…

Раньше, в «совке», без выпивки политикам и чиновникам невозможно было выжить, трезвенник просто не мог сделать

карьеру. Пьянка являлась неотъемлемой частью этикета. Это была традиция, это был протокол, нарушать который считалось недопустимым. Исключения делали только для людей больных, например, для Андропова. Все остальные пили. К непьющим относились с подозрением (да и я лично точно также к ним относился, мне казалось, что непьющий человек – либо чекист, либо больной). Сегодня ситуация изменилась, люди стали больше следить за здоровьем.

Вообще, вы заметили, что бюрократия стала более спортивной? Ельцин, например, несмотря на то, что пил, играл в теннис. Путин ведет достаточно спортивный образ жизни. Страна меняется. Раньше за бутылку решалось почти все, а сейчас уже нет.

Когда летом 2006 года из-за грубейших действий правительства в стране начались перебои с алкоголем в магазинах, ничего страшного не случилось. Народ пережил проблему достойно и спокойно. А вот когда в 1991 году на прилавках кончилась водка, у меня в Нижнем Новгороде мужики перекрыли улицу и переворачивали автобусы. Мне пришлось стать губернатором-диспетчером и посылать фуры за водкой, чтобы стабилизировать обстановку в городе. Сейчас народ из-за водки бунтовать не станет.

Капитализм научил иному образу жизни. Люди стали больше пить слабоалкогольных напитков, того же пива. Редко встретишь компанию, которая за углом распивает водку и закусывает плавленым сырком. А в «совке» это было сплошь и рядом.

При Ельцине больше его самого мало кто пил. Помню, когда российские войска уходили из Германии, Ельцин пил весь день и в алкогольном азарте даже дирижировал оркестром. Мы с Лужковым решили пойти к нему и сказать, что такое поведение – позор для России. Я пришел, Лужков – нет.

Позвонил московскому мэру, но мне сказали, что Юрий Михалыч находится на какой-то важной встрече. Мудрый Юрий Михайлович!

Начальник охраны президента Александр Коржаков встретил меня у номера Бориса Николаевича:

– Один пойдешь? Иди, иди, попробуй скажи, что хотел. Я зашел в президентские апартаменты. Ельцин сидит на диване не в очень хорошей форме и злобно смотрит.

– Зачем Вы пришли?

– Борис Николаевич, у всей нашей делегации сложилось мнение, что как-то нехорошо получилось с оркестром. Надо скорректировать программу, в том числе и выпивку, поскольку предстоит еще огромный прием в нашем посольстве от вашего

имени. Коль придет, много других известных политиков, надо чтобы все было достойно.

– А что, я плохо поступил с оркестром?

– Плохо – не то слово.

– Откуда вы знаете?

– Все телеканалы показывают.

– Ну, включите телевизор.

Я включил телевизор. По всем телеканалам показывали картинку, как Ельцин дирижирует оркестром. Я переключаю кнопки пульта, а картинка не меняется: это было похоже на то, как в Советском Союзе по всем каналам показывали «Лебединое озеро», когда в стране объявляли траур.

– Это же ужас какой-то. Неужели я так выгляжу? – спросил Ельцин.

Договорились, что на сегодня с выпивкой хватит. До приема оставалось не так много времени. Но вдруг Ельцин спросил:

– Сколько будет длиться прием?

Мне казалось, что это вопрос дежурный. Я не мог предположить, что вопрос окажется ключевым.

– С семи до половины девятого, – говорю я

– Всего-то полтора часа! Ну, ладно. Сейчас я приведу себя в порядок.

В полседьмого мы заходим к президенту. Нас встречает Ельцин – трезвый, как огурец. Я даже сам про себя удивился: надо же, какой крепкий уральский организм!

Проходит прием. Ельцин замечательно произносит речь (правда, читал по бумажке, что для него не характерно, но до этого без бумажки говорил черт знает что). Германский канцлер Гельмут Коль доволен. Все хлопают. Все идет чинно и порядочно. Сели за столы. Наливают. Ельцин пьет только минеральную воду и мне подмигивает. Я подумал: «Ну и слава Богу – встал на путь исправления».

В половине девятого Гельмут Коль встал, Ельцин его провожает. Распрощались.

Как только двери за Колем закрылись, Ельцин дает команду: «Наливайте! Всем наливайте!»

– Борис Николаевич… – лепечу я.

– Что вам Борис Николаевич сделал? Вы мне что сказали? Прием будет с семи до полдевятого. Говорили такое?

– Говорил.

– Сейчас у нас свободное время. Наливайте, – произнес президент куда-то в воздух.

Ну и понеслось. Это был кошмар. Вообще, у нас с Борисом Николаевичем было много разных интересных историй.

Неформальных, вне рамок любых протоколов.

Однажды полетели в Швецию. Президент тогда не пил, но после операции на сердце находился под воздействием сильнодействующих лекарств. На подлете к Стокгольму истребители королевских ВВС сели нам на крылья, что предусмотрено шведским протоколом. Истребители летели так близко, что мы видели лица пилотов и было даже немного страшновато.

– Какой шум. Уберите самолеты, – говорит Ельцин.

– А как я их уберу?

– Как хотите.

Слава Богу, быстро сели, но визит начался со скандала.

Самое смешное произошло на королевском приеме. Король Карл XVI Густав вместе со своей красавицей женой Сильвией и принцессой Викторией, тоже красавицей и любимицей шведского народа, организовали в честь президента России огромный прием. По протоколу Ельцин сидел рядом с королевской четой, я – рядом с принцессой. Часами носили какие-то блюда, все шло неспешно, размеренно.

Вдруг Ельцину надоело сидеть, и он обратился к королю.

– Давайте сократим этот ритуал. Уже всем все ясно.

– В принципе можно, но этому ритуалу 650 лет.

– Слушайте, вы – король, я – президент. Неужели мы не можем этот вопрос решить? – и Ельцин подозрительно смотрит в мою сторону, а король в это время пытается перейти на другие темы и уйти от ответа.

– Да, кстати, господин президент, у нас тут небольшая проблема, – говорит король. – Я живу во дворце, а рядом автобусная остановка. Все время дымят автобусы. Экология ужасная…

– А вы эти автобусы уберите вместе с остановкой, – переключается на другую тему и Ельцин.

– Я пытался решить этот вопрос, но у меня не получилось. Это решает городской парламент Стокгольма.

Тут Ельцин отворачивается от короля и, глядя на меня,

ПРОИЗНОСИТ:

– Кто это? Вы куда меня привели? Он не может решить ни одного вопроса. Зачем мы тут сидим?

В Швеции был и серьезный момент. В составе делегации полетел руководитель «Газпрома» Рэм Вяхирев. Это как раз был тот самый момент, когда правительство отказало в приватизации газового монополиста и не позволяло Вяхиреву за бесценок купить акции компании через трастовый договор. Ельцин взял Вяхирева за руку, подвел ко мне и спокойно так сказал: «Немцов

прав. Трастовый договор надо разорвать. Это грабеж России. Будут проблемы, если не выполните».

Ельцин свое дело всегда, в любом состоянии знал хорошо.

В мае 1996 года Борис Ельцин пригласил меня с собой в Чечню. Жители Нижегородской области собрали миллион подписей против войны, Ельцин обиделся, но когда он понял, что ему необходимо там каким-то образом решать проблему, позвонил мне: «Поедете со мной в Чечню. Будем устанавливать мир».

Поездка обещала быть тревожной и напряженной. Боевики грозили убить Ельцина и вообще много чего заявляли. В аэропорту «Внуково-2» Барсуков, тогдашний начальник ФСБ, показал красную папку с грифом «совершенно секретно», где лежало донесение ФСБ: «Агент по кличке „Кума“ докладывает, что в районе села Знаменское во время пребывания президента России Бориса Ельцина на него будет совершено покушение бандой Басаева с использованием ракет „Стингер“. Рекомендация: отказаться от поездки». (Никогда не забуду: «агент по кличке Кума»). Барсуков говорит мне: «Тебя Ельцин любит, скажи ему, чтобы он не ездил. Ты должен уговорить его остаться в Москве».

Без одной минуты девять к трапу подъезжает Ельцин, а вылет самолета назначен на девять утра. Выходит. Мы стоим – Коржаков и я. За нами полный самолет бойцов спецназа и «Альфы».

– Чего стоите? – спрашивает Ельцин.

– Борис Николаевич, Александр Васильевич и Михаил Иванович считают, что лететь не надо. Какой-то агент написал донесение, – говорю я и даю президенту бумажку.

Ельцин прочитал и произнес: «Идите в самолет, Борис Ефимович, а вы, трусы, оставайтесь здесь».

Барсуков остался, Коржаков втихаря, через второй трап все-таки пробрался в самолет. Мы прилетели в Чечню, здесь нас встречали 19 вертолетов, и в котором из них кто находится, понять было просто невозможно. Прилетаем в какое-то село. Ельцин меня увидел и приказывает: «Чтобы ни на шаг от меня не отходили. Где я – там и вы. Поняли?»

Встреча с чеченцами получилась бурной. Толпа кричит: «Дайте нам автомобили, постройте школы и детсады, дайте денег». Ельцин, обращаясь ко мне: «Записывайте! Будем решать!»

Вернулись на аэродром в Моздок, сели в самолет, и тут президент командует: «Давайте быстро стол накрывать». Все уже было готово: возле каждого кресла стояло по бутылке водки «Юрий Долгорукий», а каждая бутылка – по 0, 75 литра.

«Тоста будет два, – говорит Борис Николаевич. – Первый за Россию, второй – за президента. В принципе, можно не пить».

Я вообще-то человек выпивающий, но много предпочитаю не пить. Водку вообще пью с большим трудом. Но пока мы прилетели, бутылка была пустой. На подлете к Москве президент у меня слегка двоился и сфокусироваться на одном Ельцине никак не получалось. У трапа в Москве в иллюминатор я увидел Наину Иосифовну и Татьяну Борисовну, они встречали Бориса Николаевича с цветами и плакали.

– Борис Николаевич, а почему они плачут? – спрашиваю я.

– Вы что сказали жене, когда уезжали?

– Сказал, что поеду с вами в Чечню.

– А я сказал, что поеду в Кремль работать с документами. И вы вот что: выборы скоро, осталось всего двадцать дней, так что поезжайте в программу «Время» и сообщите, как мы съездили. Вы ведь не зря ездили со мной. Вы – посланец мира, подписи собирали.

– Не могу, – отвечаю я заплетающимся языком.

– Почему? – спрашивает Ельцин.

– Так я не могу с места встать.

– А кто, Коржаков что ли расскажет?

Я смотрю на часы – 20 часов 20 минут. Программа «Время» начинается ровно в 21.00. Деваться некуда, еду в Останкино.

Всю дорогу меня тошнило, и как доехал – не помню. У входа в телецентр меня встречал Березовский. Как только меня увидел – замахал руками: «У нас ничего не получится».

Программа к этому времени уже началась, вел ее Игорь Гмыза. Он и сообщил, что с минуты на минуту в прямом эфире выступит Борис Немцов, который сегодня с президентом Ельциным был в Чечне, где было подписано решение о демобилизации и поэтапном выводе войск. В общем, назад ходу мне уже не было.

Какая-то девочка по имени Зина приказала: «Разденьтесь!» Я тут же вспомнил фильмы про вытрезвитель и снял верхнюю одежду. Зина сказала: «Ложитесь в умывальник». Я лег, она пустила на меня струю ледяной воды и держала до тех пор, пока у меня не стали мерзнуть уши. После этой процедуры, которая, казалось, длилась вечность, Зина вытерла мне волосы и кое-как наложила грим. На меня надели новую рубашку, повязали новый галстук и повели в студию.

В студии Игорь Гмыза сказал: «Я тебе буду задавать длинные вопросы, а ты на них коротко отвечай». В результате мы в прямом эфире говорили девять минут. Это много для информационной программы, особенно учитывая мое состояние. Потом Игорь признался, что не ожидал, что все пройдет так гладко.

Я вышел из студии, и тут меня стало рвать, просто

выворачивало всего наизнанку. Прямо из Останкино, ночью, я направился в Нижний Новгород. Всю дорогу меня тошнило, несколько раз приходилось останавливать машину, домой добрался примерно к четырем часам утра. Лег спать. И вдруг ровно в шесть часов утра раздается звонок: спецсвязь через спецкоммутатор.

– С вами будет говорить Президент России Борис Николаевич Ельцин, – раздался стальной голос из неоткуда.

Я – практически мертвый: голова отделена от туловища, язык не поворачивается. Мне не хочется жить, я не могу на себя смотреть в зеркало. Но снимаю трубку.

– Доброе утро, Борис Ефимович.

– Здрасьте.

– Не плохо вы вчера смотрелись. Не плохо.

– Борис Николаевич, а зачем вы это сделали?

– Помните, Борис Ефимович, что вы сказали, когда я не вышел в аэропорту Шеннон из самолета?

– Помню, конечно.

– Вы сказали, что так можно Россию проспать.

– Да, я это говорил.

– Вот мы вас и проверили. В принципе, не плохо смотрелись. Спасибо вам. До свидания.

Мама, которая меня знает как облупленного, тоже позвонила:

– Сынок, видела тебя по телевизору. Как ты устал!

– Мама, я был пьян. Я выпил 0, 75 водки «Юрий Долгорукий».

– Нет, я бы не сказала, что ты был пьяный. Ты был просто сильно уставший. Тебе надо выспаться, сынок.

Второй случай, связанный с алкоголем, был совсем анекдотичным. Мы с Черномырдиным летали в Индию продавать самолеты. Поскольку самолеты МИГ-29 делали в Нижнем Новгороде, он пригласил в поездку и меня, губернатора. По дороге в Индию в самолете Черномырдин всех предупредил, что Индия – страна грязная, все болеют дизентерией и холерой: «Поэтому, дорогие друзья, вы с утра натощак должны выпивать граммов по двести виски, а потом уже чистить зубы».

Прилетели в Индию. Я там оказался впервые в жизни: все вокруг чужое, антисанитария полная. Резкие, абсолютно чуждые нам запахи, зловоние, мертвые тела в воде. Но в гостиничном номере уже стояла бутылка виски. И каждое утро я, по указанию премьер-министра, выпивал.

На улице стояла жара градусов под 40, и хотя переговоры начинались в 9 часов утра, к этому времени я уже воспринимал мир несколько искаженно: сильно запинался либо что-то говорил невпопад.

Наконец Черномырдин не выдержал:

– Борис, ты почему все время пьяный с девяти утра? Я зачем тебя сюда приглашал? Все понимаю, командировка и так далее, но ведь не с девяти утра напиваться… И кто тебя вообще надоумил «колбасить» с утра? Как ты губернией-то управляешь?

– Виктор Степанович, я вам клянусь, что дома практически не пью. Но вы же мне сами сказали, что надо с утра по двести граммов виски пить натощак.

– Ты что, шуток не понимаешь? – рассмеялся Черномырдин.

Черномырдин и сам мог выпить довольно много, но сказать, что он сильно пьющий, я не могу. «С утра даже лошади не пьют», – учил он всех в Индии.

Зато сейчас многие политики вообще перестали пить спиртные напитки. Например, вообще не пьет Юрий Лужков. Касьянов любит хорошее вино и разбирается в нем. Чубайс тоже может выпить хорошего вина, хотя и не очень разбирается. Хакамада, если не считать, что она заядлая курильщица, следит за своим здоровьем и выглядит всегда очень хорошо, придерживается правильного питания. Хакамада, кстати, и в спиртном разбирается.

Егор Гайдар может выпить. Эта способность заложена у него генетически: дед пил прилично, отец – тоже. Мы с Гайдаром вечерами иногда сидели, и я выпивал полбутылки виски, а он – бутылку. Гайдар выпивал бутылку и продолжал беседу и на общие темы, и на частные. Однажды я ему предложил:

– Егор, если бы ты на глазах у миллионов телезрителей выпил бутылку водки из горла, потом занюхал корочкой черного хлеба и продолжил беседу, отношение к тебе изменилось бы. Народ перестал бы тебя ненавидеть и принял бы за своего.

– Я водку не пью, я пью виски. Не понятно, как отреагирует народ на виски, – спокойно объяснил Егор Тимурович.

Сейчас стали пить иначе: меньше и разборчивее. И все это благодаря капитализму. Отрезвление страны не связано с новыми лидерами. Ни в коем случае! Это связано с капитализмом, при котором здоровье имеет значение. Люди, которые постоянно сидят на больничном, плохо работают и всегда куда-то не успевают, становятся невостребованными. Больные никому не нужны.

Дело в том, что для людей с определенным достатком здоровье и внешний вид имеют огромную ценность. Не зря ведь такое огромное количество фитнес-центров открывается по всей России. Появляется средний класс, у которого есть деньги, чтобы не только протянуть от зарплаты до зарплаты, но и потратить на что-то полезное и интересное. Средний класс требует совершенно

других стандартов жизни. Появляются новые традиции поведения. Во многих тусовках стало неприлично выглядеть обрюзгшим. Развалюхам, нескладным мужчинам и женщинам тяжелее и работать, и общаться с противоположным полом. В этом смысле Россия быстро двигается в сторону Запада. Движение в правильном направлении.

У меня есть и собственные стимулы для здорового образа жизни – ответственность перед своими детьми и их мамами. Нельзя быть больным. Не могу себе позволить стать беспомощным.

V
История престолонаследия в современной России

Окончательный выбор преемника Борисом Ельциным для меня стал абсолютно неожиданным. Узнав фамилию, я опешил: «Только пластилиновый народ, который хорошо прогрели на солнце и долго разминали, может проголосовать за человека, который начинает свою политическую карьеру с президентских выборов».

Я не мог поверить, что мало кому известного незаметного полковника КГБ-ФСБ Путина можно избрать за полгода на высший пост в государстве. Я хорошо знал Владимира Владимировича, он никогда ничем не выделялся на фоне серой массы государственных чиновников и никогда не имел особых заслуг перед Отечеством.

И я, и Чубайс – мы испытали шок от решения президента выбрать в преемники Владимира Путина. Кстати, вопреки многочисленным домыслам, сам Чубайс никогда не собирался в президенты и даже в шутливой форме не обсуждал такую перспективу. Но нам казалось, что Сергей Степашин, несмотря на особенности своего характера, более всех подходил на роль следующего президента страны. Степашин, возглавивший на четыре месяца правительство, действовал очень осторожно. Он вообще достаточно мягкий человек, компромиссный и порядочный. Мы были уверены, что Степашин не наломает дров. Для России такой президент означал бы движение вперед.

Сейчас я понимаю, что произошло и почему вдруг появился Путин. Имя Путина всплыло в цейтноте, когда до выборов оставались месяцы. Ельцин не доверял ни Примакову, ни Лужкову, ни Черномырдину. Окружение же убеждало его: нужен такой президент, который обеспечит и ему личную безопасность. Окружению было безразлично, куда новый президент поведет страну, они думали о себе. Вот и выбрали кандидата под свои интересы. С Немцовым им было все ясно, Явлинский их все время ругал, Степашин оказался слишком гибким. Окружение искало человека, который был бы им всем обязан, надежного, который держал бы слово.

Кто такой Путин, мало кто тогда знал. Он был настолько неприметным, что на него не реагировал даже мой секретарь. Как-то ко мне в приемную звонит директор ФСБ, а секретарь

отказывается соединять со мной и требует представиться. Тот в ответ: «Путин Владимир Владимирович, директор ФСБ». Секретарь передает мне: «Там какой-то Путин звонит. Говорит, что он начальник ФСБ. Что с ним делать?»

Помню случай, который потряс меня до глубины души. 1998-й год. По всей стране бастуют шахтеры. Сидят на Горбатом мосту перед зданием правительства и стучат касками по мостовой. Березовский этот спектакль спонсирует и подвозит забастовщикам бутерброды. Вся страна блокирована: Транссиб, Северная железная дорога, Северо-Кавказская дорога… Железнодорожное движение парализовано по всей России.

Правительство принимает решение разблокировать железнодорожные трассы. Бывший премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер говорила мне твердо и безапелляционно: «Борис, их надо разгонять при помощи полиции. Они – враги России». Мы понимали, что страна вот-вот развалится на куски по экономическим соображениям, ведь Транссиб – единственная железная дорога, связывающая Дальний Восток и Сибирь с центром России… На Северо-Кавказской дороге собралось столько пассажиров с детьми, ехавших на отдых, что там создалась в прямом смысле взрывоопасная обстановка… Более ста составов простаивали в поле и на станциях на юге. Кругом антисанитария, отсутствие элементарных условий. Эпидемия могла вспыхнуть со дня на день…

С другой стороны, шахтеры выдвигали во многом справедливые требования, хотя и был перехлест, подогреваемый обиженными олигархами.

Я как вице-премьер руководил комиссией по урегулированию ситуации. Собрал экстренное совещание, пригласили всех силовиков. Все пришли, кроме директора ФСБ Владимира Путина… Путин позвонил и сказал, что он прийти не может, потому что у него заболела собака. Я был в шоке и долго не мог прийти в себя. Поведение руководителя ФСБ мне показалось вопиюще нелепым, немудрым и негосударственным, что я отказывался верить в происходящее. Не помню, в каких выражениях я говорил тогда с Путиным, но наверняка не вежливо. Уверен, он не забыл.

В. Путин писал мне всякие справки, будучи начальником контрольно-ревизионного управления Администрации президента. Как-то прислал справку о том, что в ведомстве Чубайса царит хаос, воровство и коррупция. И далее: «Докладываю на Ваше усмотрение». Но если воровство и коррупция, то зачем «докладывать на мое усмотрение»? Я позвонил Владимиру Владимировичу и спросил: «Вы пишете, что

Чубайс – вор и все остальные вокруг него – жулики. Дальше вы должны были написать: „Считаю, что необходимо возбудить уголовные дела“. Вместо этого я вижу странную фразу: „Докладываю на Ваше усмотрение“. Как это понять?» Путин над ответом долго не думал: «Вы начальник, вы и решайте». Классический пример поведения чекиста. В целом он ничем скандальным не отметился, но и выдающегося сделать ничего не успел. Как Молчалин у Грибоедова: умеренность и аккуратность.

Кстати, в 2005-м ту кляузу Путина я подарил Чубайсу на день рождения, написав резолюцию: «Прошу ознакомиться с обращением В.Путина и принять необходимые меры».

Сейчас стало очевидно, что Путин талантливый политик. Безусловно, его недооценивали. Он развернул вспять развитие России, уничтожив свободу слова, институт выборов, расправившись с политическими оппонентами. Построил государственно-монополистический капитализм. Он упростил жизнь лично для себя и усложнил ее для России. Несмотря на то, что Путин – единственный в мире политик, который начал свою политическую карьеру с должности президента, он блестяще овладел политическими технологиями и великолепно вжился в роль президента.

Сегодня в нем многие разочаровались. А вот я никогда не поддерживал Путина. Считаю, что если человек пошел сознательно на службу в КГБ СССР, который с гордостью подчеркивал, что продолжает дело НКВД, ВЧК, карательных организаций против собственного народа, то относиться к такому человеку без подозрения нельзя. У чекистов сформировано очень специфическое мировоззрение, замешанное на ненависти к любой оппозиции, на неприятии критики в свой адрес, на несовместимости с открытостью и публичностью. Чекисты так воспитаны, так выучены, и по этой причине я считал и считаю опасным иметь президента, воспитанного в коридорах советского КГБ. Но по-другому считал Борис Ельцин.

Ельцин разглядел Путина после скандала со Скуратовым. Один из олигархов подбросил в администрацию президента кассету с записью любовной утехи человека, похожего на генерального прокурора, с двумя проститутками. Прокурор так достал предпринимателя своими просьбами и оргиями с молодыми девочками, что тот решил искать защиты у президента. Скандал получился грандиозный. Скуратов вел себя, как те девушки, с которыми он общался: то обещал Ельцину добровольно уйти в отставку, то обращался к депутатам Государственной думы и в Совет Федерации за защитой. Обстановка складывалась крайне нервозная. Оппозиция в

парламенте собиралась объявить Ельцину импичмент, и генеральный прокурор был нужен коммунистам в качестве козырной карты. Убрать оскандалившегося генерального прокурора Ельцин поручил Владимиру Путину.

Дело было довольно грязным, потому что копаться в чужом белье неприятно и неприлично. Но Путин даже глазом не моргнул, справился и проблему с прокурором решил. Для Ельцина, судя по всему, это поручение являлось проверкой на лояльность. Лояльность политиков и чиновников для Бориса Николаевича имела значение. Передавая власть Путину, он произнес в конце: «Берегите Россию». Ключевая фраза для первого президента, она очень точно характеризует Ельцина. Действительно, несмотря на то, что Россия его не любила, Ельцин Россию любил. По-своему, с загулами и самодурством, но любил. Он произнес тогда слова «берегите Россию» от всей души, искренне и с тревогой. Это означает, что выбор кандидатуры Путина был для Ельцина сложным выборам и он не совсем был в нем уверен.

У Ельцина главным оружием, главным символом власти была ручка с золотым пером – этой ручкой он подписывал указы. На рабочем столе Бориса Николаевича ничего, кроме ручки, не было. Передавая власть, он и ручку подарил Путину, словно главный символ государственной и президентской мудрости. Когда я зашел потом в кабинет президента в Кремле, то бросились в глаза принципиальные изменения: на столе у Путина ручки не оказалось, вместо нее там лежал пульт от телевизора, который стоял прямо напротив рабочего стола. У Ельцина в кабинете телевизора никогда не было. Стало ясно, что со свободой слова в стране будут проблемы.

Есть три грандиозных «достижения» Путина, за которые страна его еще вспомнит недобрым словом. Первое: при Путине неслыханным образом расцвела коррупция на всех уровнях государственного управления.

Второе: невероятно разрослась и укрепилась бюрократия, за годы путинского правления численность бюрократов выросла на 500 тысяч человек. И третье: полное уничтожение свободы слова в политически значимых СМИ и расцвет лживого, пропагандистского телевидения. Что бы и кто ни говорил о Ельцине, но по третьему пункту Борис Николаевич умел держать удар и вел себя как настоящий мудрый политик.

Однажды, в разгар скандала вокруг «Связьинвеста», президент Ельцин пригласил меня в Шуйскую Чупу (резиденцию в Новгородской области). В девять часов вечера сели пить чай и включили информационную программу «Время». С первой же

секунды в программе начали чехвостить Ельцина в хвост и в гриву, с таким издевательством и презрением рассказывали о президенте, что я вжался в кресло. Мне настолько было неловко и неудобно находиться рядом с ним в этот момент, что готов был просто провалиться сквозь землю. Я следил за Ельциным и ждал его реакции. Ожидал всего… Вот он досмотрит программу и прикажет разыскать Березовского и наказать его или вообще разгонит Первый канал… А он посмотрел минут десять и говорит: «Выключите телевизор!» Потом полчаса возмущался, каким подлым способом его критиковали. Я сидел и думал: почему он попросил выключить телевизор, а не выключил того же Березовского из бизнеса и политики, – он же советский партийный начальник, который не привык к сопротивлению. Но Ельцин не мог позволить себе показаться слабым и уязвимым.

Потом мы ужинали, и Наина Иосифовна возмущалась: «Боря, ты смотрел программу „Время“? Это же был настоящий кошмар»! Но президент жену не поддержал и будто вообще не обратил внимания на ее слова. Он помнил, что пришел к власти на волне гласности, защищая свободу слова как фундаментальную ценность. Он из принципа не мог позволить себе затыкать рот журналистам, даже если они откровенно лгали, выполняя указания своих хозяев. Он считал заказную ложь для страны меньшим злом, чем государственную цензуру.

Он, конечно, не любил критику – это понятно, кто ее любит, – но он понимал, что надо терпеть, это мне нравилось. Он не боялся сильных людей, он вообще людей не боялся. Он мне один раз сказал: «Вы с Чубайсом смеетесь надо мной, думаете, какой я пьяный, глупый, а я ведь все понимаю… Но только вы имейте в виду – я президент, а вы бояре просто. Да, вы умные, да, вы образованные, но бояре просто. Я вас не боюсь, это вы меня должны бояться». То есть у него было абсолютное понимание своей роли, исторической роли. Он не верил в теорию заговоров, не был мнительным. Конечно, власть делает людей подозрительными – это понятно, но он никогда не относился к нам как к злодеям, он уважал наше мнение.

Когда Путин стал премьер-министром и к нему, по сути, перешла вся власть в стране, он решил подчинить основные телеканалы. Гусинский был против Путина – он сделал ставку на Лужкова с Примаковым и подстраховался Явлинским. Березовского победа Лужкова с Примаковым не устраивала, поэтому он играл на Путина. Остальные телеканалы (кроме НТВ) не подчинились Путину, но договорились с ним. В общем, Путин с Березовским заключили своеобразную сделку, очень важную для победы на выборах. В результате Путин выиграл президентские

выборы, а Борис Абрамович стал депутатом Государственной думы от Карачаево-Черкесии.

Помню, Березовский пришел ко мне в кабинет в парламенте – довольный, вальяжный. Сидим, пьем чай, и он, растягивая слова, произносит: «Вообще нечего делать. Все, что смогли, – сделали. Избрали Путина. Все под контролем. Скука. Не знаю, чем заняться». Я чуть со стула не рухнул: «Боря, скучать не придется. Очень скоро Путин изменится. Он тебе никогда не простит того факта, что ты видел его слабым, просящим и милостиво его поддержал. Запомни: никогда не простит!» Березовский посмотрел на меня как на умалишенного. Но… Очень быстро могущественный олигарх потерял в России и власть, и деньги. В первую очередь отобрали телеканал, потом – все остальное. Теперь сидит в Лондоне и кличет беду на голову Путина. После чудовищного убийства в Лондоне офицера ФСБ Литвиненко Березовский ждет убийц с Лубянки и боится собственной тени. Думаю, он сотни раз проклял тот день, когда решил поддержать человека из ФСБ.

Путин облегчил себе и жизнь, и работу. Он выбрал самый простой путь: уничтожил оппозицию, свободную прессу, покончил с самостоятельностью губернаторов. Покончил с федерализмом в России и с местным самоуправлением. Путин решил, что для лучшей управляемости всех нужно опять построить в колонны по стойке смирно; и чтобы все кричали, какой он великий; и чтобы везде висели его портреты. Руководить Россией такими методами смертельно опасно в стратегическом плане, хотя лично для президента именно такая система более удобная и простая. Ведь не обращать внимания на лояльных коррупционеров психологически легче, чем каждый день выслушивать критику в свой адрес. Фактически аннулировать выборы безопаснее, чем каждый раз рисковать, что проиграешь. Но я не верил, что можно развернуть Россию на 180 градусов так быстро.

И все-таки должность президента России – это очень серьезная и очень трудная работа, «ответственность» здесь – ключевое слово. Путин решил идти по пути наименьшего сопротивления, как и учили рыцарей плаща и кинжала. По сути, он ушел от ответственности за Россию, обезопасил лично себя, и за это история предъявит ему главный счет.

Владимир Путин в школе КГБ проходил предмет «вербовка». Видимо, изучил неплохо, свою пятерку получил и теперь шлифует знания, умения и приемы на практике. Скажем, со мной он будет говорить про свободу слова: вот смотри, в «Коммерсанте» меня опять смешали с дерьмом, в «Новом времени» написали, какой я плохой… Это не свобода, что ли?»

Или: «Видишь, я посочувствовал американцам после 11 сентября и в Афганистане им помогал…» Это он мне будет говорить. Патрушев придет – ему он, наверное, скажет так: «Замочить всех в сортире, установить слежку, будут выпендриваться – камер хватает». Путин знает, о чем и с кем говорить, какую выбрать интонацию и какую лексику, и в этом секрет его политического успеха.

Путин действует без ограничений. Никакого противовеса ему нет, он никого в стране не слушает, а потому часто адекватно не реагирует. Реальной силы, которая могла бы хоть в какой-то степени на него влиять, больше нет. Телевизор он смотрит тот, который сам сделал, слушает только своих чекистов, людей с иной точкой зрения в Кремль не допускают. Раньше, когда мы были в Думе, у нас были с ним встречи. Он слышал про Чечню, про убитых – и от меня, и от Явлинского. Он слышал о взаимоотношениях с Западом, о свободе печати, об НТВ. Он все это слышал. Ему это было глубоко неприятно, но он вынужден был слушать. А сейчас придут Жириновский (редко), Грызлов, Миронов и (редко) Зюганов. Что они ему могут сказать?

В 1999 году будущее не казалось безнадежным. Да, я ушел из правительства и вылетел из списка преемников и любимчиков Ельцина. Однако нам удалось создать «Союз правых сил». СПС набрал хорошую скорость. На парламентских выборах партия получила неплохой результат.

Кстати, в 1999 году «Союз правых сил» поддержал Путина. У нас был тяжелый разговор «на пятерых» – Кириенко, Чубайс, Гайдар, Хакамада и я. Хакамада и я были против того, чтобы поддерживать Путина. Остальные – за. Счет 3:2 в пользу Путина. Это вам не Аргентина – Ямайка… Партия приняла позицию большинства. Мы с Ириной остались при своем мнении.

В 2003-м было значительно сложнее. Я не знал, что делать после провала СПС на выборах. Не представлял, куда пойти работать. Рассматривал возможность возврата в Нижний Новгород. Я думал, не поучаствовать ли в выборах губернатора, поскольку уровень доверия был достаточно высоким. И люди помнили, как мы строили дороги, храмы, реализовывали жилищную программу, программу поддержки сельского хозяйства… Да и до сих пор помнят те же «немцовки» – областные облигации, которые сохраняли сбережения от инфляции. В общем, я хотел пойти на губернаторские выборы, но Путин выборы губернаторов отменил.

А дальше – пошло-поехало. На фоне апатии и конформизма в течение последних лет возродились разговоры об особом пути России. Как всегда «особый путь» означает:

1. нарушение гражданских свобод;
2. цензура;
3. отсутствие правосудия;
4. беспредел чиновников;
5. неслыханное мздоимство;
6. всевластие госмонополий.

Вот и весь особый путь. Помощник президента Владислав Сурков этот путь России назвал «суверенной демократией».

Не бывает никакой «суверенной демократии»: либо есть демократия, либо ее нет, и все заменители – болото в виде диктатуры. Кремлевские забывают, что нет ни одной успешной страны, где бы не были реализованы базовые идеалы демократии. Успешные и динамично развивающиеся страны, конечно, разные, есть среди них многоконфессиональные и многонациональные, у всех своя история и культура, но везде присутствует разделение властей, общественный контроль над правительством, независимость суда, свобода слова и политическая конкуренция. При этом самобытность стран сохраняется. Даже внутри объединенной Европы сохраняются совершенно разные по своей самобытности государства. А когда говорят про суверенную демократию или к слову «демократия» прибавляется другое прилагательное, это означает диктатуру – без шансов на прогресс и без шансов на прорыв. Вспомним КНДР – Корейскую Народную Демократическую Республику. Там демократия концентрационного лагеря. Есть еще «дисциплинарная демократия» – в Бирме. В России пытаются построить «суверенную демократию». За державу обидно.

…Я думал, что же делать, как жить и где работать. Чиновником быть я не хотел. Чиновник живет по неким внутрикорпоративным и, на мой взгляд, часто непристойным правилам. Зачастую он должен покрывать беспредел, воровство и вранье. Это не по мне. С другой стороны, в России после поражения в политике подняться практически невозможно. По крайней мере, в этом убеждены многие молодые и совсем старые политики. Богатая на революции и кровавые разборки российская история указывает на необходимость подчиниться воле сильного как единственную возможность спасения. Но я решил не подчиняться и не подстраиваться. Хотя каждый в той ситуации делал свой выбор.

Ко мне пришел Павел Крашенинников, член СПС и депутат от Магнитогорска, и стал объяснять, что ему надо делать карьеру, жить и кормить семью, поэтому он переходит во фракцию «Единая Россия». Понятная позиция. Остальным, которые не согласны с политикой президента, кормить семьи не надо?..

«Страна рабов, страна господ», – поистине так, хотя очень тяжело это понимать.

VI
Поражения – уроки будущих побед

Это была тяжелая ночь – с 7 на 8 декабря 2003 года. Ночь нашего проигрыша. Впервые начиная с 1991 года демократы в России потерпели сокрушительное поражение на парламентских выборах. Избиратели и раньше особо не жаловали политиков либерального толка, но в декабре 2003 года нас грубо выставили за дверь.

Мы собрались в центре Москвы, в ресторане с неуместным для столь печального повода названием «Колбасофф», чтобы отметить итоги парламентских выборов 2003 года. Именно отметить, а не отпраздновать съезжались в ресторан руководители «Союза правых сил», журналисты и друзья. Особого оптимизма среди собравшихся по понятным причинам не наблюдалось. Некоторые плакали. Я не плакал. Но пил. Причем пил много. Столько, казалось, в силу возраста уже выпить просто не мог.

Социологические опросы накануне дня голосования фиксировали ничтожность наших шансов пройти в Государственную думу. Такие же результаты прогнозировались и для партии Григория Явлинского, только «яблочники» отказывались в это поверить. Словно завороженные, они шли за своим лидером, уверенные в том, что чудо обязательно спасет партию от провала.

В ту ночь мне казалось, что кто-то специально расписал сценарий выборов в Государственную думу в 2003 году так, чтобы демонстративно посмеяться над либералами и демократами. Например, первые результаты голосования на избирательных участках Дальнего Востока показывали, что «Яблоко» преодолевает пятипроцентный барьер и партия проходит в парламент. Во время ночного подсчета голосов Григорию Явлинскому даже позвонил президент Путин, который поздравил лидера «Яблока» с проходом партии в парламент. Григорий Алексеевич не скрывал радости и спешил поделиться этой радостью с журналистами. Но через пару часов «Яблоко» ударилось о пятипроцентный барьер и откатилось. «Союз правых сил» проиграл очевидно.

В моей жизни хватало и взлетов, и падений. К моменту последних выборов в Государственную думу я был достаточно закаленным бойцом. После финансового кризиса в августе в 1998-го ушел в отставку с поста вице-премьера российского

правительства, до этого была отставка с поста губернатора в связи с переходом на работу в правительство… Я спокойно отношусь к резким перепадам высоты. Кстати, в китайском языке слово «кризис» и слово «возможность» обозначаются одним иероглифом. Думаю, не зря. В жизни часто чередуются взлеты и падения, поэтому в ночь выборов-2003 у меня не было ощущения краха, конца света и финиша моей личной карьеры. Да, держала за горло досада, и я старался растворить ее в водке – нормальный русский способ самолечения. Причем я пил и в шесть утра, и в семь, и в восемь. Наконец, приблизительно часам к десяти, успокоился.

Мы пили с Ириной Хакамадой, Дуней Смирновой и Таней Толстой. Число выпивающих вокруг нас волнообразно менялось. Помню, Алексей Кара-Мурза пытался выяснить какие-то отношения, но забыл, по какому поводу. Это была обстановка, напоминающая атмосферу в типичном российском кабаке с сильно пьяной компанией. До драки, правда, дело не дошло.

Очевидно, что в 2003 году мы допустили ряд серьезных, роковых ошибок. Моя личная фундаментальная ошибка состоит в том, что уговорил Чубайса участвовать в выборах. Я знал, что Чубайс – общенародный аллерген. У людей при встрече с Чубайсом или в момент его появления на экране телевизора рефлекторно сжимались кулаки и сужались зрачки. Я это наблюдал, причем в разных частях России. Чубайса ненавидели даже больше, чем Березовского. Но мне казалось, что в нем заложены такая сила и такая внутренняя энергия, которые нормальному русскому человеку не могут не понравиться. Чубайс – очень сильный человек, он даже на «поминки» СПС приехал спокойный и трезвый и долго, терпеливо обсуждал сложившуюся ситуацию. Накануне выборов я верил, что его сила будет привлекать к нам народ. Но я ошибся.

Еще одна ошибка в том, что в 2003 году мы не смогли объединиться с «Яблоком» и сформировать общий избирательный список. Личные амбиции оказались сильнее здравого смысла, и нам всем пришлось жестоко поплатиться за собственную гордыню.

Хватало и технологических ошибок. Достаточно вспомнить письма счастья, разосланные миллионам избирателей, или наш предвыборный ролик: счастливые лидеры партии куда-то летят на красивом частном самолете. После этого ролика партия не просто стала объектом для критики, а объектом насмешек и ненависти. В результате мы пролетели на этом самолете мимо наших избирателей. Да, нас сделали козлами отпущения, но мы сами давали для этого достаточно поводов. Впрочем, меня в те дни

мучило не ощущение поражения и краха, а именно досадного проигрыша.

Я как лидер партии еще до выборов объявил, что если мы проиграем, то уйду в отставку. Не помню примера в нашей стране, чтобы человек, начальник, после проигрыша встал и сказал: «Я не справился с заданием, я отвечу за допущенные ошибки, поэтому ухожу». Я считал, что должен прервать эту убогую традицию. По крайней мере, показать людям пример. Что и сделал, хотя смутно представлял себе, чем займусь в ближайшем будущем и как моя жизнь и политическая карьера сложатся в дальнейшем. Но вот чего я действительно не понимал, так это того, что за нашим поражением на парламентских выборах последует резкое сворачивание свобод по всей стране и практически во всех сферах общественной жизни.

Я являюсь оппонентом, оппозиционером, как угодно можно назвать, нынешней власти в России только потому, что дорожу своей личной свободой и свободой вообще. Я критикую Путина и нападаю на него, потому что он хочет украсть мою свободу. Лично Путин Владимир Владимирович запрещает мне получать правдивую информацию по телевидению, высказывать свою точку зрения, запрещает критиковать себя, а также свое окружение… Лично он лишает права на объективную защиту, лишает права избирать… Каждый день, день за днем, миллионы граждан России теряют одно право за другим, шаг за шагом мы опускаемся в болото лживого, лицемерного авторитаризма. Это волнует только горстку демократов? Суть происходящего понимают только единицы? Не верю.

«Союз правых сил» не погиб и не исчез после провала на выборах в Государственную думу. Явного, зримого исхода из СПС не было ни в ночь с 7 на 8 декабря 2003 года, ни после. Зато произошел исход спонсоров, и после поражения желающих нам помогать практически не осталось.

Ирина Хакамада решила участвовать в президентских выборах 2004 года. По этому поводу в родной партии случился раскол – поддержало ее меньше половины. Большая часть партии, которой она вместе со мной руководила, выступила против ее участия в президентской гонке. Как результат – Ирина ушла из партии в знак протеста, и я ее не осуждаю: молодец, боевая. По России еще надо поискать мужиков с таким твердым характером и таким ясным умом, как у Хакамады.

Поражение на выборах не переросло в катастрофу и личную драму. Телефоны враз не замолчали. К 43 годам я научился лучше разбираться в людях и представлял, кто есть кто, мог отличить недруга от друга, товарища от приятеля или просто

хорошего человека. Мое окружение в целом состояло из нормальных людей. Труднее стало общаться только с кремлевскими чиновниками и членами правительства. Хотя есть и исключения.

С Сурковым, например, который не является моим близким другом и тем более единомышленником, мы спокойно смогли общаться и дальше. Все ведь не только от должности, но и от интеллекта зависит. Жизнь длинная, а земля круглая – сегодня ты в оппозиции, а завтра в Кремле. И наоборот. В Кремле есть, пусть и немного, людей, которые понимают этот закон политической жизни.

Может возникнуть вопрос: мечтаю ли я сам оказаться в Кремле?

Есть очевидный рубеж или вершина, к которой стремится каждый политик. По крайней мере, мечтает об этой вершине каждый. Высший политический пост в государстве, победа на президентских выборах – пик политической карьеры, маяк для движения, мотив для борьбы. Каждый серьезный политик в душе, конечно, хотел бы возглавить государство. По крайней мере, думают об этом все, но говорят открыто – демагоги; а не имеющие шансов на победу в розыгрыше главного приза политики участвуют в выборах с удивительной настойчивостью.

Я давно заметил, что в политике довольно много людей занимаются странными делами и увлекаются странными идеями. Мнительность, подозрительность, вера в теорию заговоров – все это отличительные черты самых популярных сегодня политиков России. Но если взять книгу по психиатрии, то понимаешь, что все это признаки болезни. Например, в нашем обществе очень популярна идея, что Америка плетет заговор против России и что помогает Америке Англия. Господа Жириновский и Рогозин, многие кремлевские руководители в частных беседах любят рассуждать о движении фигур на Великой шахматной доске, координируемом из единого центра. По мне, честно говоря, все это смахивает на паранойю.

На самом деле проблема России – это россияне. Главный враг России – это мы сами, наше многовековое рабство, лицемерие и одновременно чинопочитание, желание облизать начальника независимо от его ранга. Типичное поведение нашего человека: сначала самозабвенно облизывать начальника – директора корпорации или президента страны – и получать от этого глубокое удовольствие, а затем, когда этот человек споткнется, воткнуть ему нож в спину. Таков народ, другого нет. Российский народ, по большому счету, разделен на две неравные группы. Одна часть – это потомки крепостных, люди с рабским

самосознанием. Их очень много и у них есть лидер – В.В.Путин. Другая часть (меньшая) россиян рождена свободными, гордыми и независимыми. Лидера у них нет, но он им и не нужен.

Российская имперская традиция: есть царь, и он лучше всех, а его воля важнее законов. И постоять за себя, за свои интересы решаются очень немногие. В подобной матрице поведения и заключена главная угроза для России. Часто приходится слышать: «нас лишили права на получение правдивой информации», «нас лишили права выбора» или «у нас закрыли такой-то телеканал»… Я всегда отвечаю: «Мы же в этом и виноваты. Мы этого хотели, против не выступали. Мы молча наблюдали за тем, как расправлялись с нашими соседями. Мы даже злорадствовали по поводу их несчастий, потому что не любили друг друга. Мы привыкли сводить личные счеты, а не общие правила игры устанавливать…»

Поодиночке мы все очень умные, каждый в отдельности политик – большой стратег. Как собираемся вместе – толпа головорезов с большой дороги. Разговор быстро превращаем в коммунальную разборку с элементами драки.

Почему в 2003 году «Союз правых сил» и партия «Яблоко» не объединились в единую коалицию? Ответ для меня очевиден: помешали личные амбиции.

У «Яблока» главным спонсором был Михаил Ходорковский, львиную долю денег партия получала от него. Что же касается СПС, то для нас Ходорковский являлся одним из многих спонсоров. Мы избегали ситуаций, при которых кто-либо мог попытаться поставить партию под контроль.

В то время мы понимали, что можем проиграть на выборах, поэтому хотели объединить усилия. Я предложил встретиться и поговорить с человеком, который спонсирует сразу две партии. Я считал, что надо заручиться поддержкой очень важной для Явлинского персоны. В итоге вдвоем с Чубайсом мы встретились с Ходорковским. Мы ему пытались объяснить, что он тратит деньги неэффективно, что существует угроза провала и что будет бессмысленная и трагическая война между демократами. Что в политике, как и в мире животных, действует правило Дарвина: самая жестокая война – это война внутривидовая, что война СПС с «Яблоком» приведет к исчезновению обеих партий.

Мы долго говорили с Ходорковским, не скрывали, что готовы пойти на уступки Явлинскому, готовы были пожертвовать Чубайсом ради альянса демократов. Ведь главной проблемой объединения стала личностная: Явлинский заявил, что ни при каких обстоятельствах не появится рядом с Чубайсом. Поэтому нам пришлось гарантировать, что в этом объединении Чубайса не

будет. Кроме того, мы предложили, чтобы именно Явлинский был выдвинут объединенными демократами единым кандидатом в президенты, хотя, конечно, понимали, что Григорий Алексеевич далек от идеала. Мы надеялись, что объединение ресурсов и радикальное увеличение финансирования демократической коалиции сможет принести нам до 20 процентов голосов в Думе, а потому готовы были идти на уступки.

Наше предложение на Ходорковского произвело сильное впечатление. Он пошел к Григорию Алексеевичу. О чем он с ним говорил, не знаю. Зато знаю ответ – «Нет!». Твердое «нет».

В советской политике и дипломатии уже был такой человек – Андрей Андреевич Громыко. На Западе его звали «Мистер Нет». Видимо, Явлинский является его тайным почитателем, по крайней мере, неизменно отвечает «нет» на все попытки объединить демократов и выдвигает даже какие-то аргументы. Я же, наоборот, уверен, что если бы наш план тогда реализовался, то сейчас ситуация в стране была бы совершенно иной. Да и судьба МБХ не оказалась бы столь трагичной. Явлинский нас тогда не послушал. Итог этой необъяснимой неуступчивости и несговорчивости известен всем.

Григорий Алексеевич – человек, безусловно, либерально-демократических убеждений, хорош как оппозиционер, активно критикует власть, часто правильно и аргументированно. У него одна проблема: он не берет на себя ответственности. У нас был отличный шанс сформировать в 1997 году энергичное, современное и демократическое правительство, и ему предложили пост первого вице-премьера (причем он мог вести блок, связанный с экономикой, приватизацией). Явлинский отказался. Затем Примаков его звал в свое правительство. Явлинский снова отказался.

Явлинский – это профессиональный оппозиционер. Такие люди нужны. Но, к сожалению, он, как и многие политики, сильно преувеличивает свою роль в истории. Самооценка у лидера партии должна быть очень высокой, но есть опасность переоценки. Вот это уже вредно. Особенно в периоды кризиса и неблагоприятной конъюнктуры.

В фаворе сейчас те, кто эксплуатирует имперские идеи, а к ним как обязательная нагрузка и видимость противовеса – вечные записные оппозиционеры Жириновский с Зюгановым. Собственно, три партии – «Единая Россия», КПРФ и ЛДПР – и их искусственные клоны (как, например, «Справедливая Россия») сейчас и определяют политическую моду. Демократы народу не интересны. Личные права и свободы сегодня не являются первостепенными потребностями.

Я написал, но не смог опубликовать статью о политике Путина, в которой отстаиваю мысль, что существует четкая связь между свободой, демократией и кошельками граждан. Привожу пример. Когда Путин возглавил правительство, а затем и государство, бюджет России был 20 миллиардов долларов, а зарплата у врачей и учителей – 100 долларов. В 2007 году бюджет России – 200 миллиардов долларов. Государственный бюджет вырос за восемь лет в десять (!) раз. Зарплата, соответственно, должна была бы составлять 1000 долларов, а она составляет всего 300–400. Таким образом, за безоглядную любовь к президенту простые российские граждане недополучают ежемесячно примерно 600 долларов. 600 долларов в месяц – это деньги, разворованные чиновниками, это неэффективные закупки оружия, это средства, которые уходят на содержание Константиновского дворца, самолеты, вертолеты, загородные виллы и прочее. Неподконтрольные и недополученные гражданами деньги перетекают из фонда в фонд(например, из знаменитого пенсионного фонда – в коммерческие фонды) и там благополучно растворяются. Как долго граждане согласятся так дорого платить за любовь к президенту? Риторический, но очень важный вопрос.

Мне казалось, что люди, у которых есть головы на плечах, поймут очевидность моих расчетов. Пагубная самонадеянность! Я объясняю, а в ответ слышу оправдания в адрес президента и его окружения. Мне говорят: «Да, воруют, но и наша зарплата выросла. Да, мы должны зарабатывать 1000, а получаем 300, но ведь триста больше ста». Как поломать эту странную логику, это генетическое умение довольствоваться малым? С другой стороны, столь очевидные вещи и объяснять трудно. В результате большое число толковых и ярких политиков устали и решили подстроиться под новое время и нового царя.

Особенность деспотизма, авторитарной системы – отсутствие политических лидеров. На арене должен быть только один лидер – президент. На российской политической сцене образы бывших политических деятелей сохранились, но они превратились в маски, которые лежат на полках и пылятся. Посмотришь телевизор – в России живет и трудится только один великий и могучий забронзовевший лидер. Остальные – политические пигмеи. А можно ли под микроскопом рассмотреть пигмеев, можно ли отличить их друг от друга? И все-таки попробуем.

Жириновский – проект, созданный в недрах КГБ СССР. Он всегда под контролем и всегда договаривается со всеми представителями власти, независимо от того, кто восседает в Кремле. И, кстати, Жириновский этого не скрывает. На мой взгляд, Владимир Вольфович близок по взглядам к Путину. Кроме

того, он реальный советник Путина по вопросам Среднего Востока. Это о многом говорит.

Жириновский – человек умный и одновременно больной. Это фантастическое сочетание делает его суперхаризматичным. Вы только попробуйте все мысли, в том числе самые крамольные, запредельные, которые есть у вас в голове, произнести вслух, чтобы их услышали, скажем, домочадцы или сослуживцы. Уверен: очень быстро они отправят вас в психлечебницу, несмотря на то, что вы всего лишь изобразили Жириновского.

Кто там еще в ЛДПР? Митрофанов – бледная тень босса. Малышкин – просто анекдот в штанах. У остальных депутатов от ЛДПР партийный билет – это проездной талончик на время выборов: купил и заехал в парламент.

При этом Жириновский выполняет одну важную и позитивную миссию: он перетягивает на свою сторону националистов и больных людей. На старости лет он наконец признался, что его отец еврей и похоронен в Израиле. Фантастическая и довольно типичная ситуация: русский националист оказался евреем. Пример, впрочем, не единственный. Александр Белов, Михаил Леонтьев, Глеб Павловский работают с тем же контингентом и недалеко отошли от лидера ЛДПР в борьбе за русский народ.

И все-таки Жириновский – самый харизматичный политик России. Конкуренцию ему может составить только Юлия Тимошенко, принцесса украинской «оранжевой» революции. Она тоже очень харизматична, и у нее тоже нет никаких принципов.

Жириновский – феномен российской политики. Он мог быть угрозой для России в 1990-х, а стал политическим шоуменом. Ему прощают все, потому что он не опасен. Яркий, веселый, зажигательный, говорит простым языком, нажимает на патриотические чувства, прекрасно чувствует толпу, знает, кому и что сказать. Это беспринципность, возведенная в политический принцип. Но я уверен, что, когда его никто не видит, Жириновский воет на луну и плачет от тоски.

Владимир Вольфович – все хорошо понимающий и уважающий принципиальную позицию человек. У него самого нет позиции, но он с уважением относится к людям, у которых есть твердые убеждения. И я не раз был этому свидетелем.

Геннадий Зюганов – примелькавшийся и одряхлевший оппозиционер. Он знает, что, где и как сказать. Всегда входит в положение власти. Еще несколько лет – и Зюганов превратится в оппозиционера на пенсии. Он понимает, что засиделся в кресле руководителя партии, все видят, что партия идет вниз, она стареет, ее сторонники тают на глазах. Плюс к тому в последние

годы оппозиционность коммунистического руководителя практически сошла на нет. Спокойная пенсия – естественное желание человека, и тут Зюганова можно понять. Да и не являются открытием подобные поведенческие метаморфозы Зюганова. Ради помощи от президента Лукашенко предал своих белорусских товарищей, и в этой истории, как в зеркале, отражается сущность «твердых ленинцев». В начале 1990-х годов белорусские коммунисты поддерживали деньгами и словом коммунистов в России. Потом КПРФ встала на ноги, ей никто уже не угрожал, и Зюганов стал искать более сильных союзников. В этот момент белорусский президент Лукашенко начал уничтожать всех политических противников, включая и местных коммунистов. Зюганов, не задумываясь, сдал их, как ветошь, поскольку в новых условиях Лукашенко оказался полезнее и как пропагандистский ресурс, и как спонсор.

Коммунисты в России очень специфичны. Вместо защиты интересов простого народа они защищают монополии, грудью встают на поддержку «Газпрома» и железных дорог, потому что считают их основой государства. После захвата террористами театрального центра на Дубровке в Москве именно коммунисты выступили против создания специальной парламентской комиссии по расследованию. Меня всегда удивляла их страшная эклектика: с одной стороны – коммунистический интернационализм, а с другой – антисемитизм. Сейчас они на стороне Хезболлы, но против чеченских сепаратистов. Как можно в принципе разделять террористов и боевиков на хороших и плохих? У коммунистов это получается.

Случай с Рогозиным произвел на всех неизгладимое впечатление. Человека подняли до невиданных политических высот, раздули до внушительных размеров, а потом – «лопнули». О Рогозина хладнокровно вытерли ноги. История с партией «Родина» и ее краткосрочным лидером Дмитрием Рогозиным – классика путинского стиля политической разводки. Пример Рогозина послужил наглядным уроком для резвых псевдогероев российского политического спектакля. Но Жириновскому, Зюганову и лидерам помельче Путин нравится. Действительно искренне нравится. За ностальгию по СССР, за сталинский гимн, за борьбу с Западом и демократией.

Если говорить о демократической оппозиции, то на этом фланге ситуация также непростая. Например, мы с Чубайсом ведем бесконечный спор по поводу Путина: Чубайс всегда его поддерживал, я – никогда. И, возможно, еще одной причиной поражения СПС и «Яблока» было отсутствие ясной и четкой позиции по отношению к власти. Либо мы за Путина, либо мы

против. Причем позиция «за Путина» уже занята «партией власти» и ее клонами.

В общем, после спокойного рассуждения понимаешь, что не было иного выхода у правой оппозиции, кроме как быть против Путина. Причем в идеологическом плане для нашей партии это было бы абсолютно естественным и органичным. Почему? Президент Путин сделал свой выбор: он ставит на бюрократию, на спецслужбы, он зажимает бизнес, установил цензуру, продолжал войну в Чечне. Все идеологические установки СПС прямо противоположны его курсу. Путин строит бюрократическое государство с гэбэшным уклоном. Это сильно коррумпированное государство, весьма далекое от демократий европейского образца. Мы видим будущее страны совершенно другим, прямо противоположным.

Однако не все логичное очевидно. Как себя ведет любая партия и любой политик? Есть аналитики, политологи, социологи, товарищи, друзья и так далее. Пришел социолог и говорит, что, конечно, к Путину демократическая оппозиция должна быть настроена критически, только имейте в виду, что 75 % ваших избирателей поддерживают Путина. И вы в силу своей принципиальности можете быть к нему в жесткой оппозиции, но вот эти 75 % голосов в таком случае точно потеряете. Нам это твердили в течение всего лета и всю первую половину осени 2003 года, а мы социологов послушали. Считаю, что это было грубейшей ошибкой.

На знаменах СПС написано: «Свобода, собственность, законность!». Как три базовых для нас принципа реализует Путин? Включите телевизор – и все станет ясно со свободой слова. Вспомните дело ЮКОСа – и все станет ясно по поводу неприкосновенности частной собственности. Что касается законности, то посмотрите на прокуроров, оборотней в погонах из МВД и судей. Путин попрал все фундаментальные ценности, за которые мы боролись. И мы не можем быть его сторонниками.

Однако на все эти доводы Чубайс мне отвечает: «Лужков с Примаковым были бы еще хуже». И это правда. Но из нее не следует, что надо поддерживать именно Путина. Почему выбор всегда есть только между такими политиками, как Фидель Кастро, Уго Чавес или Лукашенко? Неужели у России иного выбора нет?

У Егора Гайдара позиция, близкая к моей. Гайдар вряд ли способен поддерживать режим, который считает ошибочным. А путинский режим для него – историческая ошибка. Попытки возродить империю, которую уже невозможно восстановить, попытки поставить всех на колени, когда люди хотят быть

самостоятельными и независимыми, Гайдара как ученого очень сильно тревожат. Он даже книгу написал – «Гибель империи», чтобы остановить общенациональное безумие.

У Гайдара есть проблема – синдром премьер-министра. Ему, например, предлагают сделать бюджет или написать концепцию налоговой реформы, и он относится к этим предложениям так, будто остается главой правительства, – очень и очень ответственно. Я его успокаиваю, убеждаю, что он не отвечает за нынешних чиновников и их странные шаги, что он свою голову на их дурацкие плечи не подставит. Но Егор Тимурович все равно будет делать так, словно на нем лежит весь груз ответственности.

Во время предвыборной кампании в 2003 году многим казалось, что это самоубийство – сказать, что мы находимся в оппозиции к президенту. Ведь к тому времени людям уже окончательно промыли мозги. Когда им на первом, втором, третьем каналах с утра до вечера твердили, что «Путин великий», они постепенно начали верить.

Очевидно и то, что если бы мы выбрали оппозиционный курс на тех выборах, то в нашем списке не было бы Чубайса: он по определению не мог проходить по списку оппозиционной партии. Но все-таки я уверен, что жесткое позиционирование против Путина принесло бы успех. Убежден: мы были бы в Думе, хотя бы потому, что люди уважают позицию. Самая худшая политика – это отсутствие позиции. Позиция может быть верной, неверной, она может меняться со временем, но она должна быть. Пример – выборы 2003 года. У каждой партии, прошедшей в Думу, была четко обозначенная позиция. У «Единой России» – «мы за Путина». У «Родины» – «посадить Чубайса». Жириновскому, правда, никакая позиция, на мой взгляд, вообще не нужна. Жириновскому нужен Жириновский. Но и он, не изменяя себе, во всех выступлениях «мыл сапоги в Индийском океане».

Кстати, коммунисты проиграли выборы все по той же причине – у них не было позиции. Они с олигархами должны были бороться, а у них олигархи по партийному списку проходили, точнее – осколки олигархов.

В политике часто надо делать выбор между целесообразностью и порядочностью. Неприятно в этом признаваться, но это факт. Приведу пример из собственной жизни.

В марте 1997 года Чубайса и меня назначили первыми вице-премьерами правительства. Я был в тот момент таким же популярным политиком, как сейчас Путин, а вот Чубайс оставался всенародным аллергеном. Многие, в том числе известные российские политтехнологи, настойчиво советовали

мне: «Отрекись от Чубайса, скажи, что он негодяй, автор преступной приватизации и виновник всех бед. Дистанцируйся от негатива». Но я ответил: «Нет!» Мы с Чубайсом работали, когда я был губернатором, мы отлично взаимодействовали в правительстве, и если я с ним не соглашался в чем-то, то всегда говорил ему об этом в глаза. С точки зрения политической целесообразности моя позиция была крайне неправильной. Но с точки зрения человеческой порядочности и мужского поведения я ни секунды не жалею о том, что не изменил самому себе и дружбе. Сегодня надо отречься от Чубайса, а завтра – от кого? Предавший единожды предаст и во второй раз.

Я не исключаю, что многие из тех, кто состоит в «Единой России» и сейчас заискивают, унижаются перед Путиным, Сурковым и так далее, резко изменят свое поведение, когда нынешние начальники ослабеют. Пнуть мертвого медведя или воткнуть нож в спину упавшего – старая традиция российской политики. Те, кто на вершине, рано или поздно падают, а те, что снизу, быстренько упавших добивают… Так и живем.

Демократы сейчас находятся в глубочайшем кризисе: демократические идеи никому не интересны, все любят Путина, антизападничество и имперское самосознание достигли апогея, ведутся бессмысленные и беспощадные разборки с Грузией, Украиной, Молдавией… В подобной обстановке демократов может спасти только единство, чтобы не передушили поодиночке. Консолидация слабых и разрозненных сил – единственно правильная тактика поведения.

В такие периоды необходимы масштабные антикризисные меры. Объединение всех демократических сил – это и есть антикризисная мера. Да, мы отличаемся друг от друга: «Яблоко» – социал-демократы, СПС – либеральные демократы. Грубо говоря, они за то, чтобы произвести перераспределение денег в пользу малообеспеченных, а мы выступаем за свободу предпринимательства, создание условий для эффективной работы малого, среднего и крупного бизнеса. За счет высоких зарплат будут нормально жить люди, за счет налогов с них – страна. Но подобные политические разногласия актуальны больше для Европы, чем для нашей действительности. В России выбор жестче и проще: в стране победит диктатура или демократия? По этому вопросу и по проблеме реформирования политической системы государства у нас нет принципиальных разногласий с «Яблоком», поэтому не объединяться в коалицию – это преступление.

Однако я считаю, что механическое соединение СПС – «Яблоко» уже невозможно. На этой идее надо поставить крест и прекратить всякую дискуссию на эту тему. Нужна новая партия с

новым названием. Второе – это новые руководители, новые лица. Третье – новая программа.

Убежден: если не будет объединения, то шансов у демократов в ближайшие годы нет вообще, демократическое движение превратится в диссидентское. Оно маргинализируется и окончательно уйдет из реальной политики. Может быть, и надо, чтобы так случилось, чтобы совсем свежие люди появились – те, кого Путин сейчас в тюрьму сажает за «Идущих без Путина», за марши несогласных. Чтобы на наше место пришли совсем молодые и энергичные. А среди нынешних демократов «новых» нет. Все одинаковые. Мы все вышли из горбачевско-ельцинской шинели. Все демократы: Рыжков, Каспаров, Хакамада, Касьянов, Явлинский, Немцов, Чубайс, Гайдар… – это все горбачевско-ельцинский призыв.

Особенность наших сторонников – высокий уровень образования. Половозрастная структура, социальная структура избирателей, на мой взгляд, не имеют принципиального значения. Я, например, считаю глупостью говорить, что мы партия среднего класса. Потому что у нас этого самого среднего класса нет нигде, кроме Москвы, Питера и, может быть, Тюменской области. А во-вторых, средний класс, как правило, очень конформистски настроен и, в принципе, крайне аполитичен.

Еще более глупо замыкаться на предпринимателях. Поэтому, если говорить о социальных группах, на которые могут ориентироваться демократы, я сформулировал бы так: образованные люди; молодежь; люди «самодеятельного» труда, которые сами себе на хлеб зарабатывают. Плюс к ним – чиновничество местного самоуправления и областного уровня, у которого отобрали деньги и полномочия и которое чувствует себя обиженным; многих из них уже достала эта лживая двусмысленность. Далее – творческая интеллигенция и интеллигенция в целом. Те же обездоленные учителя, хотя они очень левых взглядов, тем не менее люди образованные и сильно влияющие на общественное мнение. Также, как и врачи, особенно врачи в поликлиниках. Мне кажется, что это широкая база – около 20–30 миллионов человек. В этом случае в чистом виде рафинированные либеральные идеи не пройдут. В то же время, если мы замкнемся исключительно на либерально-демократической позиции, то даже с точки зрения социологии это несколько миллионов человек. Мало!

Либеральная идея может лечь в основу дальнейшей политики, но она не может быть в основе публичной риторики. Кстати, это и опыт Украины показывает, и опыт Великобритании.

Мы должны воспользоваться рецептами Тони Блэра. Как-то я говорил с баронессой Тэтчер, которая не очень любит Тони Блэра, но она сказала одну простую вещь: «Он, конечно, несет черт знает что, левацкий тред-юнионистский бред, но делает то, что я говорю». Возможно, нужно воспользоваться рецептами Блэра, возможно, нужен такой подход. Может быть, найдется тот, кто сумеет тред-юнионистскую риторику совместить с дальнейшей либеральной работой. Это был бы идеальный для России вариант. Россия – левая страна, которой нужны правые реформы.

Почему мы не объединились в 2003 году и не можем договориться сейчас? В обществе нет социального заказа на демократию и демократов.

Скажем, в деревне Поповка открыли магазин, в котором продают вещи от модных дизайнеров одежды. Вещи красивые, качественные, но спросом у деревенских жителей не пользуются. Но однажды деревня Поповка станет центром цивилизации, люди станут много зарабатывать и хорошо жить. Только тогда они задумаются над тем, во что одеваться и на каких машинах ездить. Россия и есть эта деревня Поповка.

В то же время оставаться сторонним наблюдателем, бездеятельно выжидать – это тоже бесперспективно. Сегодня я уверен, что личностные факторы, болезненные устремления и амбиции приводят к краху целой страны. Это не пафос и не оторванные от жизни философствования. Я считаю, что если бы в 2003 году в Думе были демократы, в России сохранилась бы свободная пресса, страна избежала бы госкапитализма и беспредела бюрократии. При здоровой и принципиальной парламентской оппозиции в стране сохранились бы выборы губернаторов, больше денег оставалось бы в регионах. Парламентский контроль за властью не допустил бы непродуманной монетизации льгот, позволил бы расследовать трагедию Беслана, остановить многих казнокрадов.

Как только возникнет спрос на свободу и демократию, как только станет понятно, что построенный за последние годы режим – это коррупция, жуткая пропасть между олигархами и бедными, тогда и появится один популярный лидер. Как только возникнет спрос на правду – появится и спрос на честного лидера. Но пока в России спрос на ложь, иллюзию благополучия и стабильности. Люди не готовы свою судьбу взять в собственные руки. И это тоже историческая традиция. Иногда мне даже кажется, что путь к свободе в России будет гораздо длиннее, чем в Украине и даже в Белоруссии. И еще неизвестно, с каким финалом. Нам мешает халявная нефть, она очень сильно расслабляет и отупляет. И крепостное прошлое мешает не

меньше.

Приход к власти Ельцина после антикоммунистических манифестаций все-таки стал знаком того, что страна двигалась по демократическому пути. Сейчас другая ситуация. Я согласен, что борьба с Путиным, в которой участвуют разные политические силы, может и не закончиться победой демократии. Может закончиться приходом к власти крайних националистов, потому что ненависть к инородцам, кавказцам очень сильна. Она к тому же разжигается официальной властью. Кроме того, все эти акции протеста окрашены скорее в бордово-красные, а может быть, и в коричневые тона… Просто так подобное не проходит. Поэтому угроза, что после Путина у нас будет что-то такое совсем уже кошмарное, фашистское, существует.

Ситуация осложняется тем, что многие демократы демонстрируют политический инфантилизм, переоценивая свою личную популярность (у всех вождей-демократов популярность от одного до трех процентов, это лучшие результаты). Если демократы и дальше останутся такими же атомизированными, то вероятность трансформации путинского режима в красно-коричневый очень высока.

Мы в России любим верить в чудо. Вдруг появится новый лидер, вдруг народ прозреет и так далее. Но мы не можем не замечать исторический контекст. Сейчас что модно? Зажигательный бред о великой империи на фоне лицемерия и самоуспокоения. Демократов с либералами в этой моде нет. Нет ни в одном из пунктов. Что же делать? Удавиться от безысходности? Сидеть, вспоминать великое прошлое и рыдать над фотографиями с президентом Ельциным?

VII
Частный капитал и власть

История нефтяной компании ЮКОС, история ее взлета и разгрома для России очень показательна. Все больше людей в нашей стране, накопив первоначальный капитал, собираются пересесть из кресла директора фирмы в кресло депутата или крупного чиновника. Но деньги, даже большие, в России не обеспечивают однозначного политического триумфа. Особенно показательна трагедия Михаила Ходорковского.

В последний раз я видел его на свободе за месяц до ареста, осенью 2003 года. Ходорковский собирался поехать по стране с лекциями о фонде «Открытая Россия», о необходимости формирования гражданского общества и так далее. Он очень хотел заниматься общественной деятельностью.

Мы ходили по парку и долго беседовали. Я старался понять, в чем суть его позиции, в чем заключен тайный или скрытый смысл войны с Путиным, насколько решительно Ходорковский настроен. Я считал, что власть раздавит ЮКОС, что рано или поздно нам всем придется публично занять ясную позицию, поэтому так важен для меня был тот разговор.

Уже в начале октября 2003 года (до ареста) судьба Ходорковского мне казалась решенной, хотя он не верил в самый худший сценарий. Я его прямо спросил: «А ты не боишься сесть?» Он ответил мгновенно: «Нет». «А умереть?» «В каком смысле?» «Ты можешь не выйти из тюрьмы, тебя там отравят или задушат». Он долго не отвечал, ходил и молчал минут десять. Потом сказал: «Умереть все боятся, но я все равно никуда не уеду, как бы они этого ни хотели».

Что заставило Ходорковского заняться общественной деятельностью? Почему он не захотел жить, как Абрамович, Дерипаска или, наконец, Березовский?

Власть как способ обогащения его не интересовала. Ходорковский и так был сказочно богат. Начав, как и все бизнесмены конца 1980-х – первой половины 1990-х годов, с сомнительных сделок, во второй половине 1990-х годов он стал решительно меняться. Он стремился создать преуспевающую компанию, отсталую компанию советского типа превратил в международный концерн с прозрачной бухгалтерией и чистой репутацией.

Ходорковский – честолюбивый человек, для которого важным являлось общественное признание. Он понял, что каждый новый

заработанный миллиард ничего не меняет в его жизни. Наконец ему стало скучно, и он решил сменить род занятий. Михаил посчитал, что в сфере бизнеса все мечты сбылись и все цели достигнуты, и дальше начинается скучная история. Скучать он не привык и не любил.

В России нет кристально чистых олигархов. Наверное, не много таких миллиардеров-ангелов наберется и по миру. Практически все российские олигархи прошли через залоговые аукционы, все использовали непрозрачные правила приватизации, все сделали состояния за считанные годы, в то время как на Западе подобные состояния зарабатывались на протяжении нескольких поколений. Все российские олигархи к тому же практически одного возраста – это поколение сорокалетних, которые заканчивали университеты как раз к моменту распада СССР.

Ходорковский, естественно, не ангел. Но чем он отличался от других, чем выделялся? В первую очередь тем, что вел себя скромно, не страдал неуемной любовью к роскошной жизни, летал рейсовыми самолетами. Я его как-то спрашивал, почему рейсовыми. Он ответил: «Зачем отрываться от людей? Я тогда буду плохо понимать, что происходит». Только под конец, по-моему, он стал летать чартерами.

В тандеме Ходорковский – Невзлин и вообще в ЮКОСе Михаил был безусловным лидером. Да, он слушал других людей, советовался, обсуждал, но оставался лидером, причем лидером очень жестким. Он реально управлял компанией, вникая во все вопросы. Как генеральный директор ЮКОСа он погружался в промышленную деятельность и разбирался в нюансах нефтедобычи и нефтепереработки. Он был достаточно конструктивным и деловым. Ходорковский ко всем этим ребятам – и Шахновскому, и Невзлину, и Лебедеву – относился как к своим соратникам. Но решения принимал сам. В ЮКОСе не было коллегиальности. По принципиальным вопросам только он принимал решения.

Многие российские олигархи прошли один путь эволюции: от зарабатывания денег до желания заняться политикой и изменить мир. Воровать государственную собственность им разрешили, но воровать государственную власть – нет. Березовский с Гусинским этого не поняли и первыми попали под молотилку государственной машины, Ходорковский подошел с другой стороны, но тоже проиграл. Олигархов никто не ждал в политике и не хотел в них видеть политиков.

Власть умела бороться с диссидентами, оппозицией, с политическими критиками, с Западом. Боролась кондово, грубо и

неумело, но с поставленными задачами справлялась. А вот как бороться с большими деньгами, российская власть не понимала. Да и опыта не было, поскольку в Советском Союзе больших денег просто не видели. И мне представляется, что власть патологически боялась политизации бизнеса. Она не знала, что с такими бизнесменами делать. Любой, кто пытался с большими деньгами лезть в политику, рисковал. И рисковал очень сильно.

В чем заключается позиция Путина и его команды по отношению к крупному бизнесу? «Вы спи…ли народное богатство, и мы об этом знаем. Хотите, чтобы вас не посадили, – сидите тихо. Если тихо сидеть не будете, камер хватит на всех». Некоторые олигархи с этим не согласились, за что и пострадали.

Олигархи – как пауки в банке. Никакой любви друг к другу они не испытывают. Ходорковский не выделялся на общем фоне довольно долго. У него была своя длинная история взаимоотношений, конфликтов из-за собственности, личностных конфликтов и так далее. Однако к нему относились с уважением. Высоко оценивали его менеджерские способности, хватку, твердость и решительность. В этой среде слово «любить» не является какой-то характеристикой. Оно там отсутствует.

Я пришел в правительство, когда Ходорковский только начинал заниматься ЮКОСом. Я не застал историй поглощений ЮКОСом более мелких и слабых конкурентов, это происходило до меня.

Помню, как-то я пригласил Ходорковского на совещание: ЮКОС не заплатил налоги, а у правительства росла задолженность по пенсиям и зарплатам бюджетникам. Я не знал, как пойдет наш разговор и чем он закончится.

«Михаил Борисович, заплатите, пожалуйста, налоги», – вежливо предложил я ему. Михаил Борисович не спорил, абсолютно спокойно подписал график выплат и выполнил его. Без шума, криков и угроз.

Ходорковский никогда не вел себя нагло и агрессивно, как Березовский с Гусинским. Конечно, как и многие, он лоббировал собственные интересы.

У нас был конфликт в конце 2002 года. Я предлагал резко увеличить природную ренту для нефтяных компаний, поскольку они получают сверхприбыль, и одновременно снизить налоги для тех, кто работает не в сырьевом секторе. На конференции по этому вопросу мы сидели рядом, но говорили прямо противоположные вещи. Казалось бы, должны расстаться врагами. Но мы при этом сохранили абсолютно нормальные отношения. Хотя я покушался на его доходы, а для многих бизнесменов доходы – это самоцель, мегацель и весь смысл жизни.

Кстати, Ходорковский не финансировал СПС, когда мы находились в парламенте, хотя финансировал «Яблоко». Помогать нам он решил в 2003 году. Коммунистам, как он мне лично говорил, денег не давал. Еще он финансировал довольно много одномандатных депутатов – человек сорок.

Я его спрашивал, зачем он это делает. Он считал, что за счет СПС и «Яблока» реальную оппозицию в парламенте создать нельзя. В то же время хотел, чтобы в России появилась сильная демократическая оппозиция, как в любом цивилизованном обществе.

В частной жизни Михаил вел себя тихо и скромно. Зачастую Леонид Невзлин, который вел себя напористо и жестко в любой обстановке, говорил в десять раз больше, чем Ходорковский.

Ходорковский семейный, уравновешенный человек. Малопьющий. Я не раз бывал у него дома, они с женой – тихие, невозмутимые люди. Однажды мы поехали в Милан на какую-то конференцию. Пока обсуждали глобальные проблемы, моя жена Раиса с его женой Инной поехали в Венецию на экскурсию. У жены Ходорковского закончились деньги. Рая одолжила ей, а потом приехала с круглыми глазами и говорит: «Представляешь, я жене Ходорковского денег одолжила!».

Многие, в том числе и я, гораздо жестче критикуют Путина, чем Михаил Борисович. При этом мы – на свободе. Почему?

Путина запугали тем, что Ходорковский возьмет под контроль парламент и начнет диктовать условия Кремлю. Путину показалось, что приватизация Думы под знаменами Ходорковского – это угроза кремлевской власти и государству в целом. В этом причина расправы над ЮКОСом и Ходорковским.

Ходорковский создал фонд «Открытая Россия». Он развернул настолько бурную деятельность по формированию гражданского общества в России, что игнорировать это было невозможно. Он финансировал программу интернет образования, открыл по всей стране десятки центров, в которых учителей обучали пользованию Интернетом. Через эти центры прошли сотни тысяч учителей. Они получили качественно иное знание. Я его спрашивал:

– Миша, зачем ты это делаешь?

– XXI век – век информационных технологий. Если мы отстанем, у нас не будет никаких шансов двигаться вперед.

– Что это за миссионерский проект?

– Я должен как-то влиять на конкурентоспособность России.

Он вынашивал большие планы, не наполеоновские, а крупномасштабные и достаточно реальные. Он вкладывал средства в образование. Купил Гуманитарный университет,

который потом у него отобрали. Он реально хотел влиять на систему образования, на информатизацию общества.

Ходорковский тратил деньги на благотворительность. Но это была не раздача денег бедным, эти программы меняли структуру общества. Он занимался масштабными гуманитарными проектами и в этом тоже был уникален среди российских богачей (только Сорос этим занимался). Хотя В.Потанин платит стипендии одаренным детям, студентам, М.Фридман финансирует лечение больных церебральным параличом, лейкозом. Это очень важно и полезно, но не влияет на общественные процессы. А проекты Ходорковского могли сильно повлиять на структуру общественных отношений, на будущее России. Власть такое терпеть не могла.

Неизвестно, выйдет ли Михаил когда-нибудь на свободу. Дай Бог, чтобы он был здоров. Он парень крепкий, но Путин его смертельно, неадекватно боится. Хотя я лично не считаю, что Ходорковский смертельно опасен для Путина. В то же время у людей, долго сидящих у власти, деформируется отношение и к окружающим, и к себе. Случайные, несамодостаточные политики демонизируют и людей, и своих противников. Путин демонизировал Березовского, хотя тот и не гений, и не дьявол. То же самое происходит с Ходорковским.

Понятно и другое: российская власть уверена, что сможет всех запугать. Кремль стремится задавить любое, даже робкое интеллектуальное и демократическое сопротивление. А бизнесменам есть что терять, и в этом смысле они особенно уязвимы. Они создают миллионы рабочих мест, вкладывают в свои предприятия огромные средства, платят огромные налоги. Они должны вести себя осторожно. Но их нельзя превращать в рабов, потому что независимость – это главный мотив в деятельности любого предпринимателя.

VIII
Обстоятельства непреодолимой силы

Периодически в политической карьере возникают ситуации, когда все ваши усилия разбиваются о непреодолимое препятствие в виде вновь открывшихся обстоятельств. Вдруг далеко от мест вашего обитания и деятельности происходят события, которые разрушают ваши собственные планы, разворачивают, тормозят или, наоборот, резко ускоряют ход исторического процесса. Скачок мировых цен на нефть стал именно тем фактором, который повлиял на политические и общественные процессы в России в начале XXI века. Поделать с этим ничего нельзя, но вынести полезные уроки и сделать выводы следует.

Я долго размышлял, как колебания цен на нефть влияют на политические процессы в государстве. Существует три основных закона взаимосвязи нефтяных цен и политической и общественной обстановки в стране.

Первый закон: чем выше цена на нефть – тем выше коррупция. Это касается не только России. В 2000 году, когда Путин стал президентом, нефть стоила 20 долларов за баррель. По данным организации «Трансперанси интернешнл», по уровню коррупции Россия занимала 80-е место в мире. В 2007 году нефть стоит 50–60 долларов, Россия была на 130-м месте.

Ровно такой же скачок с гигантским ростом коррупции произошел в Казахстане, Азербайджане, Венесуэле, Мексике и даже Норвегии. Норвегия – самая коррумпированная из скандинавских стран. Безусловно, общий уровень коррупции там невысок: протестантская мораль и высокий уровень демократии сдерживают ее, но все же, все же…

Второй закон: чем дороже нефть – тем левее страна, тем слабее правительство и тем более популистские решения принимает власть. Этот закон универсален. Начнем с той же Норвегии – самой благопристойной нефтедобывающей страны. В 2000 году у власти там находились консерваторы, правоцентристская партия. Стоило цене на нефть подскочить за отметку в 50 долларов, тут же победили социалисты.

В России происходит то же самое. Почему популярны левацкие идеи, почему «Справедливая Россия» использует левацкую риторику, почему Путин продвигает популистские национальные проекты, понимая, что они никакого значения не

имеют? Потому что когда в стране много денег, главный вопрос задают партии левого толка: «Как поделить деньги?» Вопрос «Как заработать?» никого не интересует.

Третий закон: чем дороже нефть – тем меньше политических и гражданских свобод. Не любимая нашими властями организация «Freedom House» по всему миру измеряет уровень свобод: анализирует безопасность журналистов, соблюдение основных прав человека, наличие свободных СМИ и т. д. Россия в этом рейтинге сейчас прочно обосновалась среди несвободных стран, вместе с Северной Кореей, Кубой, Суданом. Хотя еще в 2000 году Россия значилась как частично свободная страна. Так что мы в общей тенденции. В Венесуэле президент Уго Чавес национализирует телевидение. В Мексике правительство оказывает очень сильное давление на СМИ. В странах Персидского залива свободы СМИ вообще никогда не было. И объясняется все это просто: когда много денег, у власти очень большой соблазн поставить прессу под контроль хотя бы для того, чтобы спокойно воровать.

Эти три закона доказаны современной историей. Они – нефтяное проклятье для нефтедобывающих государств. В обстановке, когда в стране много денег, защищать свободу и демократию непросто, с точки зрения победы на выборах с большой долей вероятности – малоперспективно.

Егор Гайдар вывел еще один закон, по которому можно определить активность и эффективность правительства. Это – «правило Гайдара». По этому закону эффективность правительства обратно пропорциональна ценам на нефть: чем выше цены на нефть – тем слабее правительство и тем меньше оно напрягается. Если нефть на мировом рынке стоит 10 долларов за баррель – правительство энергичное, толковое, целеустремленное, работоспособное, профессиональное. Если цены достигли уровня 30 долларов – правительство тянет лямку управления экономикой на троечку. Цена в 70 долларов за баррель нефти превращает государственных чиновников высокого ранга в олигофренов. Конечно, нельзя отрицать интеллектуальные способности отдельных министров, но в правительстве в целом преобладает некая коллективная бессознательность.

Запредельные цены на нефть наполняют государственный бюджет без особого напряжения. Страна завалена нефтедолларами. В подобной ситуации возникает ощущение полной безнаказанности, безответственности высших должностных лиц. Это в свою очередь порождает невиданный ранее рост коррупции. В данной ситуации фамилии конкретных

людей не имеют абсолютно никакого значения. Один и тот же правитель при 10 долларах за баррель нефти ведет себя совершенно иначе, чем при 70.

Я знаю, например, не одного, а двух Путиных. Один Путин – это начинающий президент, второй – президент забронзовевший.

Путин начинающий – это человек, который ввел самые низкие в Европе налоги, решил вековую проблему с землей, приняв Земельный кодекс, принял один из самых прогрессивных трудовых кодексов, в принципе, позволяющий людям защищать свои права перед нанимателем. Молодой президент пытался провести административную и судебную реформы, первым, наплевав на антиамериканизм общества, выразил свою поддержку американскому народу в связи с трагедией 11 сентября… И так далее. Обращаю внимание, что Путин тогда жил при цене на нефть в 20 долларов за баррель.

Что же произошло с российским президентом при цене на нефть в 70 долларов за баррель? Кем он стал сейчас? Кто такой президент Путин во второй части своего долгого правления? Это человек, который окончательно и бесповоротно ввел цензуру, лишил народ права избирать своих губернаторов, отменил выборы в одномандатных округах. Он посадил в тюрьму Ходорковского и установил в стране «басманное правосудие». При этом разрешил Роману Аркадьевичу Абрамовичу продать «Сибнефть» и дал ему за частную нефтяную компанию тринадцать миллиардов долларов из государственных источников. При новом Путине расцвели бюрократия и коррупция.

Биологически это один и тот же человек, но поведенчески – два совсем разных.

Я рискую предположить, что если бы нефть стоила столько же, сколько в период дефолта 1997-98 годов, от 8 до 12 долларов, а доллар – всего 6 рублей, то денег в стране было бы в 15 раз меньше. И политика в России была бы иной.

Богатство развращает. Большие деньги убивают само желание что-либо улучшать и реформировать. Исчезает стремление развивать экономику, нет даже малейшего желания, просто намека бороться с коррупцией и воровством. Денег в стране столько, что побеждают невежество и разврат: «Своровали – ничего, сейчас еще дадим. Ах, вам там денег не хватает, сейчас добавим». Пенсионеры вышли на улицу, протестуя против реформы монетизации льгот, перекрыли Ленинградский проспект – тут же правительство нашло 200 миллиардов рублей и «заткнуло» протесты.

Гигантские деньги и развращают запредельно. За последние

годы при внешнем лоске и богатстве страны государственная власть сильно деградировала. Вместе с властью деградирует и экономическая система. Рассмотрим это на примере передовой, с точки зрения власти, российской компании «Газпром». Я написал по этому поводу большую статью в журнал «Эсквайер» для гламурной публики.

«Газпром» – это крупнейшая энергетическая компания мира. По капитализации она на уровне «Эксон Мобил», «Майкрософт» и «Дженерал Электрик». Ее капитализация около 300 млрд долларов. Для сравнения, это в полтора раза больше, чем бюджет России. То есть «Газпром» дороже, чем целый год жизни страны. Европа на 35–40 % зависит от «Газпрома». Есть альтернативные источники поставок газа: Алжир, Великобритания, Норвегия, Голландия. Но тем не менее «Газпром» имеет фантастическое влияние на то, чтобы в Европе было тепло и горели лампочки.

«Газпром» находится под контролем государства. Контрольный пакет компании принадлежит государству. Все назначения в «Газпроме», не только высшего, но и среднего звена осуществляются государственными чиновниками. А руководство этой компании, первые лица и их заместители назначаются лично президентом страны. Это очень важно понимать.

При этом «Газпром» является неестественной монополией. Дело в том, что газ в России добывает не только «Газпром», но еще и «Сургутнефтегаз», «Лукойл», «Роснефть», ТНК-ВР, «Нордгаз» и «Новотек». «Газпром» искусственно не пускает эти компании в свой газопровод и заставляет за бесценок продавать газ на входе в трубу. Это невыгодно, и многие компании просто сжигают газ, который добывают вместе с нефтью.

Глава «Газпрома» Алексей Миллер – это ближайший друг президента, они знакомы с незапамятных питерских времен. Владимир Путин и Алексей Миллер почти одновременно стали руководить, один – страной, другой – «Газпромом». За время их руководства «Газпром» не освоил ни одного месторождения и не построил ни одного магистрального газопровода. Все, о чем они говорят – Североевропейский газопровод, Штокмановское месторождение, – это все проекты, это все далекое будущее.

«Газпрому» мешает чрезмерная политизация. «Газпром» никто в мире не воспринимает как хозяйствующий субъект. «Газпром» – это инструмент политики Путина как в стране, так и за рубежом. «Газпрому», предположим, надо осваивать Штокмановское месторождение, а он вынужден покупать средства массовой информации. «Газпром» участвовал в сделке с Абрамовичем и выложил 13 млрд долларов. А можно было за эти деньги газом заняться. «Газпром» терпит убытки от продажи газа

в Белоруссию. Это все политические решения, и «Газпром» терпит от них убытки.

Неудивительно, что производственные показатели компании очень плохие. В то время как экономика России росла по 6–7 % в год, производство газа почти не росло. В этих условиях должен был начаться тотальный дефицит газа. И он начался.

Уже в 2007 году дефицит газа выразился, например, в том, что Северо-Западная ТЭЦ, построенная ударными темпами, чтобы восполнить дефицит электроэнергии в Петербурге, стоит без газа. Ее запускал президент Путин лично. Но станция работает на мазуте. Это все равно что сжигать золото.

Экономика России и дальше будет развиваться довольно активно. Следовательно, дефицит газа к 2010 году станет катастрофическим. Ситуация похожа на дефицит потребительских товаров времен позднего СССР. Тогда был дефицит всех товаров, начиная со стирального порошка и заканчивая колбасой. В результате либерализации рынка ситуация была преодолена, и о ней все забыли. Единственная отрасль, оставшаяся несвободной и советской, – это газовая, а точнее, «Газпром». Разница между дефицитом потребительских товаров в СССР и дефицитом газа в путинской

России в том, что дефицит колбасы заметен всем. Пустые прилавки, очереди, талоны. А газ не продается с прилавка. Тут будет все невидимо. Появится куча кремлевских прихлебателей, которые начнут оправдывать рост цен чем угодно: Америка мешает, враги кругом, шпионы – и слова правды в этом гвалте не услышишь. Сейчас власти признают, что есть проблема и есть кризис. У Путина было несколько совещаний по этому поводу. Удивительно, что распад СССР ничему не научил этих людей. Они действуют точно так же, как действовал советский премьер-министр Николай Иванович Рыжков, когда исчез окорок «Тамбовский». Николай Иванович с трибуны Верховного Совета предложил тогда поднять цены на окорок «Тамбовский» на две копейки. Нынешняя власть предлагает поднять цены на газ. Теплоэлектростанции готовы покупать газ буквально по любой цене. Так что дефицит газа от повышения цен не уменьшится. Только увеличатся цены на электричество и в конечном счете – на все.

Дефицит газа грозит замедлением экономического роста. Не будут строить жилье. Не будет новых рабочих мест. Цены на коммунальные услуги начнут стремительно расти. Будут расти цены на все. Замедлится рост поступлений в бюджет. Поскольку страна набрала кучу внешних обязательств по поставкам газа, будет шириться политическое движение, настаивающее на том,

что не надо продавать газ за границу, потому что у нас самих его не хватает. Подобного рода политические процессы будут подрывать авторитет России значительно больше, чем нарушение прав и свобод граждан. Рост коррупции достигнет запредельных масштабов. Точно так же, как в Советском Союзе со служебного входа выносили мешки со жратвой, в России после 2008 года появятся услуги черного рынка по поставкам газа. Если дефицит будет 50 млрд кубов, то взяток за распределение этого газа будут брать на 5 млрд долларов в год. Дополнительно к тем взяткам, которые берут сейчас.

Справиться с дефицитом можно. Надо разрешить компаниям, которые добывают газ, транспортировать его по трубам «Газпрома». Не по бандитским тарифам, а по нормальным. То есть, говоря экономическим языком, необходимо провести либерализацию рынка и разрешить всем покупать газ у кого угодно, а не только у «Газпрома». В этом случае дефицит удастся покрыть за два-три года. Это можно сделать, сохраняя монополию «Газпрома» на экспорт газа. Можно создать свободный рынок газа внутри России, а на Запад продавать только через «Газпром». Это было бы супервыгодно для России. Но так не произойдет. Все будет как всегда. Если не поменяется нынешняя политика монополизации всего, а она не изменится при таких ценах на нефть, мы увидим ежегодную борьбу с дефицитом газа и ежегодное повышение цен на газ. И только тогда, когда начнут лопаться трубы, замерзать города и срываться западные контракты, только тогда, когда начнутся массовые волнения, власти проведут либерализацию рынка газа.

И еще один момент. Раздутая машина государственного аппарата обладает одной особенностью: она прожорлива. Раньше для поддержания основных функций государства надо было, чтобы нефть стоила в пределах 16 долларов за баррель. (Хотя мы справлялись с поставленными задачами и при 12 долларах за баррель, но, конечно, 12 долларов – это балансирование на грани обвала, прогулка на канате над пропастью, и все-таки выживали). Когда к власти пришел Владимир Путин, стало ясно, что государство может жить только при цене в 20 долларов за баррель. Недавно эксперты Министерства финансов вновь все пересчитали и заложили уже 28 долларов за баррель в качестве минимального порога бескризисного существования государства.

В моих рассуждениях нет никакого злорадства или партийной пропаганды. Я стараюсь обращать внимание только на факты и причины, которыми они обусловлены. Почему дорожает государство? Потому что деградирует, потому что растут аппетиты бюрократии, потому что увеличивается число

чиновников и генералов. Эффективность принятия решений падает, поскольку никто ни за что не отвечает, растет коррупция. И понятно, что нефть все время должна дорожать, чтобы покрывать эту расхлябанность и бардак. Таким образом, путинизм – это безграничная и бесконтрольная власть бюрократии, или «суверенная демократия».

Я утверждаю, что, если бы вдруг на нефтяной бирже цена за баррель нефти упала до 12 долларов, – Россию захлестнуло бы вооруженное восстание. Разъяренные трудящиеся массы перекрыли бы все основные магистрали и смели бы в одночасье и Путина, и всех его товарищей.

А ведь рынок нефти также непредсказуем, как и поведение легкомысленной девушки. Появление нового энергосберегающего механизма или изобретение альтернативного топлива, или активное строительство атомных электростанций, или резкое сокращение потребления нефтепродуктов из-за их дороговизны – и цена на нефть упадет. Это приведет к катастрофическим последствиям для России в ее нынешнем состоянии, потому что иллюзия порядка и стабильности поддерживается в нашей стране только благодаря высоким ценам на нефть на мировом рынке.

Нефтяное проклятие очень опасно. Как это ни парадоксально, но страны, у которых много нефти, живут хуже. Яркий пример – Венесуэла. В 50-е годы XX века Венесуэла жила лучше Соединенных Штатов Америки. Потом началась национализация промышленности, которая постепенно привела к нищете. Бензин там стоит дешевле, чем минеральная вода, но основная масса людей влачит жалкое существование. Хотя, судя по добыче нефти, они должны жить лучше россиян в два с половиной раза.

Или другой пример – Египет. Нефти добывают много, бензин на внутреннем рынке стоит местные копейки, но процветающей экономику Египта назвать нельзя. То же наблюдаем и в политической сфере.

У наших соседей – Украины и Белоруссии – нефти и газа нет, но они не похожи на несчастных и слабых. Они даже навязывают России свою игру. Я был в Украине и помогал Ющенко, когда по сути это было критичным: решалось – Украина будет демократическим государством или коррумпированной диктатурой. Как бы ни ругали «оранжевую» революцию, сколько бы ни говорили о том, какой там хаос и беспорядок, ее позитивный итог очевиден. Украина – это демократия. И с этого пути, несмотря на Януковича, Тимошенко, скандалы, коррупцию и так далее, она уже не свернет. Это случилось на Майдане и было закреплено в первый год после «оранжевой» революции. Сейчас там будет сложнейший процесс хождения по ухабам,

движение по проселочной украинской дороге, но в правильном, европейском направлении. В этом смысле участвовать в ежедневном политическом процессе этой страны я не могу, потому что я не гражданин Украины, и, слава Богу, там есть люди, которые и сами могут свою судьбу определять. Помогать им в судьбоносный момент я считал правильным. Кроме того, есть мало людей, которые имели счастье участвовать в двух демократических революциях – 1991 году в России и в 2004 году в Украине.

Но две славянские страны выбрали разные направления развития. Украина – большой грузовик, который движется по колее проселочной, ухабистой дороги. Колея эта, хоть и не комфортная, но в Европу. В кузове люди, 45 млн. человек, в кабине трое – Тимошенко, Янукович и Ющенко. Они вырывают друг у друга руль, машину трясет, люди недовольны, бьют по кабине, мол, угомонитесь вы там, наконец. Но едет она в европейском направлении и это хорошо. Россия – огромный грузовик, 142 млн. чел. в кузове. Грузовик движется по гладкому льду. За рулем один человек – В.Путин. Грузовик едет ровно, без качки. Люди довольны, некоторые счастливы. По кабине никто не бьет. Водитель расслабленный, работает кондиционер, играет приятная музыка. Только люди в грузовике не знают, что лед может стать тонким и грузовик рухнет. Люди не знают, что толщина льда зависит от цены на нефть и других сырьевых ресурсов страны. Им хорошо. Вот такие две разные судьбы у наших стран.

У Белоруссии стать нормальной демократической страной гораздо больше шансов, чем у России. И, кстати, может быть гораздо больше, чем у Украины. Потому что это маленькая страна, не разделенная на запад и восток. И я не удивлюсь, если Евросоюз сначала примет в свое лоно именно Белоруссию, а потом уже Украину.

Я и в Украине, и в Белоруссии занимался исключительно российскими интересами. Есть реальная угроза – угроза лукашизации России. Лукашенко, дай ему волю, был бы популярнее Путина в России. Люди хотят видеть демагога, харизматичного, якобы народного заступника, простого колхозника, который рвет на себе рубаху за народ. Мы-то знаем, что за этим стоит – убийства, пытки, тюрьмы, цензура, обман на выборах, воровство, коррупция. Угроза лукашизации России смертельно опасна. Она существует до сих пор. У нас своих Лукашенко сколько хочешь: Рогозин, Жириновский, Зюганов в большой степени, более мелкие – Селезнев и так далее. Я считал, что борьба с Лукашенко – это необходимое условие защиты

страны от лукашизации. Кроме того, я всегда понимал, что Лукашенко относится к России как к сырьевому придатку. 10 лет объяснял властям, что от Лукашенко ничего хорошего ждать не надо, что он нас обманет и что Россия впустую тратит миллиарды, которые как будто не на что тратить в собственной стране. Удивительно, но к 10-му году болтовни о союзном договоре, братстве и так далее до них, наконец-то, дошло это. Хотя опять они оставили ему какие-то преференции. Больше, чем Лукашенко, Россию никто не обманывал

Лукашенко прилетел подписывать союзный договор. Было это, по-моему, 31 марта 1997 года. Я его встречал. Удивительная история, но он прилетел пьяным. Он меня увидел первый раз (я только две недели работал в правительстве) и обрадовался. Предложил мне поиграть в теннис. Мы поехали на улицу Косыгина, где размещены резиденции, и стали играть. Было уже поздно – начало 12-го. Где-то к третьему сету приехал Черномырдин. Лукашенко пожаловался: «Вот уже третий сет играем, а счет 6:0 в его пользу». Черномырдин спросил: «А ты какой счет хотел бы между Россией и Белоруссией?»

На той встрече мы договорились в знак российско-белорусской дружбы построить в Минске три супермаркета:

«Москва», «Питер», «Нижний». Лукашенко обещал дать земельные участки в городе. Создали комиссию. Правительственная бригада – оценщики, специалисты Госкомимущества и так далее – поехали в Минск работать. Через две недели они вернулись и сказали, что для «Москвы» дали какой-то общественный туалет, для «Питера» – разрушенное здание комбината бытового обслуживания, а для «Нижнего» – пустырь на окраине, где вообще люди не живут. Вообще история белорусско-российских отношений в последние 10 лет демонстрирует полную импотенцию нашей внешней политики. Эта слабость обусловлена изжившей себя системой принятия решений.

С политическим устройством Российского государства случились те же печальные изменения. Политическая система к 2007 году превратилась в головастика. Большая голова – это Кремль, все остальное – хвост, который не имеет никакого принципиального значения. Хвост очень тесно связан с огромной головой, но его самостоятельные действия не только невозможны, но и караются. В конце концов, головастик может отбросить этот хвост и прикрепить себе другой.

Партийное образование под названием «Единая Россия» – это динозавр, у которого тело большое, а мозг маленький. Время жизни ограничено волей одного или нескольких человек. С точки

зрения традиционной, классической демократической системы «Единая Россия» – это не партия, у нее нет ни идеологии, ни внятных лидеров, ни каких-то самостоятельных решений. Она – бессмысленный придаток исполнительной власти. Таким же хвостом головастика может стать «Справедливая Россия», которая образовалась в результате слияния «Партии жизни» с

«Партией пенсионеров» и «Родиной». Иногда это образование так и называют – «партия РоЖи» (Родина и жизнь). Хотя они выбрали для себя новое пафосное название, и «РоЖа» превратилась в «Справедливую Россию». Политические сержанты не стесняются брать на себя генеральские обязательства.

Извращение политической системы проходит под бесконечные разговоры о стабильности и сохранении государства. При этом люди, которые пытаются подчинить своей воле это большеголовое, но абсолютно безмозглое существо, достаточно искушенные и циничные. Они занимают ключевые посты, у них все в порядке с деньгами, они обладают неограниченными возможностями, и их единственная цель сейчас – сохранить неожиданно обретенное могущество. Для них стабильность и предсказуемость имеют совсем не тот смысл, какой в эти слова вкладывает рядовой россиянин. Интересы страны мало связаны с интересами этих влиятельных и уже очень богатых людей. Они будут держаться за власть из последних сил, лишь бы сохранить свое влияние и деньги максимально долго.

А вот уровень жизни рядовых россиян в среднесрочной и тем более долгосрочной перспективе, я уверен, зависит от уровня демократии в стране. Если бы сейчас в России существовала полноценная демократия, что подразумевает общественный контроль за властью, за расходованием гигантских бюджетных средств, за многомиллиардным стабилизационным фондом, за деятельностью Центрального банка и прочее, то учителя и врачи зарабатывали бы сегодня около 700–800 долларов, а лейтенанты и капитаны российской армии – 1200–1500 долларов США. И экономической стабильности при этом было бы гораздо больше. Да и жизнь вокруг протекала бы значительно ярче: в политике яркие личности, партии претендовали бы на власть, газеты пестрели бы разоблачениями зарвавшихся чиновников… Это здорово! Это и есть жизнь! Потому что стабильность в нынешнем виде, стабильность бездействия и стабильность молчания – это кладбищенский вариант.

В «Единой России» есть адекватные люди, умные и грамотные. И чем более они образованны, тем острее чувствуют, в каком комичном, унизительном положении вынуждены жить и работать. Ведь депутаты проправительственной партии ничего не

решают. Они все понимают, матерятся про себя, но всегда голосуют в парламенте так, как скажут в Кремле.

Эта демонстративная покладистость чревата большими потрясениями. Сейчас раздражение и ненависть к Кремлю у нормальных людей из «Единой России» таковы, что они отыграются на своих кукловодах в ту самую минуту, как те потеряют власть и выедут из кремлевских кабинетов. Они вспомнят все унизительные процедуры, через которые приходится проходить ради комфортной и спокойной жизни. Я уверен, что угроза для Путина и его окружения исходит не от оппозиции, угроза исходит от нынешних сторонников: они будут мстить за свое унижение.

Но члены «Единой России» сами выбрали себе эту судьбу, поэтому жалеть их не стоит: умные и способные люди превратились в рабов и трусов, хотя сами себя деликатно они называют конформистами. Я вовсе не считаю наличие большого числа конформистов трагедией. Конформизм – это определенный психологический склад человека. Наше общество построено на отношениях конформизма, потому что людям так проще жить.

«Единоросы», наверное, переживают за судьбу Родины. Некоторые действительно являются искренними сторонниками Путина и твердой политической руки. Они считают, что Россия еще не доросла до демократии, что российский народ тупой, пьяный и ленивый, что нашему Ивану доверять ничего нельзя. Такие политики уверены, что российский народ периодически необходимо приводить в чувство, иначе у России нет перспектив. Они приводят серьезные аргументы в защиту такого подхода, напоминают нам, что американской демократии около двухсот лет, европейской – еще больше. Считают, что не стоит форсировать события и умещать многовековой путь демократического развития в 15 или 20 лет. Это искренние сторонники Путина. Но искренние люди во власти сейчас составляют меньшинство. Большинство в официальной политике – конъюнктурщики, которые любым путем пытаются сделать карьеру: дипломатическую, партийную, губернаторскую и так далее.

Я никого из них не осуждаю, они – другие. Их воспитывали на иных, для меня неприемлемых принципах. Им нравится вылизывать вышестоящего начальника, ну а я не испытываю не малейшего желания это делать и тем более получать от этого удовольствие. Они никогда не станут рисковать своим положением ради правды, а для меня чистая совесть важнее хлебного места. Конформисты есть в любом обществе, в любой стране. Проблема не в них конкретно. Проблема в том, что наша

власть сознательно культивирует этот вид рабства. Именно в интеллектуальном и психологическом рабстве нашей политической элиты заключается трагедия современной России.

400 лет Россия страдала от рабства, начавшегося во времена Ивана Грозного и существовавшего при коммунистах.

У нас не было колониального рабства, потому что Россию никто не мог завоевать, но российский вид рабства закреплен на ментальном уровне, в душе. В те исторические моменты, когда людям давали возможность подышать свободно, российский народ демонстрировал чудеса. Император Александр Второй доказал, что демократия не противопоказана России. Только от одного глотка свободы – отмены крепостного права в 1861 году – страна неслыханным образом расцветала.

Что сделал российский император Александр II? Он провел половинчатую экономическую реформу, отменил крепостное право, ввел адвокатуру, независимые суды, суд присяжных, местное самоуправление, отменил цензуру. При нем армию перевели на призывной принцип комплектования, и до сих пор наша армия по этому «рецепту» существует. В результате экономически Россия очень быстро пошла в гору: превратилась в крупнейшего экспортера зерна, вошла в четверку сильнейших государств мира после Англии, Франции и США. Колоссальные перемены произошли всего за 15–20 лет.

Коммунистический переворот прервал естественный путь цивилизованного развития России. Благодаря коммунистам мы сегодня не являемся полноценным членом клуба богатых и влиятельных стран. Нас приняли в «Большую восьмерку», но с оглядкой на нашу непредсказуемость.

Тем не менее сегодня, вместо того чтобы двигаться вперед, в сторону раскрепощения людей, расширения их свободы и самореализации, мы идем назад. Народ вновь держат за рабов и идиотов.

В истории России не так уж и много было светлых и благоприятных возможностей для прорыва. В очередной раз такое просветление наступило в конце XX – в начале XXI веков. Никаких глобальных войн, явных и сильных врагов у России нет, террористы не являются столь серьезной угрозой, чтобы разрушить государство. Экономическая конъюнктура тоже потрясающая, все самые тяжелые дела (типа приватизации) сделали первый президент России и его окружение. Россию приняли в «Большую восьмерку», признали нас своими. Новый российский президент свободно говорит по-немецки и неплохо изъясняется по-английски. Рейтинг доверия к Путину высокий. Что еще нужно для серьезных реформ? Двигайся вперед, не

оглядываясь и не пятясь назад. Но для этого нужна не сильная рука, а сила воли. У Путина этого нет, и мы получили откат на уровень латиноамериканских и азиатских автократий.

Я много думал над тем, почему Владимир Путин обманул ожидания реформаторов, почему он свернул с дороги. Может быть, он притворялся адекватным и современным политиком с самого начала?

Мне кажется, что секрет заключается в ментальности этого человека.

Владимир Путин – чекист. Чекист без рефлексии, чекист на уровне инстинктов. Это люди с определенным складом характера, которые не терпят открытости, постоянно живут в режиме распознавания «свой-чужой». Они крайне недоверчивы. Это профессиональные черты и профессиональные отклонения, такие есть у каждой профессии. Журналистам, например, что-то расскажешь по секрету, они поклянутся хранить тайну вечно, а через какое-то время обязательно об этом напишут или каким-то другим образом продемонстрируют свою осведомленность. У политиков другой профессиональный вывих психики: если он понимает, что при помощи красного словца можно завоевать популярность, хотя словцо это и не надо бы поминать всуе, политик все равно не удержится. И все-таки у сотрудников спецслужб самые небезопасные характерные поведенческие стереотипы.

Почему произошла узурпация власти в России? Я уверен, что ответ лежит в психологической, а не в идеологической области. Путин и пришедшая с ним команда бывших сотрудников КГБ патологически не доверяют людям. Путин не доверял избранным губернаторам, не доверял людям без питерской прописки. Кстати, он в каком-то интервью откровенно признался, что никому не доверяет. А раз не доверяет, то концентрирует в своих руках всю власть, лишая людей прав.

Внутренние комплексы разведчика Путина обернулись для страны серьезной реставрацией отживших порядков. Ради сохранения душевного спокойствия президента свернули федеративные отношения в огромной стране, свернули местное самоуправление. Теперь будут в Москве решать, как в Корякском округе давать тепло: при помощи газа или угля?

Что касается убеждений, то нельзя сказать, что у Путина их нет. Есть. Например, абсолютный приоритет государства над человеком. Это же идеология. Вот ты, Немцов, – разрушитель государства, потому что, когда на Дубровке террористы захватили людей, ты говорил, что важно, чтобы все люди остались живы. А мы говорили, что важно, чтобы Россия

сохранилась. Что для тебя важнее: эти несчастные 129 убитых или судьба Родины?

Это система политических ценностей в голове. Они другие, чем у нас. Но у него они есть.

Он искренне считает, что победа Ющенко в Украине – это ослабление России. Искренне считает, что те, кто Ющенко поддерживал, – враги России. Когда ему говорили, что победа Ющенко – это победа демократической России, а поражение Януковича – это поражение России бюрократической и диктаторской, он этого не хотел и не мог понять. Он глубоко верит, что единственные, кто может его защитить, это бюрократы. Он сам плоть от плоти бюрократ, и они его опора. И он считает, что их нельзя обижать.

Ельцин, кстати, всегда с презрением относился к бюрократии и никогда, по сути, бюрократом не был. Был бунтарем, революционером. При этом сохранял бюрократические привычки, хорошо знал чиновную жизнь и умел пользоваться своим знанием. Тем не менее он не был чиновником. А Путин – чиновник, и трогать своих он не будет.

При этом он как бы и демократов не трогает. Он нас не боится. Он считает, что за нами нет силы, нет людей. Это первое. Если за нами будет огромная сила, миллионы людей, тогда будет бояться.

Второе: он считает, что мы, находясь на свободе, выполняем функцию ширмы для общения с Западом.

Третье: Путин не хочет быть похожим на Лукашенко, которого глубоко презирает. Личная антипатия, причем тоже «понятийная». Так барин смотрит на плебея, энциклопедист – на неуча, интеллигентный человек – на хама. Сравнение с Лукашенко для Путина является глубоко оскорбительным.

И еще есть один нюанс. Немцов может кричать на Майдане, что союз чекиста с рецидивистом – это извращение. Кремль это раздражает, но не подвигает на действия – Немцов имеет право, он политик. У него такая профессия. К тому же Немцов – оппозиционер. А вот если бы, например, вышел Фридман или Потанин и сказал бы тихим голосом: «На мой взгляд, не очень правильно вот так однозначно высказывать поддержку одному из кандидатов», то перспективой стала бы тюрьма. Поясню ход мысли. Немцов ничего не украл, у него нет миллиардов, мы ему ничего не давали, он нам ничего не должен. Он кричит, но это его профессия, что с ним делать? Бизнесмены – они все наворовались, поэтому пусть сидят тихо.

Начав политическую карьеру и активную политическую жизнь с поста президента, Путин не имел политического опыта.

Даже на региональном уровне он отвечал за международные связи. Я был губернатором и прекрасно знаю, что такое международные связи на региональном уровне, пусть и в Санкт-Петербурге. Это, по большому счету, представительские функции, не требующие принятия каких-то важных решений. Заместитель губернатора по международным делам отвечал за встречу иностранных делегаций, ездил вместе с губернатором по городам-побратимам, следил за чистотой в местах скопления иностранных туристов, их питанием и так далее.

Будучи офицером КГБ, Путин привык сообщать начальнику какую-то информацию, в том числе иногда и не совсем проверенную, но не привык принимать решения. У него была такая работа на протяжении нескольких десятилетий – информировать начальство. Теперь он сам себе начальство, информировать некого, надо принимать решения. Однако недоверие мешает ему давать поручения людям. Путин, конечно, понимает, что вопросов накапливается с каждым годом все больше, самостоятельно с каждой проблемой разобраться просто физически невозможно, но в то же время и довериться никому не может. Управляемость при этом стремится к нулю.

Вторая особенность манеры путинского управления – подозрительность к окружающему миру. Ощущение, что все вокруг враги, – последствия прошлого воспитания. Все вернулось на круги своя, и главный враг – Соединенные Штаты Америки. Конечно, Америка не друг. Лицемерная, эгоистичная и при этом демократическая страна. Но и нам не следует изображать из себя ангелов. Мы должны вести себя прагматично. У США есть собственные интересы, у нас – свои. Но наш интерес заключается еще и в том, чтобы стать демократической страной и восстановить с американцами нормальные рабочие отношения. Почти все деньги от экспорта – источник благополучия России – приходят с Запада. Все средства в нашем стабилизационном фонде – деньги Запада. Именно Запад покупает российские экспортные товары. Эти средства вовсе не из арабского мира, не из Ирана, не из Северной Кореи и даже не из Африки. Основные деньги приходят к нам с Запада. Более того, личные счета большинства российских чиновников размещены в западных банках. Исходя только из перечисленных причин, следует серьезно подумать, прежде чем обвинять Запад в заговоре против России.

Мне понятна нелюбовь нашей политической элиты к Америке и Западу. Она подогревается бездарной политикой США в Ираке, да и в отношении других стран. Однако есть одна маленькая, но существенная деталь: США никогда не воевали с Россией.

Никогда! И еще: США никогда не воевали с демократическими странами. Воевали в Северной Корее, во Вьетнаме, в Ираке, свергли Милошевича. Но ни разу не воевали с демократией. Не хотите воевать с Америкой – оставайтесь демократией, вот главный принцип. И не суверенной, а настоящей!

IX
Чеченский узел

В карьере политика периодически возникают ситуации, когда ему приходится идти наперекор движению масс или подставляться под удар. Иногда очевидные для избирателей вещи не являются однозначными, и надо найти в себе смелость, чтобы сказать людям правду или занять непопулярную позицию. Чеченский конфликт – из подобного ряда, когда вроде бы и молчать нельзя, да слова с трудом выговариваешь.

Война в Чечне не имеет ни оправдания, ни счастливого финала. Я выступал против войны в Чечне и в 1996 году, и в 1999-м. В Чечне воевало более 20 тысяч солдат из Нижегородской области. Группа наших земляков попала в засаду на площади Минутка во время первого штурма Грозного. Похороны превратились в гигантскую антипрезидентскую манифестацию – сто тысяч человек вышли на улицы Нижнего Новгорода.

Чеченская война стала и одним из наших расхождений с Анатолием Чубайсом. Мы серьезно дискутировали по этому поводу. Мы спорили почти сутки без перерыва. Чубайс настаивал на том, что в Чечне возрождается российская армия. Но надо побывать там, чтобы делать такие оптимистические выводы. Я несколько раз ездил в Чечню – и во время первой кампании, и после начала второй. Ужасное зрелище. Беспробудное пьянство на всех блок-постах, проститутки, обслуживающие военных за 300 рублей, сплошная коррупция с продажей топлива, торговля самодельным бензином, который производился там же на незаконных заводиках. Я все это видел. Это производило впечатление полной безнадеги. Очевидно для меня стало и то, что в умах, в головах военных и людей, прошедших через войну на Северном Кавказе, Чечня уже давно – суверенная территория.

В Чечне я был много раз – в 1999-м, 2000-м, 2001-м, 2002-м. Дело в том, что там воевало много моих знакомых и друзей из Нижнего Новгорода. Когда Путин дал указание выбить Басаева из Дагестана, я это поддержал. Но когда начались массовые зачистки в самой Чечне, когда массовые исчезновения людей сопровождались сжиганием домов и стало ясно, что кровная месть никогда не закончится, я выступил против.

Для огромного числа россиян Чечня превратилась в ненавистную территорию, но практически суверенную. К 2000 году отношения между Москвой и Грозным достигли критической точки. Затем несколько лет российская армия и милиция

восстанавливали там признаки российской государственности. И что теперь? Нет Масхадова, нет Басаева, а ситуация принципиально не изменилась. Кстати, говорят, Басаев погиб от бомбы, начиненной гвоздями. Специалисты ФСБ подобных бомб никогда не делали. В этой связи версия о том, что Басаев погиб в результате внутренних разборок, не кажется фантастической. Однако официальная пропаганда это скрывает.

Внешне в Чечне восстановлен конституционный порядок. Но Рамзан Кадыров – разве это порядок, которого желает большинство россиян? Рамзан участвовал в джихаде против России вместе со своим отцом, потом спустился с гор и за конкретные привилегии временно сотрудничает с Путиным. Кадыров имеет право с оружием заходить в московские кафе и рестораны, бесконтрольно тратить бюджетные деньги и содержать гвардию, которая выполняет исключительно его приказы. Таков российский конституционный порядок? У Кадырова есть фантастическая возможность шантажировать Путина. Он может в любой момент уйти в горы. Почему? В Чечне все держится не на законе и Конституции, там все завязано на одном человеке. Случись что с Кадыровым, и кровавое месиво начнется заново.

Я в новый чеченский порядок не верю и вообще не считаю, что там восстановлен порядок. Там никто не соблюдает российских законов, а значит, это не Россия. Чечня – территория, которой «по понятиям» управляет человек, временно лояльный к Кремлю. И никак иначе определить сложившееся там положение вещей нельзя.

Если у них там порядок и война закончена, то почему же там постоянно происходят взрывы: то в Чечне, то в Дагестане, то в Ингушетии, то в Карачаево-Черкесии, то в Кабардино-Балкарии? Если там наладили мирную жизнь и война закончена, то зачем регулярно объявлять амнистию? Постоянно появляются сообщения о камерах пыток, заказных убийствах от имени чеченской власти. Непонятные и демонстративные рейды чеченских спецслужб то в Питер, то в Кондопогу – это порядок? Стрельба на улицах Москвы, убийство одними представителями чеченских спецслужб руководителя другого спецотряда – это мирный процесс?

Нет там никакого порядка и мира. В Чечне – война.

На массовые теракты, которые в конце 1990-х захлестнули Россию, нужно было как-то отвечать. Но доказано, что история международного терроризма всегда заканчивалась каким-то политическим процессом. Например, президент Франции Де Голль, которого трудно обвинить в слабости, дал свободу Алжиру. Испанские сепаратисты баски получили очень большую

автономию. Ирландцы получили серьезную автономию и представительство в парламенте. Сделала это, кстати, Маргарет Тэтчер. К политическим решениям готовы сильные лидеры, слабые – никогда. Де Голль и Тэтчер были очень сильными людьми.

Конечно, Хасавюрт в 1996 году, а главное то, что последовало за ним, можно назвать только абсурдом. Подписание хасавюртовских соглашений с чеченскими сепаратистами нельзя считать политическим решением проблемы. Политическое решение – это совсем другое. Политическое решение подразумевает, что обе стороны берут на себя взаимные обязательства. Есть не только обязательства у России не вмешиваться в компетенцию Чечни, но и руководство Чечни обязуется выполнять российскую Конституцию. Авторство хасавюртовских соглашений принадлежит вовсе не генералу Лебедю. Александр Лебедь как секретарь Совета безопасности взял на себя функцию первоначальных тяжелых и опасных переговоров с Масхадовым, но непосредственно текст соглашений писали Лукин и Рогозин. Бывший лидер партии «Родина» очень не любит обсуждать эту тему, хотя факты – вещь упрямая.

За этими соглашениями последовали полное безволие и невозможность решать серьезные вопросы. Я в то время уже работал в правительстве. Я не отвечал за Чечню, я отвечал за российскую энергетику. Единственный вопрос, который нам удалось решить с Масхадовым, и решить конструктивно – это вопрос о транзите нефти на чеченском участке.

Нефть воровали из нефтепровода Баку-Новороссийск все кому не лень. Помимо воровства людей, воровство нефти и производство из нее дешевого бензина стали для полевых командиров главными источниками дохода. Мы решили эту проблему достаточно быстро и радикально: за полтора месяца проложили трубу в обход Чечни. Как только построили новую трубу – чеченцы перестали воровать нефть.

Масхадов распорядился создать специальные отряды по охране трубопровода. Мы платили за транзит, воровство нефти прекратилось. Это, пожалуй, единственный случай нормального сотрудничества с независимым чеченским правительством.

С чеченцами непросто иметь дело. Была мысль вернуться к проекту генерала Ермолова, который покорял Северный Кавказ в XIX веке. Он считал, что необходимо отделить горную Чечню от равнинной. Эксперты в разгар боевых действий серьезно прорабатывали этот вариант. Они предлагали объявить горную часть Чечни мятежной территорией и контролировать по периметру, как сектор Газа в Палестине. Разрабатывали варианты

инкорпорации чеченской элиты, в том числе и сепаратистской, в российскую жизнь. Этим тоже генерал Ермолов занимался в XIX веке. С одной стороны, он жестоко карал мятежные села, с другой – поощрял тех, кто хотел жить мирно.

С нынешним президентом Чечни Рамзаном Кадыровым я познакомился в довольно нервной обстановке. Его покойный отец Ахмад Кадыров пригласил меня приехать на съезд чеченского народа. Съезд проходил в Гудермесе. Декабрь 2002 года. Активная фаза второй чеченской войны закончилась, масштабных войсковых операций армия уже не проводила, но ситуация в республике оставалась более чем напряженной.

На съезде обсуждалась Конституция Чечни. Как принято у чеченцев, в зале сидели старейшины, деятели науки и культуры. Все радовались и чествовали собственно Ахмада Кадырова, поздравляя его с тем, что Конституция, а в ней предусматривалась президентская форма правления, – это именно то, что нужно чеченскому народу, и что она гарантирует мир и стабильность в республике. Из Москвы на съезд прилетел только я как руководитель СПС и парламентской фракции.

Покойный Ахмад Кадыров пригласил меня в президиум и дал слово. Я сразу предупредил, что буду выступать с не очень популярных позиций. Сразу же по залу пошел угрожающий гул, хотя я еще толком ничего не успел сказать. Было понятно, что съезд четко срежиссирован. Все должны были поддержать кадыровскую Конституцию и его как президента. Суть моего выступления сводилась к тому, что в традициях чеченского народа – коллективная система управления. В Чечне никогда не было президента. Моя мысль сводилась к тому, что, следуя чеченским традициям, нужно исключить пост президента и сформировать парламент, а потом правительство, имея в виду некий компромисс между различными группами, в том числе и сепаратистами.

В зале поднялся шум, гвалт. Ахмад Кадыров всех, к его чести, тут же успокоил, сказав примерно следующее: «Что вы на него кричите? Мы ведь чеченцы. И гостя должны принимать с присущим нам гостеприимством, а не устраивать такое». Но в зале нашлись люди, которые меня поддержали. Например, Беслан Гантамиров, бывший мэр Грозного.

Когда я вышел из зала, ко мне подошел человек с белесыми глазами и сказал, что за такие речи меня надо убить. Я спросил: «Кто вы?» Он достал и предъявил мне удостоверение то ли подполковника ФСБ, то ли полковника. Это был Рамзан Кадыров. Не могу сказать, что я сильно испугался, потому что тут же чеченцы, которые были вокруг, стали говорить, что Рамзан

пошутил. Но в его глазах я никакой шутки не заметил. В его глазах я увидел ненависть.

Мы вышли на улицу в окружении многочисленной охраны. Подошел Ахмад Кадыров. Он держался спокойно, не спорил, не возражал, только сказал, что уважает меня за смелость, но чеченская ситуация сейчас такова, что должно быть чрезвычайное управление, а без президента это невозможно сделать. Как раз почти за месяц до съезда – 23 октября 2002 года – в центре Москвы отряд террористов-смертников захватил в заложники более девятисот зрителей и артистов мюзикла «Норд-Ост». Жертвами теракта стали 129 человек, пострадали более 700 человек. Покончить с террором может только сильная власть, а для этого необходимы специальные полномочия. Довольно распространенная точка зрения. Потом он дал мне гигантскую охрану, узнав, что его сын там натворил. И с этой охраной мы уехали в Ингушетию.

Уверен, если бы Ахмад-хаджи меня тогда послушал, он был бы жив. Потому что, без сомнения, его убили как президента. Система, которая сейчас установлена в Чечне, держится на одном человеке. Рамзан пользуется огромной поддержкой населения, поскольку население считает, что благодаря ему восстановлен мир в Чечне. Но одновременно ничего общего с российскими правилами и порядками ситуация в Чечне не имеет. Хотя это еще полбеды. На самом деле идея суверенитета Чечни Рамзаном уже выполнена, цель достигнута. В этом смысле мечта Дудаева и Масхадова сбылась.

На Северном Кавказе нет простых решений. Конечно, необходимо воссоздавать местное самоуправление, которое, кстати, у них было всегда. Надо привлекать к сотрудничеству глав тейпов, лидеров сел. Создать что-то типа парламента, где были бы представители от каждого села. Надо активно использовать национальные традиции. Но при этом ставить условие: высокая степень самостоятельности в обмен на соблюдение российской Конституции. Мы обещаем никого не трогать до тех пор, пока вы не встанете на путь войны, не начнете брать русских, дагестанцев, осетин в заложники и так далее. В противном случае – война без конца и огненная земля под ногами.

Я запомнил теракт на Дубровке, захват театрального центра в Москве на всю жизнь. Помню все не по дням, а по часам. Дубровка – это очень тяжелый для меня личный момент.

Террористы захватили театр именно в тот день, когда президент Лукашенко депортировал меня и Ирину Хакамаду из Белоруссии. Мы вернулись в Москву, и буквально через полчаса

все началось. Мы приехали с Хакамадой к театральному центру рано утром 24 октября. Первая мысль, которая приходила в голову, – пытаться договориться с террористами на предмет освобождения детей, женщин и стариков. Мы готовы были предоставить любые личные гарантии – все что угодно, лишь бы спасти людей.

Но что я увидел? Абсолютное нежелание со стороны силовиков и власти разговаривать с террористами. Сначала я подумал, что причина такого идиотского поведения – традиционный российский бардак. Потом понял, что таково было политическое указание.

За несколько часов до штурма мне позвонил руководитель администрации президента Александр Волошин и попросил телефон Абу Бакара, руководителя боевиков, захвативших Дубровку. С ним, по согласованию с ФСБ, я вел переговоры по телефону. Я его спрашивал:

– Чего вы хотите?

– Чтобы русские ушли из Чечни.

– Но это сейчас невыполнимо. Давайте по-другому. Например, чтобы в Чечне никто не страдал и за каждый мирный день в Чечне вы будете выпускать по 20 человек – детей, женщин, стариков.

Я подумал, что за те дни, когда в Чечне не будут проводиться зачистки, необоснованные аресты, прочий ужас военных действий, боевики выпустят всех детей и женщин. Все это мы с Абу Бакаром обсуждали по телефону. Кстати, этот вариант я согласовал и с Кремлем, поскольку считал тогда и считаю до сих пор, что в подобных ситуациях не может идти никакого разговора о политических разногласиях и спорах. В подобных ситуациях действует единоначалие, где главный человек – президент страны.

Кремль дал «добро». И действительно, один день в Чечне прошел мирно и спокойно. Боевики выпустили несколько человек. Их выводил из здания Иосиф Кобзон. Это было в пятницу.

Но затем еще раз перезвонил Волошин и попросил меня дать телефон Абу Бакара Казанцеву, представителю президента в Южном федеральном округе.

– Зачем? – спросил я.

– Он сегодня ночью должен начать переговоры с ними.

Я передал телефон Казанцеву, который находился в Ростове и собирался оттуда что-то обсуждать с боевиками… За несколько часов до штурма я еще раз позвонил Абу Бакару и сказал, что с ним свяжется Казанцев и будет напрямую вести переговоры. Он

ответил: мол, нормально. Но переговоров не было.

Казанцев на тот момент работал представителем президента в Южном федеральном округе. Он сидел в Ростове и ни черта не понимал в сложившейся в Москве обстановке. Теперь-то мне ясно, почему его хотели назначить главным переговорщиком. Это называется «операция прикрытия». Силовики не хотели никаких переговоров, они готовились к штурму.

Был один момент, который лично для меня до сих пор очень неприятен.

На переговоры с террористами ходили Хакамада, Кобзон и детский доктор Рошаль. Но два человека, с которыми боевики хотели говорить, не пошли. Не пошли Лужков и Немцов.

Лужков, как мэр города, в первый же день согласился идти на переговоры. Но не пошел. Не пошел в театральный центр и я. Почему? Это была личная, убедительная просьба Путина к нам обоим – не ходить. Путин сказал примерно следующее: «Я вас очень прошу, не ходите. В этот трагический момент я отвечаю за страну, и я прошу вас меня слушать». И это правильно, в тот момент мы обязаны были его слушать. Кобзон, точно зная, почему я и его друг Лужков не пошли на переговоры, все-таки обзывал меня трусом. Но на артистов грех обижаться.

Через несколько дней после завершения операции мне объяснили скрытый смысл путинской просьбы. Объяснил не Путин, объяснил руководитель его администрации Волошин. Проблема заключалась в популярности. «Ты представляешь, какая у тебя была бы популярность? А Лужков вообще превратился бы в стопроцентного кандидата на президентское кресло», – просто сказал Волошин. Я мог представить все что угодно, но чтобы Путин в момент, когда в центре Москвы взяты заложники, думал о чужих рейтингах и популярности – никогда.

Но позже Владимир Владимирович даже позвонил и поблагодарил за помощь и за понимание.

Там был еще и трагичный и одновременно комичный момент. На рассвете в субботу «Альфа» штурмом взяла здание. А я продолжал звонить Абу Бакару. Телефон на прием работал, но почему-то никто не отвечал. А я толком не знал, что там реально происходит, к тому же ночью прошло сообщение, что Абу Бакар мог убежать. Я звонил, звонил и звонил. Наконец на третьем часу трубку снял … Патрушев.

– Боря, что ты все трезвонишь? – устало спросил директор ФСБ.

– Так вы же сами говорили, что он мог убежать…

– Да мы его первым убрали.

Это был единственный случай в моей жизни, когда я

участвовал в операции вместе со спецслужбами. Они мне позвонили и спросили, не возражаю ли я, если ФСБ будет прослушивать мой телефон. И все наши разговоры с Абу Бакаром прослушивали и записывали. Им, наверное, очень важно было понимать его состояние и так далее.

Но я до сих пор не знаю, правильно ли я тогда поступил. С одной стороны, надо было идти на переговоры, чтобы меня не заподозрили в трусости. С другой, я понимаю, что не слушать президента в ситуации чрезвычайного положения, когда все на грани, недостойно и не по-государственному.

Однако дальше произошла еще одна трагическая и подлая история, связанная с Дубровкой и российской политикой. Мы хотели создать парламентскую комиссию по расследованию терактов. Но создать ее в Государственной думе так и не смогли. Депутаты выступили против этого предложения. Более того, даже наши товарищи из «Яблока» не поддержали законопроект о создании такой комиссии. Что двигало этими людьми – мне трудно сказать, но все благополучно под различными благовидными предлогами провалили решение о парламентском расследовании теракта на Дубровке.

Фракция «Союза правых сил» создала собственную комиссию, куда вошли депутаты от нашей партии. В комиссию приходили и рассказывали о случившемся представители спецназа, МЧС, Института медицины катастроф, очевидцы, журналисты. Мы провели довольно большую работу. Собрали огромное количество видеоматериалов, судмедэкспертиз. Люди, особенно врачи, охотно шли на сотрудничество. Оказалось, что 129 человек погибли не от газа, а от анорексии, то есть задохнулись. Почему задохнулись? Потому что этих людей спасали неправильно: потерпевших клали на спину, и у них западали языки. В Уголовном кодексе это обозначено как «преступная халатность, которая повлекла за собой смерть людей».

С выводами комиссии я пошел к Путину и сказал, что надо наказать тех, кто все это допустил. Он после некоторого раздумья ответил, что погибших вернуть все равно нельзя. Я сказал, что мы делаем это во имя тех, кто еще жив, чтобы в следующий раз учли все ошибки и точно знали, как необходимо действовать. Но Путин не согласился. Не захотел тревожить людей, боялся возможных скандалов. Это ужасно! Потому что потом случился Беслан, где погибло еще больше людей.

В Америке после трагедии 11 сентября 2001 года не случилось ни одного теракта. Почему? Потому что они создали комиссию, которая перепотрошила ФБР, ЦРУ, Агентство национальной безопасности, аэронавигацию, поставила на уши

все нью-йоркские службы. После этого в США сделали глобальные выводы. Американцы не умнее нас, но они выясняют, кто прав, а кто виноват, наказывают виновных и поощряют героев. Поэтому люди в Америке живут без террора. А в России никто никаких выводов не делает. Посмертно дают звания Героев России либо секретными указами делают героями.

Как вооруженные до зубов террористы добрались до Москвы, как им удалось подойти к Кремлю на расстояние всего нескольких километров? Никто так это и не выяснил. Никто за это не ответил.

Каждый год 1 сентября, отправляя детей в школу, я напрягаюсь и боюсь услышать новость об очередной трагедии. Также напрягаются и миллионы россиян, которые не чувствуют себя в безопасности и не верят, что их сможет защитить нашего государство.

И все-таки возвратимся к событиям на Дубровке. Наша комиссия пришла к выводу, что «Альфа» во время штурма сработала профессионально. Они очень точно стреляли, не убили ни одного мирного человека. Все сделали буквально за минуту. К ним нет претензий. А вот к организации спасения заложников – есть. Об этих претензиях говорят общественные организации, в которые вошли родственники погибших, но их никто не слушает. Страна и власть не извлекают ровным счетом никаких уроков из собственной трагедии, из потерянных жизней. После Дубровки я был крайне разочарован в Путине. Не просто в его политике, а в его личности. В столь трагический для страны момент этот человек постоянно мыслил в режиме борьбы за рейтинг: вырастет – не вырастет, упадет его личный рейтинг или поднимется. Этого я никогда не пойму.

X
Уязвимость репутации

Вопрос о чужих кошельках, виллах, машинах, любовницах с бриллиантами является одним из самих увлекательных, интересных и захватывающих. С распадом советской системы неожиданно открылись финансовые шлюзы, большое количество людей смыл бурный поток роскоши и безбашенного удовольствия. Еще огромная часть народонаселения осталась на берегу и с любопытством (часто – с ненавистью) наблюдает за странными проявлениями людской слабости и порочности. С политиков спрос особый, поскольку у них постоянно возникает конфликт между публичной жизнью, общественной моралью и соблазнами окружающей действительности. Моя история – не исключение.

Я родился в довольно бедной семье: отец – строитель, мама – врач. Более того, вырос, по классификации психологов, в неполной семье. Отец рано ушел от нас, мне тогда едва исполнилось четыре года. Моя мама одна воспитывала меня и мою старшую сестру Юлю. Сестра старше меня на шесть лет и всегда выступала образцом для подражания. Юля была настолько правильной и ответственной, что в результате стала христианским проповедником. А я вот не стал.

Мама работала в поликлинике врачом-педиатром, в советские времена (да и сейчас) врачам платили мало, их не считали основой советского общества. По крайней мере, тех врачей, которые ежедневно вкалывали в обычных поликлиниках. Мы жили бедно. Например, мороженое мне покупали только после лечения зубов. До семи лет мы жили в Сочи. По особым случаям ходили на пляж Ривьера, где, отстояв огромную очередь (в «совке» всегда за всем выстраивались очереди), покупали кофе с молоком и пончик – зажаренный на прогорклом масле и посыпанный сахарной пудрой кусок теста. Одежду мама всю жизнь покупала мне на вырост, ботинки – на один-два размера больше.

Потом мы переехали в Нижний Новгород, город Горький по советской топонимике. Мама получила двухкомнатную квартиру размером в 26 квадратных метров. Комнаты в этой «хрущевке», естественно, были проходными, но нас тут много умещалось. Моя сестра вышла замуж, ее муж переселился к нам, затем у них родился сын. В итоге в двух миниатюрных комнатах разместились пять человек. Потом я женился, родилась Жанна… Семь человек

на пятачке. Но я спокойно переносил этот бытовой ужас. Стабильная, гарантированная бедность – типичная жизнь значительной части советских людей.

Правда, начиная примерно с тринадцати лет я самостоятельно зарабатывал деньги. По ночам разгружал продукты в молочном магазине, который находился напротив нашего дома. Были и более криминальные способы пополнения бюджета. Летом по ночам мы залезали в чужие огороды, собирали там клубнику, а потом за бесценок продавали ее на рынке. Из этого заработка половину я отдавал матери, половину оставлял себе.

Уже в университете я занимался репетиторством: давал уроки по физике, математике и английскому языку. Это был очень доходный бизнес – пять рублей в час, деньги по тем временам баснословные. Это позволяло мне нормально жить. Кроме того, в стройотрядах летом мы иногда зарабатывали до 1000 рублей в месяц. Это вообще огромные деньги, учитывая, что автомобиль марки «Волга» стоил пять с половиной тысяч советских рублей.

Я вкалывал! Студентом зарабатывал, как советский профессор. Тем не менее у меня не было ни машины, ни собственной квартиры. И ощущение, что я из этой нищеты все-таки когда-нибудь вырвусь, пришло только на старших курсах. И все-таки репетиторство сразу по трем предметам приносило мне основной доход все время, пока я занимался наукой, то есть до 1990 года. А в 1990-м меня избрали депутатом Верховного Совета России.

В российском парламенте мне сразу бросилась в глаза интересная деталь поведения избранников народа. Парламент представлял почти весь политический и общественный спектр того времени: огромная фракция классических коммунистов, чуть меньше – фракция коммунистов, которые за демократию, отдельная фракция – «Демократическая Россия», еще какие-то националистические группы. По каждому вопросу, по каждому законопроекту – бурные споры, скандалы, доходившие до мордобоя. Единственный вопрос, по которому было полное единодушие, это вопрос о предоставлении московского жилья. В едином порыве коммунисты, демократы, националисты голосовали за то, чтобы немедленно для несчастных депутатов построить дом. Это меня так взбесило, что я отказался получать квартиру в Москве.

Через какое-то время я стал губернатором. У нас с матерью была двухкомнатная квартира, но за мной как за губернатором закрепили государственную дачу. В принципе, поверить, что

губернатор ведущей индустриальной губернии живет в двухкомнатной квартире, очень сложно. Тем более что был принят закон о губернаторе в Нижегородской области, согласно которому губернатор имел право за счет областного бюджета купить квартиру. Не скрою, в моей семье проходили довольно жесткие дискуссии насчет этой проблемы, но квартируя не взял. Жена хотела меня удушить, сестра как христианский проповедник ее поддержала, а мама просто тихо вздыхала. Иногда к нам в гости заезжали известные люди: Чубайс, Гайдар, Михалков… Шок – это самое мягкое определение того, что испытывали эти гости. Почему я пошел на принцип?

Конечно, мне хотелось новую квартиру. Я мечтал о новой квартире – светлой и просторной. Но понимал, что, увидев мою слабость, вертикаль сработает мгновенно: чиновники по всей иерархии вплоть до сельского старосты тоже возьмут себе по квартире, быстро примут аналогичные законы или постановления на всех уровнях властной лестницы. Эта бесчисленная армия чиновников и бюрократов незаметно и стремительно растащила бы бюджетные средства по личным карманам. Поддавшись искушению, я лишился бы и морального, и юридического права возразить своим подчиненным.

Кстати, через пару лет после этого в Нижегородской области завели уголовные дела по поводу захвата квартир налоговыми инспекторами. Я с чистой совестью говорил: «Сажайте, они украли наши с вами деньги». Никто не мог бросить в меня камень, хотя многие говорили, что это популизм. Губернаторы других областей смотрели на меня, как на умалишенного или провокатора и не верили, что все чисто. Назначенный Путиным губернатор Шанцев как-то в шутку признался, что все еще надеется найти хоть маленький свечной заводик, принадлежащий Немцову. Но ничего нет.

Я – далеко не святой, нет. И даже могу сказать, что останавливало меня, человека, который любит комфорт.

Первое. Не хотел, чтобы репутация пострадала из-за такого банального повода, как приобретение жилья.

Второе. Я не хотел, чтобы по всей вертикали люди занялись растаскиванием жилого фонда и, как следствие, воровством общественных денег. Я собирался на посту губернатора добиться серьезных изменений в Нижнем Новгороде. Мы строили глобальные планы, и я боялся ими рисковать.

Третье. Я считал покупку квартиры в личное пользование за бюджетные деньги несправедливым. Губернатор, как и обычный школьный учитель, живет за бюджетные деньги, а квартира почему-то полагается только губернатору. Разве это справедливо?

У губернатора и так достаточно привилегий.

И, наконец, четвертое и самое главное, что грело душу: вера в справедливость и успех. Я не сомневался, что если удастся сохранить хорошую, неподмоченную репутацию, то рано или поздно все придет: и достаток, и комфорт. Репутация в политике – это все, она нарабатывается годами, а исчезает за несколько минут позора.

В 1997 году президент Ельцин предложил мне стать первым вице-премьером. Я приехал в Москву и поселился на даче в Архангельском. Постоянного собственного жилья не предвиделось, и чувствовал я себя в Москве, как в долгосрочном командировке. Правда, милиционеры регистрацию на входе в Белый дом не спрашивали.

Борис Николаевич несколько раз интересовался моими бытовыми условиями и социальным статусом. Он настаивал, что вице-премьер не может быть бомжом. Своим указом президент выделил мне квартиру по адресу: Садово-Кудринская улица, дом 19. В доме к тому моменту уже поселились А.Починок, С.Ястржембский, А.Чилингаров, О.Сысоев, Н.Дементьева и прочие влиятельные особы, поскольку принадлежал он Управлению делами Администрации президента. Мне досталась не просто квартира, а суперквартира – шикарная, 180 квадратных метров. Правда, пользовался этим богатством не очень долго, поскольку оставил квартиру жене Рае и дочери Жанне. Но это детали.

С московской пропиской произошла еще более фантастическая история. Ельцин примерно через месяц после моего назначения в правительство поинтересовался, прописался ли я. Удивительно, но моими бытовыми вопросами действительно занимался президент России. Только представьте на секундочку уровень внимания президента к своему ближайшему окружению. Например, Борис Николаевич поручил своей дочери подыскать школу для Жанны, и Татьяна Дьяченко действительно помогла найти школу: № 20 на Патриарших прудах.

Ельцин интересовался буквально каждой мелочью в моей жизни. Семья президента решала все, вплоть до того, в какую парикмахерскую мне ходить. Что ж, я приехал в Москву в 37 лет – ни коня, ни воза.

И все-таки о прописке. Ельцин как-то мне говорит: «Понимаете, пока вы не прописаны, у вас нет страховки, ребенок не может ходить в поликлинику, жена – тоже, милиционеры проверят документы – еще из города выдворят, в обезьянник посадят. Это жизнь, поэтому прописаться обязательно надо».

Я написал письмо Лужкову с просьбой предоставить

московскую прописку. Ответа от Юрия Михайловича нет месяц, два, три… Самому звонить мэру и просить как-то неловко. Прошло полгода – прописки нет. Я молчу, поскольку считаю вопрос мелким, а унижаться по мелочам не хочется.

По какому-то вопросу прихожу на доклад к президенту. Поговорили, все нормально – пьем чай, разговариваем за жизнь. Вдруг он спрашивает: «Вас прописали?» Я отвечаю: «Нет». Он сразу: «Да это беспредел! Что за страна, где первый вице-премьер – бомж!» Тут же при мне снимает трубку и просит соединить с Лужковым.

Буквально через несколько секунд – такое ощущение возникло, будто тот сидел и ждал звонка от Ельцина, – прозвучал текст, который я никогда не забуду: «Юрий Михайлович, мелковато вы себя ведете». Сказав это, Ельцин, ничего не объясняя, положил трубку. Я – в шоке: «Борис Николаевич, что вы ему сказали, он же ничего не понял». Ельцин: «Все он понял! Идите!» Я встал и ушел. Утром следующего дня в девять часов утра на моем рабочем столе лежало распоряжение мэра Москвы Лужкова о прописке гражданина Немцова в российской столице.

Я позвонил Ельцину, поблагодарил его, но не удержался и спросил: «А почему вы решили, Борис Николаевич, что Лужков все понял, объясните мне». Ельцин: «Ну, прописка же есть? Есть. Вот смотрите, звонит вам президент России и говорит: „Мелковато вы, господин Немцов, себя ведете“. Вы, естественно, в шоке. Что делать? Пытаетесь узнать, что происходит, кто накаркал. Как? Правильно, узнаете, кто у Ельцина сидит в данный момент. Лужков позвонил в приемную и узнал, что у Ельцина сейчас находится Немцов, – это же не государственная тайна. И тут же догадался, в чем дело». Вот она – высокая школа партийного и хозяйственного руководителя.

Так что за то, что я перестал быть бомжом, спасибо Борису Николаевичу.

От недвижимости перейдем к наличности.

Мне несколько раз в жизни предлагали взятки. Наиболее весомое предложение продать государственные интересы – один миллион долларов наличными за приватизацию нефтеперерабатывающего предприятия – мне сделали в Нижнем Новгороде.

Несмотря на небольшой по меркам Москвы доход – самая большая зарплата у меня в качестве первого вице-премьера была около полутора тысяч долларов, – мне удавалось от взяток отказываться. И все-таки когда чиновники высокого ранга жалуются на низкую зарплату, не стоит им верить. Кроме чистого жалования, они получают массу различных благ бесплатно. Я

находился на полном государственном обеспечении. Например, отдыхал, жил в резиденции «Бочаров ручей», где сейчас живет Путин, абсолютно бесплатно. Я бесплатно летал на самолетах, мне давали бесплатную машину, и за государственную дачу я также ничего не платил. Все эти расходы составляют огромные суммы. Продукты в Белом доме стоили копейки. Хотя, честно говоря, не только цены были советскими, но и продукты были такими же советскими. Почему наши чиновники такие опухшие? Они едят советскую пищу и много пьют. И с тех пор ничего не изменилось.

Что удерживало меня от взяток? Честно скажу: страх разоблачения. У меня возникали всякие мысли при виде огромных денег. Представьте только: на столе лежит чемодан, набитый пачками стодолларовых купюр. Я понимал, что за такие деньги можно решить множество личных проблем. Но также отдавал себе отчет в том, что и жизнь изменится, возникнут неразрешимые конфликты.

Страх разоблачения связан был еще и с тем, что существовала свободная пресса, что в политике каждый день сталкивалось большое количество интересов. Кроме того, мое личное поведение в отношении Ельцина не всегда было лояльным. Например, я выступал категорически против войны в Чечне, чем нажил себе врагов внутри спецслужб. Они ждали любого момента, чтобы нанести ответный удар.

И второе: взятки – это серьезные репутационные риски. Любопытно, но рынок взяток, с одной стороны, очень закрытый, а с другой – на нем все обо всех знают. Серьезные люди знают, кто берет взятки, хотя часто ошибаются в цифрах. Уже работая в бизнесе, я узнал расценки, видел своеобразные прайс-листы с размерами взяток для ФСБ, МЧС, чиновников московской мэрии и т. д. Но что меня поразило и что я считаю предельно важным: в Москве мне никто (даже олигархи) денег не предлагал. Попытки подкупа были, но не с помощью наличности. Например, Рэм Иванович Вяхирев в должности председателя правления «Газпрома» в качестве взятки предлагал мне квартиру, очень хорошую квартиру на улице Наметкина. Она сейчас стоит миллиона четыре долларов. Я отказался от заманчивого предложения, а чуть позже понял, почему Вяхирев настойчиво хотел обеспечить меня жильем.

В 1997 году правительство решило проверить «Газпром» и разорвать один трастовый договор. Согласно этому воровскому контракту, Вяхирев хотел купить 38 % акций крупнейшей в мире компании за 6 (!!!) миллионов долларов. Сейчас они стоят 100 миллиардов долларов. Я сказал, что это грабеж России.

Девять месяцев мы воевали, но договор разорвали. «Газпром» вернули государству. И квартира на улице Наметкина стала не единственной моей утратой в отместку за такую несговорчивость, меня еще сняли с должности министра топлива и энергетики.

После отставки из правительства я разговаривал с некоторыми нашими олигархами. Они признались, что как-то само собой после нескольких случаев стало известно, что Немцов не берет взятки. Значит, нечего и предлагать.

И все-таки высшая справедливость существует, и Бог все видит. После провала на парламентских выборах 2003 года вдруг выяснилось, что большое количество людей готовы помочь мне материально – либо просто дать денег, любо предложить работу, где бы я мог сам зарабатывать. От денег я отказывался, поскольку это унизительно, решил идти и зарабатывать самостоятельно, чем, собственно, всегда занимался до своей политической карьеры.

Я понял, что репутация конвертируется в денежные знаки. Причем это стало возможным после того, как возникла капиталистическая Россия. Олигархи, которые вчера пили водку и кормили определенных чиновников, возили их семьи на курорты и чемоданами носили деньги, потом, после отставки, на работу их не брали. «Он же жулик, – говорили они. – Да, когда он был при власти, его ублажали, приглашали на пикники и прочее. Но работать у нас он никогда не будет, потому что если он воровал у государства, то захочет воровать и у нас». Простой, но верный совет: если хочешь заработать, то, будучи чиновником, внимательно следи за своей репутацией.

И еще. Кто берет взятки? Больше всего берут малозаметные, не засвеченные в прессе люди примерно предпенсионного возраста. Они берут деньги уже не для себя, а для своих детей и внуков. Люди молодые, начинающие и амбициозные все-таки надеются, что работа в госаппарате – только лишь первая ступенька в карьере. В таком случае лучше не мараться, а беречь честь смолоду…

Вторая категория взяточников – люди без возраста, но максимально лояльные, готовые служить любому правительству и проводить любые идеи. Они берут взятки, потому что уверены, что это плата за их лояльность. Те же, кто все время выскакивает, кричит и не соглашается, с очень высокой степенью вероятности окажутся честными людьми.

Самый простой и надежный способ личного обогащения для чиновника – это взять деньги наличными. Другой способ – соучастие в предприятии, негласное, для контролирующих органов едва заметное. Можно еще после выхода в отставку

получить в качестве подарка кусочек нефтяной вышки. Но в таком случае степень доверия к потенциальным дарителям должна быть очень высокой. Необходимо подписывать бумаги и верить, что бизнесмены-просители тебя не кинут, а подарят через несколько лет часть своего доходного бизнеса.

Распространен способ подкупа через благоустройство окружающего чиновника пространства, что означает трудоустройство на хорошую должность в коммерческое предприятие его жены и ближайших родственников.

Разработано множество способов получить и дать взятку. В России нет закона о конфликте интересов. Например, работая чиновником, вы помогаете бизнесу, в котором задействованы ваши родственники или близкие люди. Это катастрофа с точки зрения чистоты политической репутации, но поразительным образом в России это происходит сплошь и рядом. Лужков – мэр, а его жена поставляет кресла стадиону «Лужники», получая государственный заказ, в данном случае московский. Или получает земельные участки под строительство. Что это? Это грандиозного уровня скандальные истории. Все это понимают, но ничего менять не хотят, поскольку сами в разной степени погрязли в скандальных историях.

В конце 90-х годов мною был разработан закон о противодействии коррупции. Каждый чиновник и депутат должен был, согласно этому закону, заполнять декларацию о конфликте интересов. Ничего страшного, что у тебя есть бизнес. Сейчас капитализм, и деньги можно зарабатывать любым легальным способом, но, переходя на работу в государственные структуры, ты должен взять на себя обязательство и поклясться под страхом уголовного преследования, что, работая на госдолжности, не будешь помогать своему бизнесу. В противном случае действия такого чиновника будут расценены как мошенничество. Закон не приняли до сих пор. Кстати, в первом чтении за него проголосовали около четырехсот депутатов, включая коммуниста Шандыбина, который кричал, что Немцов – негодяй, но закон необходимо принимать, потому что он правильный. Второго чтения этого закона так и не было.

Что ведет к гигантским деньгам, которые прилипают к рукам слуг народа?

Главная причина коррупции – усиление роли государства в экономике. Сильное государство – звучит красиво, но это всегда приводит к росту коррупции. Усиление роли государства в экономике, с одной стороны, снижает конкурентоспособность страны, поскольку чиновник эффективно управлять не может. С другой стороны, государственный капитализм ведет к

гигантскому воровству: в легализованном виде – через зарплаты членов совета директоров государственных и окологосударственных монополий, либо, в криминальном варианте – через «откаты» и разные формы взяток за госзаказы.

К гигантскому потоку денег в коррупционный сектор ведет закрытость власти. Если чиновник знает, что можно надавить на средства массовой информации, отмахнуться от депутатов парламента, то будет воротить свои темные делишки спокойно и с размахом.

И, наконец, питательная среда коррупции – монополии. Монополии не могут жить без раздачи денег. Любая монополия склонна к подкупу власти, потому что безграничное владение чем-то превращается в наркотический дурман, и ради сохранения этого монопольного положения люди готовы рассовывать деньги по определенным нужным карманам, чтобы никто на безграничную власть не посягнул. Поэтому когда Путин всячески укреплял монополию, в частности – компанию «Газпром», он генерировал воровство.

Развратила ли меня Москва, испортила ли московская политика? В принципе, власть – это таз с нечистотами, от которого исходит неистребимое зловоние. В этот таз помещают людей. Одни в нем очень быстро растворяются и становятся частью этой зловонной массы, а другие в силу каких-то генетических или иных особенностей существуют в политике, барахтаются в тазу с нечистотами, им вся эта суета и подлость неприятны, но внутрь, в души этих политиков зловоние не проникает. Впрочем, если очень долго во власти находиться, то все равно когда-то растворишься. Поэтому и нужно периодически проветривать помещение, выкидывать людей из власти на улицу. Два срока для президента – достаточно, два срока для губернатора – тоже достаточно. Поруководил два срока – освободи место, подыши свежим воздухом, подумай о вечном, иначе сгниешь заживо и другим жизнь испортишь.

Власть – агрессивное вещество, всепроникающее и разрушающее. Но есть много людей со стойким иммунитетом, так что не надо всех политиков грести под одну гребенку. Убежден, что Гайдар – честный человек, он будучи премьером ничего не крал, Андрей Илларионов ничего не брал, Чубайс – честный человек.

Чубайс погорел на так называемом «деле писателей». А в чем, собственно, было дело? В том, что они получили гонорар за книгу в размере 90 тысяч долларов. Только задумайтесь: Чубайс отвечал за приватизацию в стране, где речь шла о миллиардах долларов, а погорел на 90 тысячах! Если бы у человека были миллионы, он бы

стал рисковать из-за одной книжки? Причем он жил открыто, имел персональный банковский счет в «Мостбанке», принадлежавшем Гусинскому. В момент, когда Гусинскому правительство не позволило прихватить кусок государственной собственности, на пару с Березовским они и раздули «писательский скандал».

Сейчас, когда Путин укрепляет монополии, усиливает государственное присутствие в компаниях, установил везде цензуру, потоки денег в бюрократию резко выросли.

Как-то в конце 2006 года я разговаривал с продавцом недвижимости на Рублевском шоссе. Спрашиваю: сколько стоит сотка земли? Оказывается, от 60 до 100 тысяч долларов. Это же беспредел, таких цен просто не может быть, да и кто все это покупает!.. Ну, живет на «Рублевке» Путин, жил Ходорковский – посадили. Сейчас живет Касьянов. Кто там сейчас остался – олигархи?

«Нет, – ответил риэлтер, – олигархи не живут. Покупают абсолютно неприметные, серые люди, как правило, с питерской родословной, работники ФСБ, милиции, железной дороги, некоторые менеджеры „Газпрома“.

Всем понятно, что они тратят не свои деньги. Вновь призванным во власть чиновникам все равно, сколько платить. Для них деньги не являются мерилом успеха. Для них это криминально нажитое богатство, которое надо быстрее материализовать, чтобы никто не отобрал. И именно они взвинтили цены, потому что денег не считают.

Разговариваю с милиционером, который работает в Одинцовском районе. Обсуждаем уровень преступности в районе.

– Участились случаи грабежей, – грустно сообщает милиционер.

– Кого грабят? – спрашиваю.

– В основном чиновников, бюрократов и работников госучреждений, которые построили себе за десятки миллионов долларов дома на «Рублевке». Часто из сейфов пропадают деньги – от миллиона до нескольких миллионов долларов. И при этом ни одного обращения в милицию.

– Странно, почему именно их грабят?

– У бизнесменов не воруют, а если и случается, то у них есть собственная служба безопасности, они могут обратиться с заявлением в милицию, требовать наказания и расследования. Бизнесмен легко может объяснить происхождение украденных денег, справки принести из банка или договор какой-нибудь. Поэтому бандиты выясняют адреса чиновников и грабят именно их – знают, что чиновники никуда не пойдут по той простой

причине, что происхождение денег объяснить не смогут, – обрисовал ситуацию утомленный сотрудник МВД, работающий в районе, перенаселенном нелегальными миллионерами.

Надо иметь в виду, что портрет коррупционера – это портрет неизвестного. Это такие Молчалины, «серые воротнички», тихие люди. Они очень лояльны к любому режиму и боятся только одного – политических изменений. Они боятся прихода к власти оппозиции, потому что тогда все истории всплывут наружу и станет очень плохо. Поэтому они с такой истерикой и остервенелостью борются за преемственность коррупционного курса.

Возвращаясь к некоторым тенденциям сегодняшнего дня, надо отметить, что негласное правило при Путине следующее: лояльность компенсирует все. Если ты лоялен к власти – можешь воровать, если нет – то лучше оставаться кристально честным. Например, дело с дачей Михаила Касьянова. Уверен, что никакого дела не было бы вовсе, сохрани Касьянов лояльность к Путину и согласись, как ему предлагали, возглавить Совет безопасности. Он отказался, стал говорить, что Путин повел страну неправильным путем, и теперь будет отвечать за покупку государственной дачи.

Другая история о богатом человеке. Роман Аркадьевич Абрамович продал государству нефтяную компанию «Сибнефть» за 13 миллиардов долларов. Цену получил отличную. Купил несколько неплохих яхт размером около 100 метров, несколько самолетов, включая Боинг и А-320, английский футбольный клуб и еще чего-то по мелочи. Роман Аркадьевич Абрамович при этом пользуется удивительной поддержкой властей. А такой же олигарх, но с фамилией Ходорковский, сидит в Читинской области и шьет варежки.

Эти истории – ясная иллюстрация лозунга, что лояльность компенсирует все, а противодействие власти вызывает серьезные проблемы. Это правила, которые генерируют воровство.

Воровали в России всегда, в том числе и при нас. Но сейчас воруют в два раза больше. И эта цифра доказана многочисленными исследованиями. Ельцинское время в этом смысле было кошмарным: передел собственности, приватизация, умирание социализма и появление дикого капитализма… При Путине нет передела государственной собственности в масштабах всей страны, а воруют в два раза больше. В три раза увеличен дорожный фонд, а дорог в России как не было, так и нет. «Дорожные деньги» тихо разворовали. Хотели сделать скоростную магистраль от Москвы до Санкт-Петербурга – сотни миллионов долларов растворились. Но скандал не случился, потому что

разворовали лояльные к власти люди. А разве можно против лояльных что-нибудь сказать? Нет. Это и есть образцовое «басманное правосудие», это и есть управляемая демократия или «суверенная демократия» по классификации кремлевских аналитиков.

И при нас были воры и жулики. Кто-то из них поплатился жизнью, например, губернатор Тульской области Севрюгин. Но об этом знали люди, потому что так или иначе все скандальные истории просачивались в прессу. Власть старалась реагировать. А сейчас все скрыто.

Что касается депутатского корпуса, то сейчас все решения принимаются в Кремле. Кремль подкармливает депутатов. То есть коррупция носит централизованный, хорошо организованный характер. Депутаты, их помощники и вообще все в этой структуре получают дополнительные доплаты. Они не живут за счет официальных бюджетных ставок.

Когда мы были в Госдуме, то хотя бы стремились создать парламент с представителями оппозиции, с партией власти, с разными лоббистскими группами и борьбой между ними. Например, депутатам «Союза правых сил» доплачивали из партийных денег. Платили за телефон, за машину, оплачивали командировочные. Некоторые иногородние депутаты получали ссуды на аренду жилья и прочее. Членам фракции категорически запрещалось брать деньги вне партийных расходов. Это считалось внутрипартийной коррупцией.

Как на нас воздействовали лоббисты? Во фракции ввели правило: никто из спонсоров не может приватизировать СПС, никто не может давать больше 5 % бюджета партии, то есть СПС не может стать партией одной группы. Это позволяло нам сохранять независимость. Мы выступали за определенные базовые ценности, за которые люди нас поддерживали. Например, СПС выступал за снижение налогов, за дебюрократизацию, за отмену цензуры, за политическую конкуренцию. Это базовые принципы, которые выгодны любому бизнесу. Были моменты, когда партийные спонсоры возмущались нашей позицией. Например, мы голосовали за рост налогов на нефтяную отрасль. Мы считали, что доходы в этой отрасли огромные и абсолютно не зависят от производительности труда и инвестиций. Из-за этого у

СПС возник тогда серьезный конфликт со спонсорами, но мы свою позицию считали правильной и смогли аргументированно ее отстоять. Позже нефтяные гиганты признали правильность подхода СПС.

У нас были случаи, когда некоторые депутаты брали деньги на стороне. Я знаю три подобных случая за четыре года работы

фракции в парламенте. По каждой ситуации мы проводили специальные разбирательства. Не хочу называть имена депутатов, но с каждым из них я лично провел очень неприятную беседу, а потом поговорил еще и со спонсорами, которые давали деньги.

В принципе, мы членам нашей фракции платили нормальные средства, которых было достаточно для нормальной жизни. Депутаты ни в чем не чувствовали себя ущемленными. Совокупный доход депутата в то время составлял 3–4 тысячи долларов. Это большие деньги для нищей России. Но все равно это не уберегло фракцию от трех ужасных, по нашим меркам, скандалов. И к их виновникам у меня сохранилось презрительное отношение до сих пор.

А как они были выявлены? Идет заседание фракции, обсуждается, допустим, закон о банкротстве. Какой-то депутат лезет из кожи вон в пользу конкретной структуры, предлагая внести поправку и представить ее как позицию фракции. Мы ему объясняем, что такая поправка ведет к нарушению конкуренции, нельзя создавать привилегии для отдельно взятой группы, поскольку это противоречит нашим принципам. Это значит, что мы данное предложение не поддержим. Он, тем не менее, продолжает настаивать на своем. Фракция голосует, депутат остается в меньшинстве, но продолжает подговаривать коллег, чтобы они проголосовали за его предложение как за позицию партии. Понятно, что ситуация подозрительная, и понятно, что приходилось проводить внутреннее расследование, когда все становилось очевидным. Дело в том, что грубые лоббистские ходы, как, скажем, снизить таможенные пошлины или повысить тарифы, видны невооруженным глазом. СПС с подобными фактами вела борьбу, в других фракциях это вообще не считали проблемой.

Кстати, Георгий Сатаров проводил исследование «Коррупционные склонности разных политических сил». Наименее коррупционными по этому исследованию признали партии «Яблоко» и СПС. Эксперты следили за голосованием в парламенте, и если голосование проходило в пользу какого-то лоббиста, то его записывали в разряд коррупционных, анализировали обычные голосования, которые народ вообще не замечает. Наиболее коррупционными партиями, согласно исследованиям фонда ИНДЕМ, являлись ЛДПР, КПРФ и «Единая Россия». Когда опубликовали результаты, разразился грандиозный скандал – шумели, спорили, возмущались.

СПС подготовил проект закона о лоббизме. Мы хотели его принять и легализовать, потому что лоббизм есть везде и закрывать глаза на это явление глупо. Как работают лоббисты?

Раньше они ходили по депутатским фракциям и договаривались. Поскольку наша фракция была не столь значительной, то для лоббистов она представляла интерес в первую очередь с точки зрения подготовки депутатских запросов или оглашения результатов каких-то депутатских расследований. Тут, конечно, равных нам не было. Мы старались пристально следить за работой государственных органов, нас здесь и уговаривать не надо было. Когда речь шла о голосовании и не хватало каких-то голосов, то тоже вспоминали о небольших фракциях.

Что касается партии власти, то у них все вопросы решал Кремль. Правда, я не знаю, как они сейчас там разбираются – с деньгами или без денег депутаты правильно голосуют. Но факт, что голосуют правильно – у них одно мнение на всех.

Коммунисты же абсолютно беспринципны, они могли голосовать за все что угодно. Так же ведут себя, впрочем, и депутаты ЛДПР.

Политиков развращают и подкупают не только при помощи денег. Вариантов подкупа множество. Например, есть компания или предприятие с мощными позициями в определенном регионе России. Какой-то влиятельный депутат Государственной думы стремится расширить свое влияние и закрепиться в том же регионе. Стороны заключают своеобразную сделку: ты лоббируешь наши интересы в парламенте, а мы обеспечиваем тебе поддержку местного телеканала, газеты и еще кого-нибудь. Или, допустим, бизнесмены, владеющие гигантскими торговыми сетями, предлагают дружбу в обмен на размещение партийной или иной рекламы в этих магазинах. Это уже не деньги, а отношения.

Как спастись от развращения, как защитить себя от подкупа и позора? Рецепт один: все должно быть максимально честно и открыто. И в этой связи вопрос о подарках тоже не праздный. В конце концов, взятку легко можно закамуфлировать под «подарок от чистого сердца». Потом не отмоешься и не отделаешься от навязчивого дарителя.

Как, например, я праздновал и праздную собственные дни рождения? Всем друзьям, кого приглашаю на торжественную пьянку, сразу говорю, что мне купить. Не отвожу глаз и не кокетничаю: «Подарок уже в том, что ты придешь». Я уверен, что проявлять в день рождения ложный стыд – глупость, ведь все равно подарки будут, и каждому человеку хочется, чтобы они были полезны. Чубайс, ничего не понимая в виндсерфинге, сделал на мой последний день рождения очень правильный подарок – гидрокостюм. Я ему подсказал, где находятся магазины со снаряжением для виндсерфингистов. В результате и я доволен,

и он.

Нельзя напрягать людей и заказывать звезду с неба. Нельзя малообеспеченного человека просить о костюме от дорогого дизайнера. Коллега по СПС Артур Мяки дарит мне носки. У нас такой договор. Иван Федоткин приносит трусы. Смешно, тепло, удобно и всем приятно. Ирина Хакамада, у которой отменный вкус, в том числе и в отношении всяких мужских штучек, дарит правильные одеколоны. Совсем продвинутые люди, как, например, Олег Сысуев, интересуются, какая должна быть фирма, в каких магазинах лучше покупать. Второй вопрос, правда, ставит меня в тупик, потому что я не люблю ходить по магазинам и картой московского гламура не владею.

Крупные компании мне дарили коньяк, который по возрасту совпадал с моим. Это хороший подарок, я храню дома несколько бутылок. В то же время мне не дарили часы «Картье», не дарили квартиры и машины. Подарок не должен напоминать взятку, он не может быть чрезмерным.

Многие годы Республикой Дагестан руководил Магомед-али Магомедович Магомедов. В бытность мою первым вице-премьером правительства он пришел ко мне с кинжалом. Магомед-али всю жизнь провел на ответственной партийной и хозяйственной работе и виртуозно владел искусством подношения подарков высоким начальникам. Лица начальников в московских кабинетах менялись, а у него текст оставался неизменным, он выучил его наизусть.

Приходит уважаемый Магомед-али, открывает коробку с кинжалом, и я вижу, что кинжал инкрустирован драгоценными камнями. Я не очень хорошо в них разбираюсь, но понимаю, что камни не простые. «Уважаемый Магомед-али Магомедович, – говорю я гостю. – Вы ведь пришли за деньгами для Дагестана, народа Дагестана. Республика у Вас дотационная и живет сложно. Может, лучше будет для всех, если вы продадите этот кинжал и половину вопросов решите сами, без чьей-либо помощи?» «Ну что вы, это же от чистого сердца», – невозмутимо отвечает президент северокавказской республики и еще минут десять красиво и убедительно говорит. Трудно отказаться от подарков таких аксакалов. Поэтому в правительстве у нас была специальная комната хранения, которую организовал Черномырдин. В этом хранилище мы все подобные подношения и складывали.

На заре своей политической деятельности я сам попал впросак. Только-только стал губернатором Нижегородской области, и тут в правительстве решается вопрос подъема уровня воды в Чебоксарском водохранилище. Вопрос для Нижнего Новгорода судьбоносный. Если бы воду подняли, то затопило бы

всю индустриальную часть Нижнего Новгорода, что привело бы к катастрофе.

Чувашская республика во главе с Николаем Федоровым выступала категорически «за» этот проект, поскольку увеличивалась выработка электроэнергии, повышались налоги, зарплаты и прочее. Мы – «против».

В Москве собрали специальное совещание у Гайдара. Намечалась настоящая битва. Перед поездкой в Москву мой заместитель Иван Скляров предлагает: «Слушай, Батька (он меня звал Батькой, хотя старше меня), так просто эти дела не делаются. Надо подготовиться к совещанию. Мы же на

Волге живем, надо бы икорки с собой прихватить, да и Хохлома у нас неплохая, Городецкая роспись отличная. Водочки возьмем литров двадцать. Да и поедем на двух машинах, чтобы перегруза не было».

Он человек опытный, партийно-советской закалки. В общем, загрузились и поехали в столицу. Идем на совещание, «сани» с дарами оставили во дворе. Гайдар тогда блестяще провел совещание, вопрос рассмотрели за каких-то полтора часа. Ситуация разрешилась благополучно для нас. После совещания я подхожу к Гайдару и говорю: «Спасибо вам огромное. Мы с моим заместителем привезли вам от нижегородцев, арзамасцев (а у Гайдара дедушка из Арзамаса, там и школы, и больницы имени Гайдара) небольшой подарок».

Гайдар, как интеллигентный человек, тоже благодарит и уходит. Мы со Скляровым возвращаемся в машину, забираем баулы с икрой, водкой и хохломской росписью и заносим все это в приемную премьер-министра. И вдруг… Банки разлетаются из сумок, катятся по кабинету и, как в калейдоскопе, – «икра черная», «икра осетровая»… Помощник Гайдара смотрит на все это выпученными глазами и спрашивает: «Что это?» На шум выходит Гайдар, хватается за голову: «Убирайте все и идите к чертовой матери! Быстро!» Скляров начинает его уговаривать, премьер его с этими уговорами просто на х… послал… Я не могу передать, как мне было стыдно!

Возвращаемся в Нижний с этой водкой, и я говорю Склярову: «Иван Петрович, ты меня опозорил. Он же из интеллигентной семьи, образованный, да и из другого поколения, а ты со своей совковой тупостью». А он мне: «Да ты сам идиот, разве ж так это делают? Надо было отвезти все Гайдару домой и отдать жене».

Кстати, потом он каждый раз в поездки в Москву брал с собой всякие продукты и никогда с ними не возвращался, все сдавал кому-то в столице. И меня все учил: «Вы, молодые, – дураки. Ну что тут такого, ведь все хотят есть. А икорка разве плохо? К тому

же от чистого сердца». Но я больше никогда не унижался и с подарками к начальникам не ходил.

Впрочем, благодарить и носить подарки в России – это традиция. Нарушать традиции нельзя. Надо понимать, что есть взятки злокачественные, а есть традиционные. Вашему родственнику успешно сделали операцию – вы принесли врачу подарок в благодарность за помощь. Для Америки это взятка, для нас – нормальное естественное поведение. Или, допустим, ученик хорошо учился в школе, потом поступил в университет. Родители, благодарные за то, что учитель хорошо подготовил их сына, приносят ему дорогой подарок Тоже типичная для России ситуация. Законодательство должно быть максимально приспособлено к обычаям. Благодарность врачам, учителям или дарение спиртных напитков не является злоупотреблением, это соответствует российским обычаям. Хотя закон о коррупции и лоббизме по отношению к чиновникам и политикам должен быть максимально строг, иначе наши хлебосольные традиции быстро извратят и раздуют до невообразимых масштабов. Я всю жизнь исходил из того, что миром правит здравый смысл. Человек должен быть свободен, а чиновник – действовать по принципу «живи и дай жить другим». Раскрепостить народ, дать ему возможность себя реализовать – это здравый смысл.

Есть несколько составляющих счастья – свобода, здоровье, материальное благополучие. Если ты хочешь быть счастливым, то должен думать о первом, втором и третьем. Я исхожу из следующего принципа: надо тратить деньги на близких и на себя, просто не хочу превращать жизнь в зарабатывание денег. Я зарабатываю деньги, чтобы жить, а многие мои товарищи-бизнесмены живут, чтобы зарабатывать деньги. Вот в чем разница! Я только недавно понял, в чем проблема бизнесменов, в том числе и очень богатых. Они – охотники. Охотник выходит и видит 10 кабанов. Ему обязательно надо положить всех десятерых. А сколько ты съешь? Даже со всеми своими близкими и родственниками ты не проглотишь и полкабана, зачем же всех валить? Но охотники не могут остановиться, у них срабатывает азарт.

Зарабатывание денег без оглядки на жизнь вызвано таким же животным инстинктом. Бизнесмены не могут остановиться. Для них деньги перестали быть мерилом благополучия или фактором независимости. Это борьба со скукой в особом виде. Но именно благодаря одержимости предпринимателей создаются рабочие места, появляются новые технологии, Россия демонстрирует экономический рост. Эти люди делают полезное дело. Они готовы сутками сидеть на работе, рисковать ради успешного бизнеса

здоровьем, свободой. Они вызывают уважение.

У меня к деньгам другое отношение. Я не бедный и не собираюсь устраивать аттракцион нищеты. Более того, ненавижу людей, которые это делают. Только клоуны типа Жириновского, в деревню въезжают на «Запорожце», хотя сзади едет 600-й «Мерседес» с охраной и прислугой. Однако посвятить жизнь обогащению – значит стать рабом денег и распрощаться со свободой.

Уйдя из политики, я занялся инвестициями, покупал и продавал акции российских компаний. Я не покупал ЮКОС, но купил акции «Газпрома». Купил по одной простой причине: «Газпром» снабжает газом половину Европы,

Россию и страны бывшего СССР. Эта компания просто не могла стоить 2 миллиарда долларов. А стоила в 1998 году. (Напомню, при ее стоимости в 2 миллиарда долларов Вяхирев хотел купить 38 процентов акций всего за шесть миллионов долларов, – за столько, за сколько сегодня не купишь коттедж на Рублевке). Я считал «Газпром» самой крупной компанией в мире, которая обязательно будет расти в цене. Оказался прав и выиграл.

Акции ЮКОСа я не покупал. В России, да и не только в России, совмещать очень крупный бизнес и политику – рискованное дело. В Америке совсем иная ситуация, поэтому Сорос, выступая против Буша и его команды, особо не рискует. Но Америка – страна с гигантскими демократическими традициями, в России же попытка бояр захватить царскую власть всегда заканчивалась одним: снесением боярских голов. Неизменно рано или поздно, но наступало «утро стрелецкой казни»: либо сажали, как Ходорковского, либо переходили к масштабной гражданской войне. Поэтому когда я узнал, что Михаил Борисович решил заняться общественно-политической деятельностью, сделал ряд выводов. И главный мой вывод: я вдруг понял, что бизнес Ходорковского уже не интересует. Он парень толковый, многого добился, и постепенно ему все надоело, борьба со скукой началась на политическом фронте. Для меня это означало, что покупать акции ЮКОСа бессмысленно. Кстати, мне предлагали поиграть с акциями компании на бирже, потому что акции то падали в цене, то росли, спекулянты делали на этом очень большие деньги. Но я для себя посчитал это неправильным: зарабатывать на чужом горе – история не очень приличная.

Я не купил акции «Роснефти», поскольку считаю, что эта компания ворованная, захватившая «Юганскнефтегаз», а покупать краденное имущество означает соучастие в преступлении. И вообще, я уверен, что если ты единожды совершил что-то непристойное, то рано или поздно это тебе аукнется. Закон

сохранения: один раз ты что-то украл, во второй раз обязательно обворуют тебя. Конечно, у каждого своя планка непристойности. Для меня покупать акции «Роснефти» – непристойно, играть на несчастье ЮКОСа – неприлично, а некоторые считают, что непристойно покупать «Газпром». Как по мне, так «Газпром» – национальное достояние. Путин пришел и ушел, а «Газпром» остался. И почему, собственно, не стать соучастником большого дела?..

Впрочем, можно, конечно, говорить о всеобщем благе, но это для площадей и для риторики. В первую очередь необходимо думать о своих близких, о людях, которым ты можешь и обязан помочь. Я выплачиваю 150 стипендий детям из Нижнего Новгорода. Плачу стипендию учителям в школе, которую сам закончил. Есть учителя, которые учили меня и до сих пор продолжают учить ребят. Например, учитель географии Вера Николаевна Чиркова. Этим людям надо помогать. Приятно делать людям добро, а помогать тем, кто когда-то поддерживал и растил тебя, – особенно.

В свое время я предлагал Путину, а до этого и Ельцину, стать попечителями школ, которые они заканчивали. Ведь большие деятели заканчивали самые обычные школы, в стране полтора миллиона чиновников, а школ – всего 69 тысяч. Получается, что на каждую школу приходится 20 чиновников. А ведь есть еще бизнесмены – 12 миллионов по стране. То есть на каждую школу приходится по 300–400 человек. Пусть возьмут шефство над школами, в которых учились. Это и будет «дума о Родине», настоящий патриотизм.

Впрочем, свои мозги другому не вставишь. Как-то случайно я встретил одного очень крупного менеджера, который напомнил, как я рьяно боролся с трастовым договором по «Газпрому» и не позволил Вяхиреву выкупить за бесценок 38 процентов акций.

– Ты совершил большую глупость. Ведь если бы тогда Вяхирев купил «Газпром», то и Путина не было бы. Не было бы этого чекистского беспредела, и тот же Ходорковский не сидел бы в тюрьме. Ты гордишься тем, что спас Россию от грабежа, но, на мой взгляд, тебе нечем гордиться, – зло отчитал меня этот человек. Есть и такая, только на первый взгляд парадоксальная, позиция.

А вообще три монстра, на которых до сих пор в России держится «совок»: «Газпром», РАО ЕЭС и Российские железные дороги. Три монополиста, которые тормозят развитие всей страны. Превратившись в чиновно-бюрократическое и чекистское хозяйство, они выполняют объективно деструктивную функцию: продлевают жизнь совковой системы. И те, кто больше всего

печется о монополиях, громче всех кричит о любви к Родине, часто – циничные и продажные лгуны. Вот Затулин, Жириновский орут: давайте Крым отвоюем, отберем его у Украины. Что ж кричать, садитесь на танк – и вперед. Только сами садитесь, а не ребят молодых посылайте. Не надо толкать в огонь простых людей, деревенских пацанов, которые служат в армии.

XI
Формула счастья

Личная жизнь политического деятеля тесно переплетена с общественной моралью и общественными стандартами поведения. Политик в глазах многих – образец благовоспитанного гражданина, которому не позволено то, чем может заниматься обычный человек. И тот политик, который не принимает этого правила, рано или поздно попадет в неприятную скандальную историю. Хотя, с другой стороны, я лично ненавижу лицемеров и лгунов, которые на публике ведут себя совершенно иначе, чем в узком кругу.

В Америке принят закон о сексуальном домогательстве. Согласно этому закону, даже если вы оказали внимание девушке: открыли перед ней дверь, приобняли ее, чтобы пропустить вперед, – вы можете пострадать. Я едва не попал под раздачу из-за этого дурацкого стереотипа.

Как-то читал лекции об экономике и политике России в Гарвардском университете. Студентов собралось очень много, поскольку лекции касались экономических и политических аспектов российско-американских и российско-европейских отношений. После каждой лекции возникало множество вопросов. Чтобы не мешать другим занятиям, я шел в преподавательскую комнату и уже там общался индивидуально.

Так вот: приходят студентки с какими-то вопросами, а я прошу их закрыть дверь, потому что в коридоре, как в любом университете, шумно. Девушки от моей просьбы впали в оцепенение. Я спрашиваю: «Почему вы такие настороженные? Что случилось?» Они говорят: «По закону о сексуальном домогательстве преподаватель не может просить студента закрывать дверь, чтобы они не оставались один на один». Тут уже я едва не впал в оцепенение.

При этом в Америке так же, как и в России, есть любовники и любовницы, все это скрывается, прикрывается христианской моралью и так далее. Россия, к счастью, не такая ханжеская и лицемерная страна. Она ближе к Франции в вопросах отношений между мужчинами и женщинами. У знаменитого французского президента Франсуа Миттерана было много жен и детей. Когда президент умер, на похороны пришли все дети – и законные, и рожденные вне брака. Страна любила Миттерана, все о нем зная. Относилась к нему и к его личной жизни терпимо.

Когда произошел скандал в США с Моникой Левински и

президентом Клинтоном, очень многие девушки говорили, что они мечтают о подобном скандале с президентом Ельциным. «Мы бы только гордились тем, что он, такой сильный мужчина, осчастливил кого-то». Наши девушки рассуждали об этом не с юмором, а на полном серьезе.

И все-таки есть ли предел у лицемерия и ханжества в общественной жизни и в политике? Однажды мы дискутировали с членом Синода Русской православной церкви, архиепископом Белгородским Иоанном. О чем шла речь? Россия вымирает. Население сокращается на 800 тысяч в год, и если бы не иммиграция, то население страны составляло бы уже не 140 миллионов, а 120. Причина удручающей демографической обстановки кроется в здоровье нации.

Первое: мужчин меньше, чем женщин. Соотношение примерно 46 % на 54 %. Второе: качественный состав мужчин стремится к катастрофическому. Выясняется, что среди мужчин 10 % алкоголиков, 30 % импотентов, до 10 % представителей сексуальных меньшинств. Таким образом, дееспособных мужиков остается всего около 50 %. Надо помнить и о том, что продолжительность жизни мужчин в России очень маленькая – всего 59 лет. Это позор для России. В Европе нет ни одной страны с таким показателем.

Итак, половина мужчин должна осчастливить 54 % женщин. Исходя из арифметики, чтобы женщины чувствовали себя более-менее комфортно, один нормальный мужик должен встречаться с двумя – тремя женщинами. Я задал архиепископу конкретный вопрос: «Что делать в этой ситуации? Ведь если оставить все так, как есть, мы окажемся на пороге китайского, индийского или африканского нашествия».

Ответ русского священника меня поразил: «Надо жить, соблюдая христианские заповеди, жить согласно традициям России». И при этом спокойно смотреть, как страна меняет цвет кожи и разрез глаз? Если так, то через 50 лет носителями русской культуры будут люди с темным цветом кожи и другим разрезом глаз.

Второй вариант: лояльно относиться к внебрачным связям и внебрачным детям, защищать детей и матерей и не создавать вокруг них атмосферы нетерпимости.

Самый радикальный вариант – закон о многоженстве. Закон не должен регулировать сексуальную составляющую отношений, он должен материально защищать детей и матерей. Однако общество абсолютно не готово к принятию такого закона, так что перспектива китайско-африканского смешивания абсолютно реальна.

Демографические проекты нынешней власти ничего не решат. Выделяют по 2 50 тысяч рублей за рождение второго ребенка для, скажем, покупки жилья. Что такое в 2007 году 250 тысяч рублей? Это 9 тысяч долларов, или 3 (!) – три – квадратных метра жилья в Москве и 10 (!) в Нижнем Новгороде. Это не решит проблему.

То, что предложил и активно продвигает Путин, еще и опасно. Дело в том, что первыми на благородную идею о ежемесячной доплате на ребенка в размере 3 тысяч рублей откликнулись пьяницы и люмпенизированная часть общества. Для них это огромные деньги. Откликнулись на новое пособие и в мусульманских районах России, где и безо всяких доплат рожают много. Так что, несмотря на внешнюю привлекательность предложений властей, такие попытки решить демографическую проблему ведут к алкоголизации и исламизации России. В Дагестане, Татарстане, Чечне и Ингушетии рождаемость превышает смертность. А вот в русских регионах, например, в Москве, ничего не изменится. Ничего не произойдет и в Питере, и в Нижнем Новгороде, и в Рязани, потому что за эти деньги никакую существенную проблему человек не решит. Серьезные, вдумчивые люди, которые планируют свою жизнь и судьбу, не считают 250 тысяч рублей серьезным стимулом.

В результате, вместо того, чтобы строить Россию для бодрых и трезвых, мы строим Россию пьяных и ленивых. Тут еще один парадокс российской жизни: Россия – страна пьющая, а Ельцину никак не могли простить того, что он пил. Вывод: все-таки руководители, лидеры страны должны быть трезвыми, бодрыми и подтянутыми. С политика особый спрос. Это касается и внешнего вида. Политик не должен быть больным, немощным и слабым.

Я был женат три раза. С точки зрения выстраивания политического имиджа это неправильно, но сердцу и телу не прикажешь. Я очень люблю всех своих детей и хорошо отношусь ко всем своим женам. Все дети, которые от меня родились, родились в любви. Все мои дети, слава Богу, здоровы. Я уверен, что судьба ребенка в основном зависит и определяется в момент зачатия. 30 % – это воспитание, среда, школа, а остальное – момент зачатия.

К моей личной жизни люди относятся по-разному. Мужчины в целом спокойно, в глаза никто не осуждает за то, что у меня дети от разных женщин. Когда «Комсомольская правда» опубликовала статью о моих женах и детях, мне позвонил один генерал ФСБ, имя по понятным причинам я назвать не могу, и признался: «Я 20 лет скрывал от своей жены, что у меня есть сын вне брака. Прочитав в „Комсомолке“ про тебя, решил, что хватит

обманывать, нужно сказать правду».

Потом очень крупный и известный бизнесмен сказал: «Боря, наверное, это было тяжело, но ты все-таки поступил правильно. Сколько можно врать, обманывать и издеваться над своими близкими. В конце концов, что такого мы сделали криминального, что не просто дали жизнь человеку, но еще и помогаем ему».

Очень важно не то, что у тебя есть внебрачные дети, а как ты к ним относишься: несешь ли ты ответственность за то, чтобы они росли здоровыми, жили в нормальных условиях, нормально учились и отдыхали. Если твоя миссия закончилась в момент зачатия, то ты – негодяй. Если ты ответственный человек и обеспечиваешь своего ребенка, то ничего страшного нет в том, что ребенок внебрачный. Конечно, не хватает времени для общения, а отсутствие общения для ребенка – это удар.

Я и сам рос без отца. Это тяжело, но не катастрофично. Как мне кажется, живет отец в семье или где-то в другом месте – это не судьбоносная проблема. Хотя, не исключаю, что если бы у меня самого был отец, я бы к этому по-другому относился.

Мать я любил больше. И считал крайне несправедливым, что моя мама, выдающийся врач, влачит жалкое существование в Нижнем Новгороде, а мой отец, которого я выдающимся не считал, живет в Москве на Малой Бронной и ездит на персональной машине. Я задолго до перестройки этот вопрос задавал и матери, и отцу. Мать говорила: «Я никогда не состояла в партии и никогда не кричала „браво“ и „ура „начальству“. А отец отвечал: «Твоя мать не знала, когда вовремя нужно поднимать руку“. Я даже думаю, что в этой житейской несправедливости кроются глубинные мотивы моего антикоммунизма. Да, мой антикоммунизм не был вызван событиями перестройки и гласности 1990-х годов. Я считал абсолютно несправедливым то, что мой отец-коммунист живет хорошо, а моя мать, которая не глупее и даже умнее его, плохо.

Но вернемся к теме личной жизни российского политика. Убежден: личная жизнь не является определяющим или крайне важным фактором для политической карьеры в России.

С первой женой Раисой мы прожили 18 лет, самых сложных лет моей жизни: мы поженились, когда я был младшим научным сотрудником, жили в коммуналках, снимали квартиры. Она прошла рядом через все проблемы неустроенной жизни, за что я ей очень благодарен.

Пройдя через фактический развод, могу сказать: развестись с женой не просто, и за развод надо заплатить максимальную цену. Но если уж в жизни так случилось, что вам приходится

расставаться, вы обязаны все оставить жене. Я оставил все. И снял квартиру. Однажды ко мне в гости зашла Валерия Новодворская и возмутилась: «Ты почему мне показываешь квартиру для прислуги?»

Отдавать при разводе надо все – жилье, автомобиль и так далее, чтобы ни у жен, ни у детей не возникало чувства горькой обиды и разочарования. К сожалению, в огромном количестве случаев подобного рода действия сопровождаются разделом имущества. Это ужасная травма и для жены, и для детей.

Я ушел от первой жены, потому что надоело обманывать. У меня появились дети от журналистки Кати Одинцовой, которая работает на телевидении. Раиса об этом узнала. Можно, конечно, было что-то придумывать, что-то склеивать, но зачем? В общем, семья распалась.

Мужчины в основном – полигамные существа. Многие полигамны для самоутверждения. Для подтверждения своей независимости и свободы. А свобода – важнейшая составляющая счастья, наряду со здоровьем и материальным достатком. Есть, правда, исключения, но немногочисленные. Например, Чубайс моногамен, он очень любит Марью Вишневскую, свою вторую жену, и ему никто больше не нужен. Гайдар тоже однолюб. Они кристально положительные герои, коими все не будут, да и не могут быть. В то же время убежден я и в том, что политику позволено далеко не все, что позволено обычному мужчине. И то, что мог себе позволить гражданин Скуратов, недопустимо для прокурора Скуратова.

Свобода – фундаментальная ценность. Как за любую ценность, за свободу надо платить. В формулу «свобода, здоровье и материальный достаток» семья не входит. Я не противник семьи, но семья ограничивает свободу. Понимаю, что признаюсь в вещах непопулярных, но не хочу врать и притворяться. Это моя правда. И я не хочу постоянно обманывать близких мне людей.

Есть и другой вариант поведения: влюбился – женился, влюбился – женился. Я недавно встретил композитора Дунаевского с его очередной, восьмой, по-моему, женой. Он вновь влюблен. И даже обещал больше не разводиться и не жениться. Приятно быть первой или последней.

Безусловно, у политика должны быть ограничения. Для себя эти границы я определил. Хотя, не исключаю, что сделал это не совсем правильно. Во-первых, я не скрываю того, как сложилась моя жизнь, и считаю, что лицемерие и ложь – это есть настоящие грехи. Во-вторых, я несу ответственность за всех своих детей и им помогаю. В-третьих, во всех своих поступках исхожу из того, что матери моих детей не должны чувствовать себя, по крайней мере,

в материальном плане, ущемленными.

Наконец, я не афиширую свою личную жизнь. Вообще, нельзя заглядывать в постель к своему народу, но и народ не может требовать от кого-либо, чтобы его впустили понаблюдать за личной жизнью.

Мы уйдем, после нас мало что останется, даже если тебе кажется, что при жизни ты чего-то достиг. Но точно – останутся наши дети. Я горжусь тем, и это, наверное, моя одна из самых серьезных удач в жизни, что у меня четверо достойных, симпатичных, приличных детей.

Жанна Немцова – сформировавшийся взрослый человек. Она уже вышла замуж Я горжусь тем, что она умная, образованная, энергичная, самостоятельная. Она в отличие от многих своих сверстников самостоятельно зарабатывает деньги и хочет сделать карьеру. Я думаю, что мои гены, отвечающие за публичность, у нее, безусловно, есть и история с ее участием в политике (баллотировалась в депутаты Московской городской думы) скорее всего наследственная. Это греет душу. Единственное, что я повторяю: сейчас не то время, когда молодые люди имеют шанс попасть в политику, тем более если они придерживаются отличных от власти взглядов. Жанна явно придерживается демократических взглядов.

Мы с ней часто обсуждаем разные проблемы, хотя в последнее время чуть меньше, поскольку она увлечена бизнесом. Правда, она, как и очень многие молодые люди, склонна к социал-демократии. Говорят, кто в молодости не был социалистом, тот в высокой степени негодяй. Она все время говорит о крайне несправедливом обустройстве России, что богатство соседствует с жутчайшей бедностью, что власти должны сделать все, чтобы такой поляризации не было. Иногда такие рецепты кажутся очень наивными: перераспределить все в пользу бедных. Но кто будет перераспределять? Коррумпированные чиновники? Я не спорю, что это несправедливо. Но я считаю, что рецепты того, как бороться с несправедливостью, – достаточно наивны. Наши споры не носят какой-то судьбоносный характер, потому что в базовом смысле Жанна – европейски воспитанный человек.

Известная фамилия ей и помогает, и вредит. Например, когда Жанна участвовала в предвыборной кампании, узнаваемость ее в силу фамилии была высокая, и стартовое недоверие к ней было тоже высоким, потому что оно высокое ко мне. Она все время повторяла, что не станет Павликом Морозовым и от своего отца не отречется, но как самостоятельный человек имеет собственные взгляды на жизнь, которые часто совпадают со взглядами отца, но

иногда и не совпадают.

Что касается сына Антона, то он еще совсем молодой парень – ему 12 лет. Он талантливый. Взгляды его еще более стихийные, чем у Жанны. Но он интересуется общественным устройством. Он уже книжку написал о том, как воспитывать детей. Воспитание глазами ребенка… Как бы он воспитывал детей, если бы он был взрослым. Он очевидно стремится к публичности. Кроме того, его мама Катя Одинцова тоже публичный человек, работает на телеканале «Домашний». Конечно, имея публичных и маму, и папу, ребенок не может не интересоваться этим. Я считаю, тем не менее, что в таком юном возрасте чрезмерное увлечение, например, телевидением, участие в телепрограммах может очень сильно сказаться на психике ребенка. Дело в том, что испытание известностью выдерживают далеко не все взрослые. А уж тем более дети. Поэтому я не сторонник того, чтобы дети слишком часто выступали и были слишком узнаваемы.

Антон – целеустремленный парень, он хочет быть и юристом, и бизнесменом, как всегда в этом возрасте дети хотят быть всем и сразу. Мне кажется, что хоть он еще и маленький, но у него есть глубокое понимание, что если хочешь добиться успеха, то на папу и маму лучше не надеяться, даже если они могут помочь. Скорее папа и мама могут быть страховкой, а не средством достижения цели.

И еще у меня есть две дочки. Дина Борисовна еще совсем маленькая девочка – ей пять лет. Софья Борисовна еще меньше – ей три года.

Характер формируется к пяти годам. Что касается Дины, то я думаю, что она будет абсолютно самостоятельным человеком. Она знает себе цену, она очень симпатичная девочка, она имеет свое мнение по любому вопросу. И я рад, что она уже сейчас ощущает себя достаточно независимой.

Жанна – единственная дочь, с которой я проводил много времени, больше, чем с другими своими детьми. Но даже если говорить о ней, то я ее очень мало видел, потому что все время работал. Общался только по выходным. Складывается ощущение, что сейчас я с ней общаюсь больше, чем тогда, когда она была маленькой. К своему стыду, воспитанию детей я уделяю мало времени.

Софье всего три года, поэтому я могу пока сказать только то, что она очень коммуникабельный человечек, может подойти к любому незнакомцу и решить любой интересующий ее в данное время вопрос. И второе, чем она меня сильно поразила, – она научилась плавать в возрасте одного года. Сейчас она может проплыть два раза бассейн, ныряет и так далее. Может, ей какие-

то спортивные гены передались?

Я принимаю и готов их принимать такими, какие они есть. Единственное, к чему я не готов, – это терпеть, когда они совершают какие-то неблаговидные поступки. Но и они знают, что если будут вести себя как негодяи, то папу не увидят. Мне кажется, что мои дети – и Жанна, и Антон – знают, что если они будут вести себя непристойно, то поддержки у меня не найдут. Я, кстати, надеюсь, что они не найдут поддержки и у своих матерей. Слепой любви и всепрощения не будет. Если мой ребенок сделает какую-нибудь гадость, нарушит заповеди, опустится на социальное, житейское дно, станет наркоманом и тому подобное, папы не будет. Это, может, жестоко, но это единственный способ оградить детей от искушения стать негодяями. Я считаю, что всепрощенческая любовь приводит к тому, что миллионы детей становятся никчемными существами.

Я знаю многих детей, которых родители за деньги устроили в университеты, дают взятки преподавателям, чтобы эти дети учились, проплачивают получение диплома, а потом все равно их содержат. Потому что они тупые, образования-то у них нет, есть только купленный диплом. Я абсолютно не готов к тому, чтобы так себя вести. Если мои дети, неважно, от кого они родились – от Ирины Королевой, от Кати Одинцовой или от Раисы Немцовой, – будут прожигать жизнь, то в моем лице они адвоката не найдут.

Я с ужасом думал, что кто-нибудь из них будет употреблять наркотики. Конечно, пока только о Жанне можно говорить. Я даже не понимал, как себя вести в этой ситуации. Запрещать, ругать, бить, не давать денег? Достаточно стандартный набор контрмер. Но если бы этот арсенал не помог?

У меня много детей, и это делает мое отношение к каждому из них более адекватным. Когда в семье один ребенок и с ним связано благополучие семьи, ее перспективы, ее устойчивость, то тогда и возникает масса проблем. Мой личный опыт говорит о следующем: если хотите, чтобы ваши дети при прочих равных условиях были достойными и приличными людьми, то лучше, чтобы в семье было их много. Концентрация на одном ребенке – это высокие риски. Я за всю жизнь ни разу не наказывал ни одного своего ребенка. Я могу спорить с детьми, говорить, убеждать их в том, что этого нельзя делать, объясняя почему, но я считаю, что такой стандартный способ воспитания, как наказание, очень похож на дрессировку собаки, а не на воспитание. Кроме того, меня один раз в жизни отец ударил за то, что я громко говорил или плакал в какой-то большой компании. Я это очень хорошо помню. Я не мог этого забыть долгие годы. Дело в том, что когда мать наказывает, это гораздо быстрее

забывается, быстрее стирается из памяти.

Тыл должен быть у каждого человека. Отсутствие дома, где тебя могут понять, поддержать и даже оценить – серьезная проблема. Но надо быть суперсильным человеком, чтобы прожить без этого. А таких людей нет. Я абсолютно не домашний человек. Для многих людей дом, пребывание дома является мечтой, а для меня это никогда мечтой не было. Я человек общительный, мне интересны разные люди, контакты и так далее. И все те, кто хорошо со мной знаком, и тем более мои жены, это хорошо знают. Я как раз слово «тыл» воспринимаю совсем не так. Мужчина обязан гарантировать женщине, с которой он живет, предсказуемую жизнь. Для женщины предсказуемость имеет фундаментальное значение. А женщина должна обеспечить покой и безопасность, в первую очередь психологическую, для мужчины. Это довольно сложные взаимные обязательства. Часто люди считают, что за услуги, которые они оказывают, им отвечают неадекватно. Это одна из причин семейных конфликтов.

Со мной жить тяжело. Я человек публичный, мне всегда нужны новые впечатления. Находятся, однако, уникальные люди, которые все-таки умудряются это делать, и я отношусь к ним с глубоким уважением. Мать, которой скоро исполнится 80 лет, относится ко мне как к молодому человеку. Вначале она была сильно удивлена тому, что у меня дети от разных женщин, а потом восприняла это как судьбу. Она говорит: на все воля Божья. Она повторяет, что дети – это очень хорошо. И что нет преступления в том, что я дал детям жизнь и помогаю им строить свою жизнь, а не бросил их на произвол судьбы. Но самое удивительное, что все три жены с моей матерью имеют замечательные отношения. Это с хорошей стороны характеризует не только моих жен, но в первую очередь мою мать. Кстати, после общения с ней они как-то более спокойно ко мне относятся.

Мама часто не соглашается со мной, в том числе и в каких-то политических вопросах. Например, она говорит, что раз все так любят Путина, значит, и я не должен его критиковать. Она по-своему, может быть, права. Вообще я считаю, что все то хорошее, что у меня есть, – все от моей матери. Мне с ней сильно повезло. Главное, чтобы она не болела и чувствовала себя нормально.

Она живет в Нижнем Новгороде. На пенсию. Она заслуженный врач, у нее очень большой стаж работы. Но пенсионеру нашему прожить на пенсию, которую якобы индексируют, очень сложно. Любой, у кого есть совесть, кто помнит, кто его вырастил, обязан помогать родителям. Это вроде банально, но, к великому сожалению, бывает часто наоборот – родители помогают своим детям, даже когда они уже пенсионеры.

Я лично не представляю, как смогла бы жить моя мать, если бы не моя помощь.

Я понимал: обнародование факта, что у меня есть дети от разных женщин, большой минус мне как публичному человеку. Но ложь еще хуже. Я понимаю, что ставить детей вне закона – это ужасно, это унизительно для тех же детей.

Больше ли сейчас свободы в этом плане у российских политиков?

Сейчас вранья и лицемерия больше, чем во времена Ельцина. Я уверен, что распущенность, в том числе и сексуальная, зависит не от времени, а от возможностей. Сейчас в этом смысле возможностей куда больше хотя бы потому, что никто не боится, что скандальная история, как в случае с генеральным прокурором Скуратовым и проститутками, будет обнародована. Цензура! Москва напоминает Римскую империю времен упадка.

Свободный человек может вести себя как угодно, но официальное лицо обязано соблюдать определенные правила. Есть протокол и ему необходимо следовать. Я один раз в жизни нарушил протокол и теперь об этом знает вся страна, нет-нет, а до сих пор кто-нибудь напомнит мне о том конфузе – истории, как я в белых штанах встречал президента Азербайджана Гейдара Алиева. Я проклял тот день, но мое покаяние ничего не меняет.

Конечно, есть веские причины для оправдания. Начнем с того, что я вообще не должен был встречать Алиева. Я спокойно ехал на работу, жара стояла под 35 градусов, страшная духота… Неожиданно позвонил Черномырдин и велел мне срочно ехать во Внуково встречать Гейдара Алиева.

– Виктор Степанович, я в душераздирающем виде.

– Ты что, в трусах?

– Нет, хуже: в белых штанах и в майке.

– Ничего, неплохо, – сказал глава правительства.

– Так не моя же очередь, а Чубайса.

– Чубайса мы уже задействовали на другой работе, – отрезал Черномырдин.

Пришлось разворачивать машину и мчаться в аэропорт. Заехать домой или в магазин, чтобы переодеться, времени не оставалось. Когда я приехал в аэропорт и посмотрел на МИДовских чиновников, то понял, что даже одолжить у кого-то костюм не удастся, потому что, как назло, чиновники попались совсем мелкие. Мне ничего не оставалось, как снять с охранника пиджак с золотыми пуговицами и идти к трапу.

Гейдар Алиевич вышел в шерстяном черном костюме, белой рубашке и темном галстуке. Весь потный. Обнял меня и говорит тихонько: «Я еще с советских времен был против этого

дебильного протокола».

Встреча прошла нормально, мы очень быстро расселись по лимузинам, но телекамеры, естественно, зафиксировали во всех нюансах мой внешний вид и контраст с прилетевшим президентом дружественной страны.

Звонит Ельцин и спрашивает: «Ну что, встретили? Я слышал, вы как-то странно его встретили. Вы как одеты-то были?» Я рассказал.

– Это грубейшее нарушение правил. Почему вы вообще на работу в таком виде являетесь? – прорычал президент в трубку.

Подобное поведение, действительно, было нарушением традиции. Это в Индии все ходят в белых одеждах: белые брюки, белая рубашка с коротким рукавом да, и галстука нет. В Пакистане такой же этикет. В России все с точностью до наоборот. Я нарушил правила, а этого делать категорически нельзя, неприлично.

Еще неприлично опаздывать. Помню, как после «оранжевой» революции в Украине мы сколотили группу из экспертов ООН, МВФ, российских экономистов и европейских аналитиков для помощи демократической Украине в проведении экономических реформ. Прилетели в Киев на встречу с Юлией Владимировной Тимошенко, она тогда возглавляла украинское правительство. Делегации на уровне заместителя генерального секретаря ООН Юлия Владимировна назначила встречу на три часа дня. В три часа к нам вышел ее улыбающийся помощник и попросил подождать час. Через час они предложили нам пообедать без Юлии Владимировны. В конце концов, Тимошенко опоздала к нам на четыре часа. Западники после этого сказали: «В этой стране никогда ничего не будет. Если элита так ко всему относится, то что стоит машинисту вовремя не нажать на стоп-кран, пожарнику опоздать на пожар, а „скорой помощи“ – к умирающему человеку. Это признак недоразвитой страны».

А уж президенту или премьер-министру тем более нельзя опаздывать.

Борис Ельцин никогда не опаздывал. Никогда! В каком бы состоянии ни был. Помню, однажды он назначил мне встречу на 12 часов. Ельцин тогда был в очень плохой форме, после операции, принимал сильнодействующие обезболивающие лекарства. Я вышел из Белого дома за 15 минут до встречи. Ехать до Кремля – ровно шесть минут. Еду в Кремль – и попадаю в пробку: движение оказалось перекрытым, поскольку ехал кортеж президента. В итоге я опоздал к Ельцину на одну минуту.

Вхожу в кабинет в 12.01 – куранты не обманешь. Ельцин сидит с каменным лицом и смотрит на меня, как на врага народа.

– Пишите заявление об отставке!

– За что?

– Вы проявили крайнее неуважение к главе государства. Край-не-е! Вы опоздали на встречу на целую минуту, я вас ждал минуту, – сказал он.

– Борис Николаевич, я опоздал, потому что движение перекрыли из-за вас.

– Выходите за полтора часа, и тогда точно, чтобы ни случилось, дойдете пешком.

Я написал заявление. Он его взял. Я ушел. С тех пор стараюсь больше не опаздывать.

Владимир Путин опаздывает всегда и везде. Он даже на свою инаугурацию опоздал. Инаугурация должна была начаться в 12.00. По задумке, президент должен был входить в зал под бой курантов. Но главный герой внес в сценарий изменения. Куранты уже начали бить, а президент в это время только-только ехал по Знаменке. Не успел. Кто-то даже предложил остановить куранты, но все-таки хватило ума не совершить такую глупость, потому что даже во время войны часы на Кремлевской башне не останавливали.

Могу привести и другой пример. В Москве в 2006 году проходил мировой конгресс прессы. Съехались главные редакторы ведущих газет и изданий со всего мира. Так вот, представители самых влиятельных масс-медиа прождали Путина целых полтора часа. Позорище! Впрочем, полтора часа по сравнению с четырьмя часами, которые прождали Путина те, кто собрался на открытие памятника Собчаку в Санкт-Петербурге, – ничто. Это было крайнее неуважение и к своему наставнику, и к жителям города.

Пунктуальность – проблема для многих российских политиков. Даже мой друг Чубайс – человек непунктуальный, хотя очень хочет исправиться. У него график расписан по минутам, например: встреча с министром с 18.30, затем переговоры с кем-то в 18.56, звонок в Красноярск – 19–03. Но график почти всегда срывается, Чубайс никуда не успевает. При этом оправдывается: «Ты не представляешь, как я замотался. Столько дел, что просто катастрофа». И так каждый день.

Егор Гайдар, наоборот, очень четкий человек, с сильной внутренней самоорганизацией. Хотя, говоря о троице «Чубайс, Гайдар и Немцов», народ уверен, что самый дисциплинированный среди нас Чубайс, потом – Гайдар, и замыкает тройку по дисциплине Немцов. Все наоборот.

В общем, помните: опоздание – проявление крайнего неуважения к людям. Это касается не только деловых встреч, но и

личных.

XII
Здоровый политик – здоровые мысли, смелые поступки

Политики – публичные люди. Они выступают по телевизору и пытаются учить людей жизни. Я давно понял, что народ в большинстве своем не слушает, что говорят политики, а смотрит, как они выглядят. Здесь мы похожи на артистов или представителей шоу-бизнеса. Для политика внешний вид – это профессиональная тема, и хочешь не хочешь, а надо за собой следить. Если политик обрюзгший, с потухшими глазами, то на него неприятно смотреть, а если он к тому же лидер какого-то движения, то как-то не верится, что это движение приведет к светлому будущему.

Я знаю очень много мужчин в Москве, которые зациклены на своей внешности и шмотках. И при этом не подумайте ничего дурного – они традиционной ориентации. Но на свой внешний вид, на одежду они тратят сил и денег гораздо больше, чем на все остальное в жизни. Таких мужчин принято называть метросексуалами. Они ходят в спортивный зал, загорают в солярии, делают педикюр и даже бреют ноги. Девушка ухаживает за собой, и ее усилия никогда не бывают чрезмерными – женская ухоженность не имеет предела, но когда мужики так себя ведут, меня начинает подташнивать. Мужчина должен быть чистым, опрятным и аккуратно одетым. Достаточно.

Гламур, в том числе и мужской, сейчас очень популярен в России. Возникает ощущение, что серьезных проблем в жизни не осталось, что вечный праздник и есть счастье. Огромное количество гламурных журналов, в том числе и мужских, огромное количество бутиков, в том числе и исключительно мужских. Люди начинают искать в этом смысл, серьезно обсуждать вопросы внешности. Меня поражает, когда нормальные люди вдруг серьезно обсуждают, скажем, стоит или нет делать педикюр.

Да, я хожу в дорогих ботинках. Хорошие ботинки по-прежнему – признак хорошего вкуса и благосостояния. Зато часы уже перестали быть критерием материального положения. Например, Михаил Ходорковский ходил в тайваньских или китайских часах по цене 9 долларов за штуку, хотя денег к этому времени он заработал миллиардов пятнадцать.

Политик не может сравнивать себя с моделью или актером.

Одеваться необходимо нормально, но без фанатизма. И когда от человека несет потом, когда к нему невозможно подойти – это ужасно. Хотя таких людей можно встретить в том же Третьяковском проезде – на улице самых дорогих магазинов в Москве. Денег много, а вот с гигиеной проблемы.

Девушки – другая история. Они должны нравиться и себе, и окружающим. Для меня, как и для любого нормального мужчины, внешность женщины имеет большое значение, хотя рано или поздно все-таки хочется и о чем-то поговорить.

Впервые в моей жизни стимул следить за своим внешним видом возник в шестом классе. Однажды на школьной вечеринке, на дне рождения одноклассника, как водится, после еды и чаепития начались танцы. Мне очень сильно нравилась девочка по имени Марина. Я пригласил ее на танец, а она мне отказала. Она бросила на меня презрительный взгляд и сказала, что «с рахитами не танцует». Я был в шоке. Это произвело эффект ядерного взрыва, и я решил срочно спасать положение.

Зеркала отвергали очень высокого и крайне тощего парня. Жалкое зрелище: фонарный столб с человеческим, но изможденным лицом и кучерявыми непослушными волосами.

Так вот, в шестом классе я стал активно заниматься спортом. Сначала – байдарочной греблей. Но байдарку пришлось быстро забросить, потому что изверг-тренер заставлял нас заниматься два раза в день. И потому пришлось выбирать: либо спорт, либо учеба. Учебу бросать я не хотел, потому перешел в секцию баскетбола. Позже меня даже взяли в сборную университета.

Еще я играл в большой теннис (до всякой моды на эту игру) и занимался бодибилдингом. Мышечные ткани человека – это нечто поразительное. Если ты в детстве приобрел спортивные навыки – плавал, играл в хоккей, катался на велосипеде, а потом бросил, то даже через 30 лет можно восстановиться и набрать хорошую спортивную форму.

После университета пришлось очень много работать. Много времени отнимало репетиторство. От спорта начал отходить. Став губернатором, я практически перестал заниматься спортом. Много курил, мало двигался. К тридцати с небольшим организм начал разрушаться: появилось брюхо, я быстро утомлялся, не мог долго играть в теннис или проплыть километр. Для меня это состояние превратилось в серьезную проблему, я не узнавал сам себя, ведь в университете я на спор пробегал кросс 25 километров. Так и получилось, что я стал читать много литературы в поисках ответа на вопрос, как привести себя в порядок. Сын врача все-таки не очень верил во всякие диеты: кремлевскую, волковскую…

Я хочу поделиться личным опытом, потому что угробил кучу времени, совершил массу ошибок и потратил впустую много денег на пути к здоровому образу жизни.

Я долго ошибался. Например, думал, что чем больше буду заниматься спортом, тем лучше буду себя чувствовать, лучше выглядеть. Но, оказывается, перетренировка вызывает болезни. В частности, я часто простужался только потому, что слишком много времени тренировался, переносил слишком большие нагрузки.

Я считаю, что каждый для себя лично должен найти рецепт сохранения здоровья и хорошего внешнего вида. Но у каждого человека должен быть стимул для того, чтобы хорошо выглядеть. Мой стимул – чувство долга перед собственными детьми и сторонниками. К тому же я занимаюсь общественной деятельностью и должен быть в нормальной форме. Наконец, мне надело смотреть на опухшие мрачные лица и туши, которые едва передвигаются в пространстве и времени.

Итак, после тридцати лет я вдруг понял, что возникают проблемы. Работа чиновника – это борьба с собственным организмом: постоянные застолья, совещания, гиподинамия, недостаток сна. В 35 лет, на пике губернаторства, я превратился в полнеющего и дряхлеющего человека средних лет, замученного разными проблемами, курящего и раздражительного, не интересующегося почти ничем.

Я просыпался уже раздраженным и утомленным. И постепенно единственной истинной страстью становилось курение. А ведь это ужасно, когда человек получает удовольствие только от того, что его уничтожает.

Начались сильнейшие боли в спине. Однажды во время прямого эфира на телевидении в программе Савика Шустера у меня так сильно схватило спину, что я едва не рухнул в обморок. Спасло то, что я упросил Савика, чтобы он объявил перерыв на рекламу.

Второй раз я упал в изнеможении в 1998 году – в разгар конфликта с шахтерами. Я тогда не спал три дня, объезжая очаги шахтерских выступлений. Они перекрыли железную дорогу, мы старались дорогу разблокировать… И ночью, выступая перед шахтерами, я упал без сознания. Упал от боли. Так сильно болела спина. Мне исполнилось в тот момент 38 лет.

К сорокам годам появились одышка, ожирение, мешки под глазами, потухший взгляд. Врачи называют это состояние кризисом среднего возраста, через который проходит каждый мужчина. Часто это сопровождается разводами, появлением новых семей, кризисом в карьере и прочими потрясениями. С

одной стороны, наступает время подводить предварительные итоги бурной молодой жизни, но с другой – итоги разочаровывают и кажется, что необходимо срочно что-то предпринимать, иначе завтра будет поздно. И на это психологическое состояние накладываются проблемы со здоровьем.

У меня все бы так и тянулось, как у всех, если бы не Владимир Путин. После установления в стране управляемой, то есть суверенной, демократии Союз правых сил проиграл парламентские выборы, и у меня вдруг появилось много свободного времени. Тут-то я и решил использовать его на то, чтобы привести свой организм в порядок.

Первый вопрос – вес. До этого я, как и многие мои товарищи, прибегал ко всяческим диетам, вел бой бессмысленный и беспощадный. Самая смешная диетическая история случилась в клинике «Бухенгерклиник» в городе Уберлингер на юге Германии.

Это добротная немецкая клиника, не дешевая, но и не очень дорогая. Клиника напоминает пятизвездочный отель, только главный врач очень похож на душегуба Менгеле: высокий, стройный мужчина с голубыми глазами садиста. Это первое, на что я обратил внимание. Мы приехали в клинику с одним известным бизнесменом и двумя девушками.

Первый вопрос немецкого доктора:

– Цель поездки?

– Мы будем худеть, – ответил я.

– Похвально, – сказал он. – А зачем девушек взяли? Я сначала не понял глубины вопроса и говорю:

– Так ведь скучно одним-то.

– Это грубая ошибка, – сказал доктор. – Девушки тоже хотят худеть?

На что девушки хором закричали:

– Нет, что вы, у нас все нормально.

Поселили нас в номера с прекрасным видом на озеро. Нас заставляли пить много воды, бесконечно двигаться и бегать по залу. Но первый день мы провели бодрячком.

Девушки тоже оказались садистками, потому что, несмотря на нашу голодовку, требовали посещения дорогих ресторанов. По понятным причинам, поход в ресторан для нас превращался в изощренную пытку. Мы приходили в ресторан и заказывали своим спутницам еду. Они ели с огромным удовольствием и даже не собирались нам сочувствовать, уплетая торт «Наполеон». В конце концов, нас это так начинало бесить, что мы были готовы их задушить.

Силы иссякали стремительно, интерес к женскому полу

быстро пропадал. К концу второго дня в голове возникла крамольная мысль, нужны ли женщины вообще. Кроме раздражения своими совершенно идиотскими капризами, они иных эмоций не вызывали. Говорить с ними не о чем, делать – тоже, при этом они хотят вкусно есть в ресторанах, а мы корчимся от голода… Мой товарищ даже решил свою девушку отправить домой. Мы провели серьезное совещание по этому поводу, но решили, что не стоит проявлять слабость, раз взяли – надо терпеть. Однако ругались страшно каждый день.

Я похудел на 11 килограммов: приехал в Германию с весом – 107, осталось 96. За десять дней это много. Я превратился в стройного, симпатичного молодого человека… с абсолютным отсутствием интереса к жизни. Мне снился черный хлеб и селедка, которую раньше я никогда не любил.

…Поведение людей определяют два базовых инстинкта: инстинкт самосохранения, который упреждает людей от движения по встречной полосе и прыгания с десятого этажа, и инстинкт продолжения рода. Мне когда-то казалось, что инстинкт продолжения рода сильнее, чем инстинкт самосохранения. Это ошибка. В немецкой клинике нам доказали, что отсутствие еды приводит к тому, что второй инстинкт исчезает.

Кстати, милый доктор рассказывал, что когда голодают женщины, то у них возникают прямо противоположные ощущения. Голодные женщины очень хотят секса.

Доктор рассказал, что нередко в клинику приезжают семейные пары, чтобы поголодать и поправить здоровье. Люди приезжают вместе, но часто уезжают поодиночке, потому что в процессе голодания у мужчин и женщин возникают диаметрально противоположные желания. Доктор даже знал случаи разводов семейных пар после прохождения курса лечебного голодания.

Второе наблюдение. Самые продвинутые интеллектуалы, прочитавшие классиков и современников, разбирающиеся в искусстве и культуре, в процессе голодания ни о чем не могут говорить, кроме как о еде. Вспоминают в основном застолья, рестораны, что ели, а чего не выносили на дух. Гастрономическая дискуссия становится базовой, все остальное не имеет значения.

Мы продержались в немецкой клинике 10 дней. Следили друг за другом. Воспринималось как предательство, когда, например, есть два яблока – одно твое, а другое – твоей спутницы, но ты съедаешь оба. Доктор предупреждал, что выдержать этот кошмар недостаточно, необходимо и дальше, уже дома, каждый день следить за собой, иначе пациент рискует вернуться в клинику через год с еще большим весом.

Как бы то ни было, я вернулся в Москву стройным и

подтянутым. В течение нескольких месяцев держался и не ел на ночь. А потом за год, как и предсказывал господин доктор, потерянный вес предательски вернулся. С тех пор по садистским клиникам я решил не ездить, но, зная методику, несколько раз садился на диету самостоятельно. Диета – это ужасно и мучительно: появляется неоправданное раздражение, ругаешься с товарищами на ровном месте.

Расскажу и о том, как я испробовал знаменитую диету Волкова, когда рацион определяется по группе крови. На самом деле все в ней сводится к обычному раздельному питанию. Во-первых, должно быть мало «плохих» углеводов. «Плохие» углеводы – это картофель, хлеб, кондитерские изделия, сахар, варенье, как раз то, что мы больше всего любим. «Хорошие» углеводы – это фрукты, овощи. В принципе, направление правильное. Но я остановился, когда узнал, что одна моя знакомая дважды сдавала кровь «по Волкову» под разными фамилиями и получила два абсолютно разных списка полезных продуктов.

Есть еще кремлевская диета. До сих пор никто не может точно сказать, почему ее так назвали, члены Политбюро никогда стройностью и здоровой подтянутостью не отличались. Это обычная малоуглеводная диета, когда необходимо исключить из питания сладости и мучное. Можно есть мясо, рыбу, фрукты в ограниченных количествах, но углеводы исключаются практически полностью. Я прошел через кремлевскую диету, и никому ее не рекомендую. Я физически здоровый человек с нормально работающим сердцем, и на первый, второй, третий день чувствовал себя нормально. Но на четвертый день при этой диете от человека начинает пахнуть ацетоном, снижается жизненная сила. Под воздействием кремлевской диеты человек заживо гниет, но при этом худеет. У меня начали болеть сердце и печень. Короче, бросил я и эту диету.

Чудес не бывает. Я понял одну простую истину, которая от нас ускользает: внешний вид, в том числе и вес, – это образ жизни. Не диета, не спорт, а именно образ жизни.

Внешний вид зависит от пяти факторов:

1. алкоголь и питание;
2. спорт и физические нагрузки;
3. сон;
4. на четвертом месте стоит секс;
5. медицинские препараты: витамины, пищевые добавки и прочая химия.

Сколько процентов внешнего вида определяют еда и алкоголь? 60 %. Спорт – 20 %, 10–15 % – сон, 5 % – секс, и

медикаменты – 5 %.

Основополагающий принцип: надо меньше есть, особенно на ночь. Но я не могу уснуть, если я голодный. И таких людей большинство. Мой совет: если вы поели на ночь, четыре часа после этого не ложитесь спать. Занимайтесь чем угодно, но только не принимайте уютное горизонтальное положение.

Купите весы. Если путешествуете – возите их с собой, потому что весы, которые вы видите в других местах, плохо настроены и правды вам не скажут. Взвешивайтесь вечером и утром. Вставать на весы – отвратительная процедура, это стресс и утром, и вечером, но это необходимо. Это дисциплинирует. У меня всегда с собой весы. Когда я прилетаю в какую-нибудь страну, служба безопасности думает, что в сумке – бомба, поскольку на просвечивающих экранах видны какие-то механизмы.

В день выпиваю полбутылки вина. Иногда больше. Нельзя пить сладкие вина, надо пить только сухое качественное вино. Можно выпить немного виски, это даже лучше, чем пить водку. Во-первых, можно целый вечер пить пятьдесят граммов, во-вторых, виски легче переносится. Не люблю пиво и другим не рекомендую. С пивом вот какая проблема: если выпил бутылку и на этом остановился – хорошо, но люди, как правило, не могут остановиться. И после второй бутылки у них появляется зверский аппетит, они готовы съесть быка.

Очень опасна соль. Соль абсорбирует воду, и человек пухнет. Он вроде бы и не ест ничего, но опухает. Поэтому пиво нельзя пить ни с какой рыбой, да и вообще лучше не есть под пиво ничего соленого.

По поводу сигарет. Я курил очень долго – почти 25 лет. Бросил курить, поспорив с товарищем. Игорь Лившиц ненавидел запах дыма. Однажды он заявил, что заплатит мне довольно большую сумму денег, если я брошу курить. Мы поспорили. Я не курил целый год. Он заплатил, а потом я опять взял сигарету. Правда, после очередного насморка или бронхита все-таки бросил окончательно. За что и благодарен Игорю. У курения, впрочем, один плюс: курящие меньше едят, а соответственно, медленнее толстеют, у них лучше обмен веществ. Минусов больше: чудовищный запах изо рта, отвратительный цвет лица, глаза становятся желтыми, угроза заболеть раком и прочее.

Есть еще наркотики. Мне мама внушила одну мысль: «Наркотики – это кайф. Но точно станешь импотентом». Она даже не говорила, что умрешь. Мама мне это повторяла лет с двенадцати. Я не хотел становиться беспомощным и только в сорок лет все-таки решился попробовать. Теперь я окончательно убедился, что наркотики – это отстой. Я был на модных

дискотеках с таблетками, кокаиновыми дорожками и травкой. Это все – отстой. Смотреть на таких людей неприятно. Это – опустившиеся и убогие придурки.

Я видел Ельцина после операции, которому вынуждены были колоть наркотики. На меня это произвело сильное впечатление. На меня сильное впечатление производили рассказы поп-звезд – Эрика Клэптона, Бутусова, которые пробовали наркотики. Если бы меня спросили, как бороться с наркотиками, я сделал бы гигантский рекламный проект под названием: «Наркотики – отстой. Люди, которые их употребляют, – отстойные».

Иногда к здоровому образу жизни стимулируют неожиданные вещи. Я ходил в фитнес-клуб и встретил там молодого человека по имени Марат. Он пытался ухаживать за моей дочерью, и на этой почве мы познакомились. Марату было 28 лет, а он уже боролся с лишним весом. Молодой парень – и уже толстый. Он бегал, занимался, а потом вставал на весы и с криком «Е… твою мать!» уходил из зала. То же происходило и со мной.

Однажды в голову мне пришла провокационная мысль. Я предложил:

– Марат, ты на сколько хочешь похудеть?

– На шесть килограммов.

– А я на восемь. И у меня есть идея. Давай поспорим, что через три месяца я буду весить 96, а ты – 82. Через три месяца, 22 апреля, в день рождения вождя мирового пролетариата мы с тобой встаем на весы. Если кто-то из нас не достигнет этой цели – платит десять тысяч долларов. Если оба добьемся цели – пожмем друг другу руки.

Спор дисциплинирует, потому что расставаться с денежными знаками не хочется. Это было радикальное решение.

После 22 апреля мы решили проверять вес каждый месяц, чтобы не возникло синдрома немецкой клиники. Мы договорились, что спор продолжается. Условие – сохранение достигнутого веса. В противном случае проигравший платит. Более того, каждый из нас должен был еще и подтягиваться определенное количество раз: я – 22, он – 15. Возникло своеобразное двоеборье. Диеты ведь в таких делах недостаточно, необходимо поддерживать хорошую спортивную форму.

Двоеборье длилось ровно год. Марат проиграл.

В принципе, можно заниматься любым спортом, главное – двигаться. Подходит все, в том числе ходьба. Мой опыт показывает: если ходишь спокойно, со скоростью пять-шесть километров в час, то ходить надо полтора часа. Умники даже сосчитали количество шагов – семь тысяч. За полтора часа организм перестраивается, ускоряется обмен веществ и снижается

вес. Но свободного времени не хватает, а по Москве особо и не находишься. Лучше ходить в спортивный клуб или заниматься дома.

Идеальный тренажер – эллиптический, потому что он не бьет по спине. Людям за сорок опасно бегать по дорожке или по асфальту. Эллиптический тренажер бережет суставы и спину. Заниматься на нем необходимо минимум 35 минут. Дело в том, что сжигание жира начинает после 23-й минуты физической нагрузки.

Заниматься необходимо практически каждый день. На худой конец – пять раз в неделю. Это даже важнее силовой нагрузки. При помощи штанги или подтягивания похудеть невозможно.

Если брать силовую нагрузку, то лучше заниматься со своим весом: подтягиваться или отжиматься. Причем надо отжиматься следующим образом: отжались максимальное число раз, от этой вершины взяли две трети и дальше ежедневно отжимаетесь столько же. Отжиматься надо обязательно утром, неважно – до завтрака или после. Отжимание приводит в жизнь верхнюю часть организма: сразу оживают мышцы плеч, спины и груди. Как говорил генерал Лебедь: «Упал – отжался!» Правильно говорил.

Очень важно подтягиваться. Хорошо делать упражнения на пресс. Тренажерные залы для силовой нагрузки не обязательны. Дома я делаю много других упражнений, но все это, так сказать, косметика, тюнинг.

Я никогда не занимаюсь силовой нагрузкой более 30 минут. Никогда!

А вот аэробной могу заниматься больше. Говорят, что эти нагрузки надо разделять. Я делаю и то, и другое. Сначала силовую, а потом бегу. Почему? Во время силовой тренировки разогреваются мышцы, они становятся больше, температура повышается. Потом, когда делаешь аэробную, быстрее потеешь и быстрее из тела выходит всякая дрянь.

Время тренировки не важно. Можно заниматься и в первой половине дня, и во второй. Конечно, чем позднее – тем хуже, потому что человек устает. Мой опыт показывает, что идеально заниматься днем, когда организм еще не устал, но уже работает. Но не у всех днем есть время для спорта. Когда мои сотрудники отпрашивались днем в спортзал, для меня это была уважительная причина, чтобы их отпустить.

Кроме того, должны быть любимые виды спорта. Я очень люблю виндсерфинг. Сейчас освоил кайтсерфинг. Вроде бы ты стоишь на доске и только держишься за парус. На самом деле – это большая силовая нагрузка. Кроме того, при этом возникает невероятный эмоциональный подъем, выбрасывается столько

адреналина, что если ты катаешься несколько часов, то находишься в очень хорошей форме: и мышечный тонус повышенный, и состояние сердца нормальное.

Я начал кататься еще во времена СССР. Я тогда занимался физикой, и среди нас было модно увлекаться «несоветскими» видами спорта. К ним относились горные лыжи, теннис и виндсерфинг. Доску впервые увидел на пляже в Сочи. Страшно допотопное сооружение по нынешним временам: деревянная и длинная доска. К ней крепилась алюминиевая мачта, матерчатый парус, огромные шверт и плавник – выглядела она как яхта без бортиков. В первый же день, когда я встал на серфинг, за мной увязалась стая дельфинов. Они играли с доской, как будто это был их друг, что произвело на меня сильное впечатление. Дальше я понял простую вещь: виндсерфинг – это когда все силы природы с тобой борются. Вода может быть холодной, ветер – порывистым, солнце может быть испепеляющим. Ощущение, что ты один и все зависит только от тебя, мне близко и понятно. Это индивидуальный спорт независимых и свободных людей. Видимо, я как раз к этой категории и отношусь.

Второе рождение меня как серфера состоялось в XXI веке. У меня появилась современная матчасть, и я освоил большие волны на Маврикии. Волны с трехэтажный дом. Современному виндсерфингу меня учил Миша Ершов. Сейчас с ним активно занимается Прохоров. Потом было много райдеров, у которых я набирался опыта, среди них – Сева Шульгин. Недавно я стал вице-президентом Федерации винд – и кайтсерфинга. Кайт появился в 1996 году. Этот снаряд гораздо более зрелищный, чем виндсерфинг: парашют, стропы, доска, как сноуборд, можно в трех измерениях двигаться. Я его увидел впервые в районе Гибралтара. Там очень сильный ветер с Атлантики дует. Казалось, что ребята катались в абсолютно неуправляемом режиме. Потом выяснилось, что кайтсерфинг – это самый опасный спорт на свете. Число погибших на тысячу катающихся – самое большое из всех видов спорта вообще, включая экстремальные. Смерть может наступить от выброса на берег, удара о скалы, о линию электропередач…

В прошлом году я познакомился с Ильей Винокуровым, известным кайтером, и он показал мне технику катания. 15–20 часов я хлебал соленую воду, падал совершенно диким образом, ударялся, ходил весь в синяках, но через 20 часов я поехал. И это было такое счастье и кайф, которые невозможно описать словами.

На Сайпане со мной произошел уникальный случай. Стояла очень хорошая погода, устойчивый ветер, где-то 10 м/с, и я пошел на кайте с одного острова на другой. И вдруг в течение буквально

нескольких минут все потемнело, и впереди показался черный столб воды, который двигался в мою сторону. Это был торнадо. Если смотреть издалека, кажется, что торнадо – это очень узкий смерч, а вокруг все как обычно, но на деле это страшный вихрь, в эпицентре которого поднимается вода. В общем, я попал туда, и меня подняло. Я вспомнил маму, папу, всех… Вспомнил видеозаписи, на которых люди засасываются смерчем, дома взлетают. Что-то подсказало не отстегивать парашют, и это оказалось спасением. Резко, словно пробку из шампанского, меня выбросило из эпицентра. Я, естественно, упал, но на воду, поэтому без особых травм. Это было сильное испытание… и закончилось оно не сразу, потому что доску унесло в океан, а я зацепился за рифы и провел два часа в ожидании спасателей. Когда вернулся, мне мулат из племени чиморра, кричит немедленно убираться с берега, поскольку идет цунами. Я сгоряча решил, что это уже какое-то издевательство, и послал его разными словами. Прихожу в гостиницу, включаю телевизор, а там по всем каналам: Warning! Tsunami! Так вот течение, которое у меня доску унесло, возникло из-за землетрясения, которое было на Хоккайдо.

Мне заняться кайтом порекомендовал Виталий Кличко. Я говорю: «У тебя же спина больная, как ты ездишь?» Но он считает, что кайт – единственный вид спорта, который способствует восстановлению спины, потому что парашют все время растягивает позвоночник. Честно говоря, я сначала не поверил, но когда стал заниматься, почувствовал, что, по крайней мере, нижняя часть позвоночника действительно разгружается, и кайт более эффективен, чем плавание.

При плавании у тебя спина просто расслаблена, а с кайтом она еще и разгружена сильно. Так что Виталий сыграл определенную роль в этом деле.

Зимой можно кататься на лыжах или коньках. Играть в теннис. Вот с футболом – проблемы. Я не умею играть в футбол. Стыдно признаться, но во время игры в футбол я теряю координацию, потому что не могу смотреть вниз и еще куда-то бежать. Все человечество играет в футбол, но мне этот вид спорта не подходит. Зимой очень хороши лыжи. Катание на лыжах эмоционально очень заряжает. Да и люди собираются интересные. И какие истории случаются…

Как-то Потанин, Путин и я поехали в Австрию, в Сент-Антон кататься на горных лыжах. Путин только что стал президентом России. В Австрии тогда проходил Кубок мира по горнолыжному спорту, и мы хотели посмотреть, как все устроено, чтобы попытаться организовать нечто подобное в России.

Арендовали в горах небольшое шале, окруженное австрийским спецназом, дивизией горных стрелков «Эдельвейс».

Путин сказал: «Давайте размещайтесь, и пойдемте ужинать».

Мы спускаемся вниз, и тут я вижу длинноногих девушек – человек десять. Мы с Потаниным в шоке проходим мимо. Оказывается, девушек привез известный «промоутер» Петя Листерман.

Я спрашиваю:

– Петя, что это?

– Ну, вы же тоже мужики, в конце концов. Доходчиво так сказал.

Спускается Путин, молча проходит мимо девушек, которые все на голову выше президента, подходит ко мне и спрашивает:

– Ты зачем их сюда привез?

– Почему вы решили, что это я?

– А кто же, кроме тебя, мог такое придумать?

Петя Листерман в этот момент испарился, просто растаял в воздухе.

Решили ночью покататься на лыжах, людей нет, трасса свободная. Гора оказалась довольно крутой и длинной, но трасса освещена. Охранники российского президента тогда еще катались плохо и только мешали всем. Получилось, что должны охранять президента, но как это сделать, не знали – падали, как мухи. Австрийские стрелки, наоборот, летали как птицы. Короче, российских телохранителей пришлось убрать, на трассе остались только австрийские спецназовцы. Но случилось горе: Владимир Владимирович упал. Путин летел кубарем метров сто, потому что склон был очень крутой. Мы замерли. Наконец он остановился и лежит на снегу, руки – в разные стороны… Мы с Потаниным подъезжаем, а летающие бойцы «Эдельвейса» метрах в двадцати взяли нас в кольцо. Вижу – все нормально.

– Владимир Владимирович, вы, когда долбанулись, о Родине думали? – спрашиваю, глядя на Путина.

Потанин говорит:

– А я, Владимир Владимирович, вообще ничего не видел. – и, показывая на меня – Кто этот человек, Владимир Владимирович? Я его не знаю!

Посмеялись, отдохнули и поехали дальше. С нами еще губернатор Краснодарского края Ткачев приезжал. Уже тогда Красную поляну в Сочи решили развивать как горнолыжный курорт, вот он и приехал. В первый день вышел в шикарном горнолыжном костюме, ботинки – мечта слаломиста. Глядя на эту красоту, я решил, что он супермега горнолыжник. И тут на подъемнике он мне шепчет: «Ты знаешь, я ведь кататься не умею».

Поднялись на вершину, Ткачев мнется. Путин ему: «Ты чего стоишь?»

– Владимир Владимирович, у меня тут проблемы такие… Я даже не знаю, чего дальше делать, – краснеет Ткачев.

– Как хочешь, так вниз и спускайся, – послал его Путин на верную погибель. Ничего, выжил и теперь всех чиновников Кубани ставит на горные лыжи.

Полноценное занятие спортом занимает час – полтора в день. Каждый человек обязан найти время, чтобы посвятить его себе самому, своему здоровью. Не надо оправдывать лень.

А еще надо высыпаться! Один доктор сказал, что спать надо хотя бы потому, что во время сна люди не едят. Вторая причина для сна: если ты не выспался, у тебя нет сил жить. Без сна человек разбит, рассеян, у него плохо работает голова, ухудшается память. Кстати, если вы не выспались, то лучше не заниматься спортом и поменьше есть. Если появилась возможность наверстать упущенное время сна, пусть даже днем, используйте любую возможность.

У каждого человека индивидуальная норма сна, для меня это семь – восемь часов. Например, Слава Ростропович спал четыре часа, ему хватало. Есть люди, которые спят восемь часов. Женщинам, как правило, надо девять или десять часов для сна.

Помню, мы работали в правительстве на износ, практически не спали, считая, что спасаем страну от финансового краха. И что? Траектория кризиса оказалась неотвратимой. Стоило ли так убиваться? Это только кажется, что за счет сна мы экономим время, но, не выспавшись, мы медленнее соображаем, становимся раздражительными, брюзжим, ругаемся со всеми…

И еще. Надо как можно меньше злиться и как можно меньше завидовать. Злоба и зависть приводят к быстрому старению. Отрицательные эмоции испепеляют людей.

Петр Аркадьевич Столыпин, знаменитый премьер-министр царской России, в свое время говорил: «Мы строим Россию для бодрых и трезвых, а не для пьяных и ленивых. Прошло сто лет, призыв сохраняет актуальность. Мы должны быть бодрыми и трезвыми, а не пьяными и ленивыми. В здоровом теле – здоровый дух. Я не верю, что импотенты, немощные, обрюзгшие мужчины и женщины способны на какие-то великие свершения. И я не считаю, что если человек следит за собой, то это нарциссизм. Каждый должен быть уверенным в себе и бодрым.

В конце концов, живем один раз и хочется прожить дольше. Для нормальной и полноценной жизни необходимы всего-то сила воли и стимул. Главное – любить жизнь, и тогда все получится!

XIII
Вертикаль жестокости или вертикаль милосердия?

Четыреста лет крепостного права и триста лет татаро-монгольского ига сформировали в России рабско-хамское общество. Вся история нашей страны к человеколюбию не располагала. Многие наши великие писатели на это обращали внимание. Пушкин в свой жестокий век восславил свободу и милость к падшим призывал. Толстой в «Хаджимурате» поражался жестокости офицеров, разглядывавших отрезанные головы врагов. И, наконец, Бердяев заметил, что «рабство порождает жестокость». Великие русские писатели и мыслители всегда понимали, что народ у нас послушный, но одновременно склонный к саморазрушению и бунтам.

Жестоких властителей Россия боготворит и складывает легенды об Иване Грозном, Петре Великом, Ленине, Сталине. О милосердных властителях, например об Александре II – легенд не складывают.

Современная история России дает огромное количество примеров как бытовой жестокости, так и жестокости власти. Достаточно вспомнить, как президент Путин отвечал в «Шоу Ларри Кинга» на вопрос ведущего «Что там у вас случилось с подводной лодкой?» Путин ответил с улыбочкой: «Она утонула». Это был жестокий ответ. Второй пример – Норд-Ост. Потом случился Беслан. Никто не опроверг депутата Савельева, который будучи членом комиссии по Беслану, утверждает, что по школе, где находились захваченные в заложники дети, федеральные войска стреляли из танков и гранатометов. Эти выстрелы вызвали обрушение крыши и пожар, в котором погибло большинство детей. Если цель была уничтожить террористов, то приказ стрелять по школе из танков и гранатометов надо считать целесообразным. Но это жестокий приказ.

Когда убили Анну Политковскую, президент Путин сказал, что своими статьями Анна наносила меньший ущерб государству, чем своей смертью. Когда искалечили Андрея Сычева, министр обороны, один из возможных преемников президента Сергей Иванов, сказал, что «ничего страшного не произошло, иначе бы я знал». Таких примеров можно привести множество.

Совершенно понятно, почему российский народ любит теперешних своих властителей – они соответствуют традиции.

Надо только подумать, может ли жестокая страна быть великой, успешной и счастливой. Я думаю, что нет. Жестокий властитель, когда формирует бюджет страны и встает перед выбором, построить ли ему ракеты «Булава» или увеличить пенсии тридцати восьми миллионам пенсионеров, обязательно выбирает «Булаву». И когда есть выбор, направить ли ракеты на Европу или озаботиться судьбой десяти миллионов инвалидов, жестокий властитель выбирает ракеты. Поэтому не удивительно, что в стране с 400 миллиардами долларов в резервах Центрального Банка и 130 миллиардами в Стабилизационном фонде двадцать миллионов граждан живут ниже черты бедности. На самом деле государственный бюджет отражает склонность граждан страны к агрессии или к гуманизму. И если посмотреть наш бюджет, выяснится, что мы агрессивны.

Жестокость пронизывает общество сверху донизу. Крупные бизнесмены в борьбе за прибыли натравливают на конкурентов прокуратуру и налоговые органы, не задумываясь о том, как будет жить разоренный конкурент, когда не только лишится бизнеса, но и окажется фигурантом сфабрикованного уголовного дела. В этой жестокой практике тон тоже задает власть. Михаил Ходорковский должен выйти в 2011 году. Его хотят добить, возбуждая против него все новые и новые дела. Зачем? Если он виноват, то у него уже отобрали бизнес и уже отобрали свободу на восемь лет. Зачем его добивать?

Не менее жестоко обращаются и с Михаилом Гуцериевым. У него не просто отобрали компанию. Его еще и объявили в розыск на следующий день после того, как у него погиб сын, очень славный и талантливый парень. Зачем? У человека сын погиб, оставьте его в покое.

Власть ведет себя по отношению к бизнесу как конкурент. Не как арбитр, устанавливающий правила и следящий за их соблюдением, а как игрок, причем игрок с замашками рэкетира. Захватывает компании, использует суды и прокуратуру для личного обогащения. В этих условиях заниматься бизнесом не просто опасно, а руки опускаются.

Это касается не только крупного бизнеса. На каждого Ходорковского есть свой Путин. На федеральном уровне Путин отбирает бизнес у Ходорковского. А в маленьком селе глава сельской администрации отбирает бизнес у владельца сельскохозяйственного кооператива.

Стоит ли удивляться, что и внутри себя бизнес устроен жестоко. Сколько вы думаете, получает страховки семья рабочего погибшего на производстве? 48 тысяч 900 рублей! Разве можно так оценивать человеческую жизнь? Если работающая женщина

беременеет, ее сразу стараются уволить. Ей платят несколько тысяч рублей и пошла вон. Точно так же относятся и к людям в возрасте. Если смотреть правде в глаза, то в нашей стране женщинам, особенно одиноким, нельзя рожать, и никому нельзя стареть, если не хочешь умереть с голода.

В любой цивилизованной стране мира регулированием этих проблем занимаются независимые профсоюзы. В России профсоюзы входят в состав партии власти. И даже если вы захотите создать профсоюз на своем предприятии, если даже больше половины работников предприятия будут состоять в этом профсоюзе, работодатель по закону имеет право не заключать трехсторонний договор с вами и профсоюзом, а навязывать вам официальный и подчиняющийся власти профсоюз.

В большинстве случаев жестокость, которую постоянно проявляют россияне друг к другу, можно объяснить. Но объяснения получаются позорные. Тысячи бойцов ОМОН разгоняют митинги, состоящие из пары сотен безоружных людей, потому что власть до смерти боится даже призрака оранжевой революции. Городские власти не защищают инвесторов от произвола застройщиков, потому что повязаны с застройщиками круговой порукой. Детям и старикам не хватает лекарств, потому что половина средств, выделенных на лекарства, оседают в карманах медицинских чиновников. Для инвалидов не строят лифты и пандусы, просто потому что жизнь тяжелая и про инвалидов забыли.

Несколько лет назад ко мне на прием приходила девушка, представляющая организацию бывших наркоманов, которые стараются помочь друг другу избавиться от своей пагубной зависимости. В организацию входят несколько десятков молодых людей. И я был потрясен, когда узнал, что все, буквально все члены организации, и мальчики, и девочки, были изнасилованы в детстве отчимами или учителями. Вспомните, как часто в последнее время вы слышите об изнасилованных детях, пропавших детях, убитых детях. Не правда ли, все чаще и чаще? Статистика домашнего насилия в российских семьях удручающая. Каждый день, в каждой четвертой российской семье бьют женщину или ребенка.

Вообще бытовая жестокость стала для нас обыденным делом. Вы же не удивитесь, если увидите, как на улице один человек грязно ругает другого. Но вы удивитесь, если увидите, как прохожие склоняются к человеку, которому на улице стало плохо.

У нас жестокое кино, жестокое телевидение. Мы объясняем себе собственную жестокость и трусливую свою терпимость к жестокости других тем, что, дескать, мир вокруг нас жесток. Это

позорное объяснение. Если мир жесток, надо попытаться его изменить, попытаться сделать жизнь вокруг хоть немного человечнее.

Дело не в том, какой кандидат победит на выборах: левый или правый, чекист, юрист или хозяйственник. Дело в том, чтобы очеловечить власть и общество, сделать их хоть чуть-чуть менее жестокой.

Как это ни банально звучит, начинать придется с себя. Давным-давно, когда я еще был губернатором в Нижнем Новгороде, мы начали там программу помощи одаренным детям. Тогда я считал эту программу хорошей, но неважной, теперь я считаю ее очень важной и продолжаю на собственные средства. Не потому даже, что одаренные дети превратятся в великих ученых и великих музыкантов, а потому что дети, их родители и те, кто им помогает, научаются относиться друг к другу по-человечески.

В конце концов, вот мы просто идем по улице и видим человека, которому стало плохо с сердцем. Вот человек упал на тротуаре, и если мы не подойдем к нему, заведомо считая его пьяницей или наркоманом, то мы не можем упрекать власть в жестокости и не можем требовать от власти, чтобы она гуманно относилась к своему народу.

Гуманизация России может стать хорошей национальной идеей, значительно лучшей национальной идеей, чем восстановление нашего былого ракетного величия. Национальные идеи типа возрождения великой России или создания многополярного мира плохи тем, что непонятно, как в эту национальную идею вписаться простому человеку. Понятно, что должен делать Путин для великой России и многополярного мира: газ перекрывать, ракеты перенаправлять. А простой человек для величия России что должен делать? Не понятно.

Если же мы пытаемся сделать свою страну человечнее, то понятно, чем именно должен заняться каждый человек ради этой великой цели. Государственные чиновники должны перестать заниматься бизнесом, не вмешиваться в дела судов, не мешать, хотя бы не мешать общественный организациям отстаивать права потребителей и чистоту воды в реках.

Губернаторы должны бороться за федерализм. Это сделает страну более демократичной и гуманной. Я встречался в Санкт-Петербурге с бабушкой-блокадницей. Она жаловалась, что три года ходит по кабинетам, не может доказать, что она блокадница, и соответственно, не получает причитающихся ей льгот и бесплатных лекарств. Я говорил этой бабушке, что губернатор Петербурга Валентина Матвиенко не выбрана блокадниками, а

назначена Путиным. Поэтому губернатору не нужно нравится блокадникам, а нужно нравиться Путину.

В ельцинские времена налоги между регионами и центром делились пополам. Сейчас 70 % налогов уходит в Москву, и только 30 % остается в регионах. Отмена федерализма привела к тому, что регионы стали жить и развиваться втрое хуже, чем Москва. Региональные власти должны за восстановление федерализма бороться, потому что жестоко считать людей, живущих в провинции, людьми второго сорта.

Олигархи должны платить налоги, не давать взяток, не создавать неестественных монополий, не уводить деньги за границу, не банкротить искусственно предприятия, выгоняя на улицу тысячи людей. Я не думаю, что можно требовать от олигархов социальной ответственности бизнеса. Я понимаю, что от волкодава требовать помощи бедным бессмысленно, можно требовать, чтобы он не мародерствовал и не вел себя как шакал.

Журналисты должны говорить правду. Отмена цензуры ударила бы в первую очередь по наиболее зарвавшимся чиновникам. Очевидно, что при Путине взяток брать стали больше и наглее именно потому, что введена цензура, и назвать чиновника вором – это теперь считается экстремизм.

Простые рабочие и служащие должны войти в независимые профсоюзы, чтобы бороться за свои права и права своих товарищей.

Женщины должны прийти во власть. Это сделает власть менее жестокой. Я уверен, что если бы операцией по освобождению заложников в Беслане командовала женщина, она не смогла бы отдать приказ стрелять по детям из танков и гранатометов.

Любой человек, идущий по улице, и увидевший, как кому-то стало плохо, должен подойти и помочь. И мы не просто поможем человеку. Мы еще и получим право требовать милосердия от власти, если будем милосердны сами.

Одним словом, в деле гуманизации России каждому найдется место. Что касается лично меня, то я совсем уж было отошел от активной политической жизни, занялся виндсерфингом, детьми, друзьями и прочими приятными вещами. Но моя страна так жестока, что я решил, что должен вернуться и сделать хоть что-то, чтобы страна стала человечнее.

Послесловие товарища

Друзья настоятельно рекомендовали Немцову назвать книгу «Политика без бл. ства». Просто, понятно и соответствует букве и духу его жизни и политической карьеры. Жаль, что он решил маскироваться под солидного и остепенившегося деятеля. Единицы к 50-летнему юбилею сохраняют способность не оглядываться по сторонам и вести себя непосредственно. Тем более нет таких среди российских чиновников и политиков. Немцов – редкий экземпляр.

Борис Ефимович Немцов, безусловно, яркий и умный политик. По образованию он физик, а физика хорошо структурирует мысль и одновременно делает ее образной.

Немцов, конечно, злоупотребляет симпатиями избирателей и часто пренебрегает общественным мнением, отстаивая собственные взгляды. Но притворяться и подстраиваться под кого-то ему просто лень.

Борис Немцов – искренний человек. Типичному российскому политику эта черта не свойственна и даже противопоказана. Искренние политики в России не выживают. Едва ли не единственное исключение – Немцов – только подтверждает это печальное правило. Традиционно политика замешана на лицемерии, российская политика лицемерна насквозь. Это лицемерие особого рода. Оно замешано на крови, на генетическом страхе потерять свободу, дело всей жизни и саму жизнь только лишь за одно неосторожно сказанное слово. Немцов пытается эту вековую травму российской действительности исправить. Он не стесняется обсуждать собственные ошибки и провалы в карьере.

Немцов – смелый человек. Он не безрассудный боец, не хулиган и не революционер-бомбист. Самодостаточный и довольно самоуверенный, он любит комфорт и беззаботное

веселье. Ему есть что терять, но он находит в себе силы критиковать власть, когда остальные сильные, умные и богатые тихонько помалкивают. Он остается частью истеблишмента, частью элиты, не превращается в маргинала, но идет против нынешней власти и демонстрирует, что можно оставаться в России успешным и без лизоблюдства. Однако ум, искренность и смелость – это не исчерпывающие для политика черты. Этих положительных качеств недостаточно для политика в современной России.

Немцов слишком рано взобрался на вершину политической пирамиды – самый молодой российский губернатор, самый молодой министр и первый вице-премьер правительства, любимчик первого президента страны. Он очень рано ставил действительно масштабные задачи и обладал огромными полномочиями. Масштаб задач кружил тогда голову, поэтому сейчас рутина и серость российской действительности Немцова угнетают.

Главный недостаток Немцова состоит в том, что он не одержим властью. Он не держался за власть любой ценой при Борисе Ельцине, из-за тактических разногласий с президентом ушел из правительства, уступил место ретроградам и консерваторам. Позже он понадеялся на зрелость российских избирателей, и в результате в российском парламенте образца 2003–2007 годов не было демократов и фракции СПС. Его добровольная отставка с поста руководителя «Союза правых сил» в 2004 году – благородный, но неэффективный поступок. Немцов очень долго сомневался, стоит ли вообще возвращаться в большую политику. И это печально, потому что в российской политике так мало умных, честный и смелых…

Павел Шеремет, журналист